

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЕРИЯ «НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Основана в 1959 году

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
И ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ
им. С.И. ВАВИЛОВА РАН ПО РАЗРАБОТКЕ
НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ ДЕЯТЕЛЕЙ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ:

академик *Н.П. Лаверов* (председатель),
академик *Б.Ф. Мясоедов* (зам. председателя),
докт. экон. наук *В.М. Орёл* (зам. председателя),
докт. ист. наук *З.К. Соколовская* (ученый секретарь),
докт. техн. наук *В.П. Борисов*, докт. физ.-мат. наук *В.П. Визгин*,
канд. техн. наук *В.Л. Гвоздецкий*, докт. физ.-мат. наук *С.С. Демидов*,
член-корреспондент РАН *А.А. Дынкин*, академик *Ю.А. Золотов*,
докт. физ.-мат. наук *Г.М. Идлис*, академик *Ю.А. Израэль*,
докт. ист. наук *С.С. Илизаров*, докт. филос. наук *Э.И. Колчинский*,
академик *С.К. Коровин*, канд. воен.-мор. наук *В.Н. Краснов*,
докт. ист. наук *Б.В. Лёвшин*, член-корреспондент РАН *М.Я. Маров*,
докт. биол. наук *Э.Н. Мирзоян*, докт. техн. наук *А.В. Постников*,
академик *Ю.В. Прохоров*, докт. геол.-минерал. наук *И.А. Резанов*,
член-корреспондент РАН *Л.П. Рысин*,
докт. геол.-минерал. наук *Ю.Я. Соловьёв*,
академик *И.А. Шевелёв*

Г.П. Матвиевская

**Яков
Владимирович
ХАНЫКОВ
1818 – 1862**

Ответственный редактор
доктор технических наук
А.В. ПОСТНИКОВ

МОСКВА
НАУКА
2006

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)5
М33

Рецензенты:

доктор географических наук *В.В. ГЛУШКОВ*,
академик *В.С. МЯСНИКОВ*

Матвиевская Г.П. Яков Владимирович Ханыков, 1818–1862 /
Г.П. Матвиевская. – М. : Наука, 2006. – 200 с. – (Научно-биографическая
литература). – ISBN 5-02-033232-1 (в пер.).

Монография – первая научная биография географа, востоковеда, экономиста, активного члена Русского географического общества. Картографические работы Я.В. Ханыкова, особенно карта Аральского моря и Хивинского ханства, заслужили высокую оценку современников и прежде всего Александра Гумбольдта. Особое внимание уделено деятельности ученого в Оренбурге и его трудам, посвященным исследованию Оренбургского края и Средней Азии.

Для широкого круга читателей, интересующихся историей изучения территории нашей страны.

Темплан 2005-II-251

Научное издание

Матвиевская Галина Павловна
Яков Владимирович Ханыков
1818–1862

Утверждено к печати Редколлегией серии
“Научно-биографическая литература”
Российской академии наук

Зав. редакцией *Е.Ю. Жолудь*. Редактор *А.Н. Беркутова*
Художник *В.Ю. Яковлев*. Технический редактор *О.В. Аредова*
Корректоры *Т.А. Печко, М.Д. Шерстенникова*

Подписано к печати 23.11.2005. Формат 60 × 90^{1/16}. Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 12,5. Усл.кр.-отт. 12,8. Уч.-изд.л. 12,9. Тип. зак. 4493

Издательство “Наука”, 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП “Типография “Наука”
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 5-02-033232-1

© Российская академия наук и издательство
“Наука”, серия “Научно-биографическая
литература” (разработка, оформление),
1959 (год основания), 2006
© Матвиевская Г.П., 2006
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство “Наука”, 2006

От автора

Яков Владимирович Ханыков (1818–1862) принадлежит к тем русским ученым XIX в., научные заслуги которых в свое время нашли всеобщее признание, но впоследствии в силу тех или иных причин оказались забытыми и исчезли из поля зрения историков науки. Долгое время в незаслуженном забвении оставался и его брат Николай Ханыков (1819–1879), но эту несправедливость устранила появившаяся в 1977 г. книга Н.А. Халфина и Е.Ф. Рассединой “Н.В. Ханыков – востоковед и дипломат”. Перед Яковом Ханыковым, имя которого было не менее известным в ученом мире, историки науки находятся в долгу до сих пор.

Своими трудами, получившими самую высокую оценку А. Гумбольдта и Р.И. Мурчинсона, Я.В. Ханыков внес важный вклад в развитие географической науки в России, а интерес к исследованию Средней Азии и работы по картографированию этого региона позволяют причислить его к крупнейшим отечественным востоковедам. Он был избран в 1845 г. в действительные члены Русского географического общества (РГО) и некоторое время (1851) был его секретарем.

Я.В. Ханыков поражал современников огромной эрудицией в разных областях знания, редкой широтой кругозора и способностью заниматься одновременно исследованиями теоретического характера и кропотливой работой по составлению карт. При оценке его научного наследия нельзя не учитывать, что творческая жизнь этого талантливого ученого была очень недолгой, из-за тяжелой болезни прервавшись в 35 лет. Можно удивляться, как много он успел сделать за такой короткий срок, тем более что научные исследования ему приходилось сочетать с исполнением обязанностей правительственного чиновника высокого ранга.

В литературе Я.В. Ханыкову уделено мало внимания. По существу сведения о его научной деятельности можно найти только в вышедшей в 1895 г. книге А.А. Семенова-Тян-Шанского об истории РГО за первые 50 лет его существования.

В наше время к творчеству Я.В. Ханыкова обратилась Б.А. Вальская, отметившая, что известно о нем очень немного. Она рассмотрела его сочинения по статистике (1957), сделала обзор его трудов по географии и картографии и пришла к выводу, что забытые работы Ханыкова должны занять достойное место в истории географической науки в нашей стране.

Большое внимание трудам Я.В. Ханыкова уделено в книге “Карл Риттер и географическая наука в России” Н.Г. Суховой.

Изучением жизни и творчества Я.В. Ханыкова занимался оренбургский историк Ю.С. Зобов. В 2002 г. вышла в свет его статья “К творческой биографии русского ученого-востоковеда Я.В. Ханыкова”, в которой отмечена связь деятельности Ханыкова с Оренбургским краем.

Предлагаемая в этой книге научная биография замечательного, но почти неизвестного ученого Я.В. Ханыкова собрана буквально по крупицам: по упоминаниям о нем в воспоминаниях и письмах современников, которые опубликованы главным образом в журналах XIX в., и по архивным документам. Среди них письма Я.В. Ханыкова к В.И. Далю, Ю.Ф. Самарину, Н.А. и Д.А. Милютиным, Г.С. Карелину, Н.В. Гоголю и письма к нему от В.А. Перовского, которые удалось обнаружить в Государственном архиве Оренбургской области (ГАОО) и архивах Москвы и Санкт-Петербурга, рукописных отделах Института русской литературы РАН (Пушкинский дом, ИРЛИ), Российской Национальной библиотеки (РНБ), Российской Государственной библиотеки, Российского государственного Исторического архива, санкт-петербургского филиала Архива РАН (ПФА РАН), Русского географического общества.

Глава 1

Детство и юность. Царскосельский лицей

Яков Владимирович Ханыков родился 2 марта 1818 г. в родовом имении – селе Георгиевском Лихвинского уезда Калужской губернии. Он был старшим сыном Владимира Яковлевича Ханыкова (1791–1863), морского офицера, находившегося в то время в отставке [169, 7–8]. Из четырех его младших братьев в живых остались Николай (1819–1878) и Александр (1826–1851).

Род Ханыковых, как выяснено из родословных книг [169, 7], вел начало от “выехавшего” из Большой Орды в Рязань к великому князю Рязанскому “мужа честна именем Салахмира, а по крещении названного Иваном”. Потомки его правнука, носившего прозвище Ханык, с XVI в. “российскому престолу служили стольниками и в иных чинах”.

Относительно имущественного положения семьи известно, что в 1822 г. В.Я. Ханыков унаследовал после смерти своего отца 5 деревень в Тульской и Калужской губерниях и 325 крестьянских душ [169, 8]. В 1850 г. за ним числилось 396 крепостных крестьян¹.

Образование он получил в петербургском Морском кадетском корпусе и, закончив его в 1807 г., служил на Балтийском флоте в чине мичмана. В 1811 г. он вышел в отставку, но в 1824 г. вернулся на службу, заняв должность чиновника особых поручений при калужском генерал-губернаторе. В 1828–1831 гг. В.Я. Ханыков был библиотекарем Департамента народного просвещения [169, 7–9]. Позднее он, по-видимому, постоянно жил в Калуге [133, 65].

Сыновья В.Я. Ханыкова получили превосходное образование. Яков и Николай учились в Благородном пансионе Царскосельского лицея, а затем в самом лицее. Александр позднее закончил Первую петербургскую гимназию, в которую в 1830 г. был преобразован Благородный пансион, и стал студентом Петербургского университета.

¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. № 11615/7. Л. 54.

Благородный пансион, организованный в 1812 г., считался самостоятельным учебным заведением с полным курсом обучения [36]. Однако ежегодно 25 лучших учеников старших классов пансиона переводились в Царскосельский лицей. Целью этого привилегированного учебного заведения, открытого 19 октября 1811 г., согласно его уставу, было “образование юношества, особливо предназначенного к высшим частям службы государственной” [87, 476]. Выпускники лицея поступали на службу сразу чиновниками IX и X класса, то есть с чинами титулярного советника и коллежского секретаря.

Имя Якова Ханыкова значится в списках окончивших Благородный пансион в 1829 г., то есть в последний год его существования, и тогда же переведенных в лицей [87, 515]. Спустя три года лицеистом стал и его брат Николай.

История Царскосельского лицея сейчас хорошо известна [63; 87; 140; 141; 146 и др.] прежде всего потому, что среди первых лицейстов был А.С. Пушкин. Немало написано и о соучениках великого поэта – выпускниках 1819 г., об их наставниках, о зародившихся в ту пору лицейских традициях, либеральном духе, царившем тогда в этом учебном заведении, которое снискало себе славу источника свободомыслия.

Ко времени, когда лицеистом стал Яков Ханыков, лицей уже произвел пять выпусков (1817, 1820, 1823, 1826, 1829), а в системе воспитания и образования многое изменилось. После декабрьских событий 1825 г. она стала более строгой, не допускавшей никакого вольнодумства. Из Министерства народного просвещения лицей был передан под опеку Управления военно-учебных заведений и вошел в ведомство главного директора кадетских и пажеских корпусов великого князя Константина Павловича (а после его смерти в 1831 г. – Михаила Павловича). В результате было частично утеряно присущее ему своеобразие, и он стал похож на другие учебные заведения.

Значительно уменьшилась степень закрытости лицея. В своих воспоминаниях лицеист 1832–1836 гг. А.Н. Яхотнов, учившийся в одном классе с Николаем Ханыковым, писал, что “удаленные от соблазнов столичной жизни, прежние лицеисты долее сохраняли простоту нравов и привычек, жили своей особой, семейной жизнью”, и “в среде их вырабатывались элементы прочного дружеского единодушия, примерного товарищества, соединявшего их и после выпуска, в течение всей жизни, выработалась и любовь всех лицейских к Лицею и к Царскому Селу, как к родному месту” [192, 103]. Теперь же порядки стали другими. В 1832 г. вышел приказ, согласно которому воспитанники “отличной нравственности, прилежания в науках и отличные в успехах” стали при-

Царскосельский лицей

глашаться к столу великого князя, а затем – высочайшее повеление, обязывающее лицеистов по воскресным и праздничным дням дежурить при императорской семье во время ее пребывания в Царском Селе; лицеисты старшего возраста уравнивались с пажами, младшего – с камер-пажами [69, 24]. Последовало также разрешение посещать театр, а в каникулярное время – родственников.

Количество воспитанников было удвоено и организовано четыре класса, из которых два составляли первый курс, а два – второй. “Курс учения в каждом классе, – пишет Яхонтов, – должен был продолжаться полтора года, и выпуск происходить уже не через три года, как прежде, а также через каждые полтора года” [192, 104].

Особое внимание теперь уделялось нравственному воспитанию лицеистов, и с этой целью с 1829 г. в первом классе было за-

прещено чтение книг, “воспалывших воображение”, в том числе романов и трагедий. А.Н. Яхонтов рассказывает: “В первые полтора года нашей жизни в лицее чтение всех посторонних учению книг было запрещено. Излишняя строгость в этом отношении доходила до того, что мы даже в свободное время при появлении гувернера прятали под стол романы В. Скотта” [192, 107–108]. Он вспоминает, как у него была конфискована поэма А.С. Пушкина “Руслан и Людмила”, которую ему одолжил старшекурсник.

Упомянув ряд нововведений, вносящих в жизнь воспитанников неудобства и казенный дух, А.Н. Яхонтов пишет, что лицеисты скорбели обо всех этих переменах и называли прежние времена “золотым веком” лицея, на смену которому теперь пришел “век железный”.

Тем не менее они неизменно гордились принадлежностью к лицейскому братству и дорожили сложившимися традициями. По словам А.А. Харитонов, одноклассника Я.В. Ханькова: “дух заведения был превосходный: старинные предания поддерживались прежними выпусками, которые приезжали не только из Петербурга, но и из более далеких мест, чтобы навестить нас” [87, 339].

О том же пишет Я.Н. Яхонтов: “Нередко случалось, что посещали лицей бывшие воспитанники прежних курсов. Такое посещение составляло маленькое событие в нашей жизни. Обыкновенно старшие делали с гостем обход всего лицея, чтоб показать ему новое размещение классов и новые порядки. Весь старший курс следовал за ним толпою, всегда шумною и веселою, придавая этому шествию какую-то особенную торжественность, как бы доказывавшую нашу независимость от наших дисциплинарных порядков, так как обход этот иногда случался во время наших вечерних занятий. Мы с любопытством рассматривали приезжего как представителя лучших времен лицея, которые мы называли золотым веком” [192, 105–106].

Весной 1833 г. лицей посетил А.С. Пушкин, который встретился с воспитанниками и показал им свою комнату [69, 22].

Знаменательным событием, по словам А.А. Харитонova, был приезд лицеиста первого выпуска В.Д. Вольховского (1798–1841), одного из друзей Пушкина. В то время он был начальником штаба Отдельного кавказского корпуса, а его имя стояло первым на установленной в 1833 г. мраморной доске “с именами отличнейших выпускников, получивших золотые медали” [69, 29]. Особенное впечатление произвела скромность знаменитого гостя: увидев свою фамилию на памятной доске, к которой его подвели лицеисты, он начал читать вслух записанные на ней имена снизу вверх и остановился, дойдя до своего [87, 339; 140, 142].

Традиционно сохранялся интерес к литературе. По свидетельству А.Н. Яхонтова, увлечение ею началось для большинства во втором классе, когда чтение было разрешено, “но каждая книга должна была проходить через цензуру инспектора”. “Это было время, – пишет он, – появления драм и драматических фантазий Нестора Кукольника: мы восхищались его Торквато-Тассом, Роксоланой и проч.; в наших глазах он был поэтом первой величины, мало чем уступавшим Пушкину. Затем появились стихотворения Николая Языкова, которые мы знали наизусть от доски до доски; зачитывались мы также сказками казака Луганского, повестями английского юмориста Мариета и проч.” [192, 108].

Лицейсты выпускали свои литературные альманахи и журналы. Один из таких журналов под названием “Сын лицея” издавал автор цитированных воспоминаний Алексей Харитонов вместе с Яковом Ханыковым [87, 339–340].

Был в это время свой журнал и у лицейстов младших классов. Об этом рассказывал А.Н. Яхонтов: “По примеру прежних курсов мы задумали издавать свой литературный журнал для домашнего обихода. Первый ученик нашего класса К.С. Веселовский (ныне неперемный секретарь Академии наук) взялся быть его редактором и переписчиком, а я был его сотрудником. Журнал наш – “Денница” – выходил один раз в месяц в виде толстых тетрадей, писанных мелко и красиво, на отличной белой бумаге, с виньетками, исполненными пером, очень изящно, самим редактором. Помещались в нем наши стихи, повести, оригинальные и переводные, критические статьи, наша лицейская хроника и смешные анекдоты, для разнообразия” [192, 109].

Поскольку в младших классах увлечение литературой не поощрялось, журнал издавался тайно от воспитателей. “Содержание журнала, – продолжает Яхонтов, – было, конечно, детское, иногда наивное, но кое-где проглядывал и талант. Издание это, на котором мы пробовали наши крылья и в котором не было ничего предосудительного или неприличного, не могло быть, однако, гласным: начальство строго преследовало всякие литературные упражнения в младшем курсе”. Однажды “Денница” была конфискована инспектором, который “имел неосторожность не спрятать ее под замком”. “Воспользовавшись минутой отсутствия его в инспекторской комнате, – заключает рассказчик, – мы сочли себя вправе взять с его стола нашу собственность и с торжеством принесли ее в класс. С тех пор наша “Денница” хранилась в надежном месте, и все попытки найти ее остались напрасными” [192, 109].

Однако основное внимание лицейстов было направлено на учебу. “Мы работали, учились и читали много, – писал А.А. Ха-

ритонов, – из 25 воспитанников нашего курса больше половины вставали в 3 часа утра и занимались каждый за своей конторкой тем, в чем чувствовали себя слабее... Начальство не запрещало этих ранних занятий и отпускало для них зимой казенные свечи” [87, 339].

Учебная программа Царскосельского лицея соответствовала целям этого единственного в России учебного заведения, выпускникам которого предстояло занять высшие посты на государственной службе. Она обеспечивала им наивысший по тому времени уровень образования, что оправдывало их особые права при поступлении на службу: они получали чины IX и X классов, тогда как окончившие университет становились чиновниками XIV класса; чин IX класса получал магистр наук, а X – доктор наук [69, 20].

Программа обучения была рассчитана на 6 лет и охватывала начальный и конечный курсы – по 3 года каждый [69; 146].

Для классов начального курса обязательным было прежде всего грамматическое изучение языков (русского, латинского, французского, немецкого) и освоение основы “наук нравственных” – Закона Божия и нравственной философии, включавшей логику, психологию и эстетику. В число “наук математических”, изучавшихся на младшем курсе, входили арифметика, геометрия (планиметрия и стереометрия), алгебра (до уравнения третьей степени), прямолинейная тригонометрия, основы физики (“как общие, так и особенные свойства тел, познание магнитных, электрических и гальванических явлений”), а также прикладная математика, под которой понимались “первые основания” механики и математической географии. “Науки исторические” охватывали историю российскую и иностранную, географию и хронологию.

В первые три года воспитанники лицея должны были постигнуть также “первоначальные основания изящных письмен” с целью “изошрения и направления вкуса к изящному слогу”. Для этого изучались “избранные места из лучших писателей с разбор оных и правил риторики”.

Особым пунктом программы значились “изящные искусства и гимнастические упражнения”, куда входили чистописание, рисование, “танцевание”, фехтование, верховая езда и плавание.

В старших классах, где преподавание велось по университетской (лекционной) методике, должен был быть освоен “окончательный курс” изучаемых предметов. Входившие в него “науки нравственные” были призваны осветить “нравственное положение человека в обществе” и дать представление об “устройстве гражданских обществ, прав и обязанностей”. К ним относились

“науки исторические”, а также статистика “с обозрениями политических наук вообще”.

Примечательно указание, сделанное в программе относительно преподавания “наук исторических”: история “должна быть делом разума”, и словесность следует приближать “скорее к упражнению разума, нежели памяти”.

Большое значение придавалось “политическим наукам” (касающимся безопасности и благосостояния государства) и статистике. В курсе статистики излагались история статистической науки, теория и применение этой теории к описанию европейских государств, прежде всего Англии, Франции, Австрии и Пруссии. Не меньше внимания уделялось юридическим дисциплинам, в число которых входили наука государственного хозяйства, естественное и римское право, основы частного и гражданского права, уголовные законы и практическое российское законоведение.

Относительно “наук математических” программой было определено: “Здесь должно окончить алгебру, пройти курс сферической тригонометрии и конические сечения. Потом показать нужнейшие части прикладной математики, как то: статику, гидравлику, артиллерию и фортификацию”. Кроме того, лицеисты получали достаточно полное представление о гражданской архитектуре и перспективе. В 1832 г. из преподавания были исключены “военные науки”, то есть артиллерия и фортификация, поскольку для выпускников, в большинстве своем поступающих на гражданскую службу, они не являлись необходимыми [69, 28].

При изучении “наук физических”, прежде всего физики и физической географии, требовалось уяснить связь физических явлений с законами природы, чтобы получить “коренное познание земного шара в физических отношениях”. Следовало также освоить “естественную историю”, то есть ботанику, зоологию и минералогию.

Окончательный курс предполагал продолжение занятий иностранными языками, причем помимо грамматики и переводов большое значение придавалось чтению произведений “хороших писателей”.

Учившийся в 1832–1838 гг. А.Н. Яхонтов, говоря о лицейской учебной программе, заметил: “Научные занятия наши имели вообще характер энциклопедический: нас хотели научить всему, но так как времени на это было мало, то, к сожалению, приходилось хватать вершки в ущерб основательности знания. Естественные занятия (кроме физики и химии) вполне игнорировались в лицее, но и без них было 18 предметов преподавания” [192, 113].

В 1834 г., когда Я.В. Ханыков уже заканчивал курс обучения, в программу был включен английский язык. В том же году зна-

чительному сокращению подверглась программа по математике, которая считалась необходимой прежде всего для военных специальностей. Было решено “отменить прикладную математику и дифференциальное исчисление и ту часть алгебры, которая служит более к объяснению высших исчислений, нежели к употреблению в общежитии; за сим исключением преподавать из чистой математики все то, что нужно для развития умственных способностей и умножения познаний, необходимых для хорошо образованного чиновника, к чему прибавить еще практическую механику с объяснением оной без высших исчислений” [69, 31; 146, 200].

Нововведения имели целью улучшить подготовку гражданских чиновников. Поэтому предлагалось обращать значительно больше внимания на историю, которой в это время придавалось важное государственное значение. Одновременно – для подготовки к конкретной службе – выпускникам было разрешено в течение 1–2 лет после окончания лицея слушать лекции по избранной специальности, причем это время зачитывалось им в срок службы [69, 33].

Таким образом, уже краткое ознакомление с учебной программой Царскосельского лицея показывает, что окончившие это учебное заведение получали разностороннее и глубокое образование. Якову Ханыкову жизнь предоставила множество случаев, когда полученные в годы учебы знания оказались необходимыми в его многообразной практической деятельности.

Следует добавить, что в лицее ему довелось учиться у прекрасных преподавателей. Некоторых из них, например профессора И.К. Кайданова (1782–1843), читавшего историю, географию и статистику, Я.И. Карцова (1784–1836), преподававшего физико-математические дисциплины, И.П. Шульгина (1797–1869), историка, будущего академика с благодарностью вспоминали еще лицеисты первого выпуска [141, 75–83].

Правда, время брало свое и, по словам А.Н. Яхонтова, И.К. Кайданов “в ту пору уже был стариком и жил своей старой репутацией”; курс истории он читал по составленному им самим учебнику, сухо и скучно. “Вследствие чего, – пишет Яхонтов, – мы занимались этим вяло и неохотно. Весь курс всеобщей истории оканчивался у нас воцарением Людовика XIII; о первой французской революции мы от Кайданова не слышали ни единого слова” [192, 113].

Но не все обстояло так плохо. Яхонтов продолжает: “Зато профессор русской истории Иван Петрович Шульгин заставлял нас работать с особенным рвением. Его веское, дельное изложение событий, умение картинно группировать их были уже знакомы нам с того времени, когда он, преподавая нам еще в 3-м клас-

се географию России, увлекательно излагал историю каждой губернии отдельно. Теперь мы сами составляли лекции, записывая их с его слов и ловя слова его на лету, так как он говорил скоро, не останавливаясь” [192, 113].

Хорошо было поставлено преподавание политической экономии. “Любимым нашим предметом, – рассказывает А.Н. Яхонтов, – была политическая экономия благодаря таланту и увлекательной речи преподававшего ее молодого профессора Игнатия Акинфиевича Ивановского. Он приходил к нам с пустыми руками, но с богатым запасом знаний и энергии; начинал обыкновенно тихим голосом, но с каждым словом воодушевлялся все более, вскакивал с кафедры, расхаживал по аудитории или подходил в упор к нашим конторкам и как будто исключительно обращался то к одному, то к другому из нас. Все в нем увлекало нас, возбуждало наше внимание – и живая пылкая речь, и интерес содержания лекции, и даже оригинальная модуляция его голоса” [192, 113–114]

13 июня 1835 г. состоялся 7-й выпуск Царскосельского лицея, и в числе 25 окончивших обучение был Яков Владимирович Ханыков. В воспоминаниях А.А. Харитоновна дано описание этого торжественно проведенного дня – с пением прощальной песни первых воспитанников лицея, выражением благодарности наставникам и обедом в ресторане [87, 336–343]. После этого выпускники расстались и “потом уже не могли собраться в полном комплекте”. Однако Я.В. Ханыкову со многими соучениками впоследствии пришлось нередко встречаться по служебным делам.

В формулярном списке, составленном в 1850 г.², Я.В. Ханыков записал: “По окончании курса в Императорском Царскосельском лицее с Высочайшего разрешения выпущен в гражданскую службу с чином коллежского секретаря – 1835 г., 31 октября. О сем Высочайшем повелении объявлено указом Правительствующего Сената – 12 октября 1835 г.”

Назначение Ханыков получил в Министерство внутренних дел: 20 октября он был “определен в число чиновников особых поручений с прикомандированием для занятий к статистическому отделению”. Статистика стала его основной специальностью. Для усовершенствования познаний в этой области он получил возможность прослушать курс лекций в Петербургском университете и только после этого приступил к исполнению служебных обязанностей. Датой 2 июня 1836 г. в формулярном списке помечена запись: “На основании Высочайше утвержденного положе-

² ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. № 11615/7. Л. 53–86.

ния Комитета министров помещен в число чиновников особых поручений VIII класса при министре”.

Следующая запись, датированная 10 июня 1836 г., свидетельствует, что в жизни Я.В. Ханыкова наступил крутой перелом. Она гласит: “По распоряжению министра внутренних дел прикомандирован к Оренбургскому военному губернатору для собирания сведений об Оренбургском крае”.

В 1836 г. молодой человек уже был автором печатного труда по статистике. В двух номерах “Журнала министерства внутренних дел” за этот год вышла его большая статья “Статистическое обозрение Австрии” [1]. Она начинается с замечания о том, что материал для нее был извлечен из “Журнала трудов французского общества общей статистики”. Первый раздел содержит географический обзор Австрии, дающий представление о “местности страны”, ее климате, почве и “естественных произведениях земли”. Во втором разделе предлагается характеристика населения Австрии (указано число жителей, их социальное положение и вероисповедание), а затем рассматривается народное хозяйство (“промышленность”) страны.

Статья представляла собой образец описаний, принятых в статистической науке того времени. Она показывает, что Яков Ханыков уже хорошо владел теоретическими основами этой науки. Самостоятельную деятельность ему предстояло начать в далеком Оренбурге.

Глава 2

Служба в Оренбурге

Оренбург в 20–30-е годы XIX века

Город, в котором предстояло служить Я.В. Ханыкову, имел, хотя и не долгую, но примечательную историю и играл особую роль в государственной жизни России.

Оренбург, возраст которого не превышал тогда ста лет, возник на карте империи в 1743 г. После того, как Абулхайр, хан Малого казахского жуза, принявшего русское подданство, направил в 1734 г. императрице Анне Иоанновне прошение о постройке на границе России с зауральскими степями крепости для “защиты” казахов от неприятелей и поддержки меновой торговли, было решено расположить эту крепость на реке Яик (как тогда называли Урал) при устье ее притока Ори. Поэтому будущая крепость заранее получила имя Оренбург. Она была заложена на указанном месте в 1735 г. трудами специальной экспедиции, получившей сначала название “Известная”, а затем “Оренбургская”. Ее возглавлял сподвижник Петра I, географ и картограф И.К. Кирилов (1688–1737). После его смерти начальником экспедиции, преобразованной в Оренбургскую комиссию, стал другой “птенец гнезда Петрова” В.Н. Татищев (1686–1750), видный дипломат и ученый, историк и географ. Он нашел место, выбранное для крепости, неудобным во многих отношениях и добился ее переноса на урочище Красная гора – ниже по течению Яика на 174 версты. Но и этот выбор оказался неудачным. Первый оренбургский губернатор И.И. Неплюев (1693–1773) перенес строительство крепости еще ниже, по Яику, избрав для него место близ реки Сакмары, где ранее располагалась Бердская крепость. Здесь в апреле 1743 г. был торжественно заложен, а затем и построен город, получивший, как ожидалось, название Оренбург. Крепость же, заложенная в устье Ори, была названа Орской [108, 31–74].

С самого начала своей истории Оренбург стал важнейшим постом для охраны юго-восточной границы русского государства

Оренбург 1840-х гг. Рис. А. Чернышева

и главной точкой его соприкосновения с азиатскими странами [66; 108; 158 и др.]. Здесь сходились пути караванной торговли с ханствами Средней Азии и велось управление киргизами (как тогда называли казахов) – беспокойными подданными России, доставлявшими ей много хлопот. Кроме того, город стал центром огромного Оренбургского края, сказочные природные богатства которого еще предстояло освоить.

В первой половине XIX в. управление краем осуществлял оренбургский военный губернатор, одновременно являвшийся командиром Отдельного оренбургского корпуса. Местом его пребывания был Оренбург, тогда как гражданский губернатор вместе со своей канцелярией находился в Уфе.

Военный губернатор имел широкие полномочия, касавшиеся как внутренней, так и внешней политики. В его ведении находились Южный Урал и Башкирия, земли уральского казачьего войска и Внутренней (Букеевской) киргизской орды, а также Зауральские киргизские степи. Через оренбургского военного губернатора осуществлялись дипломатические связи России с государствами Средней Азии.

Киргизскими и среднеазиатскими делами ведала созданная в 1799 г. оренбургская Пограничная комиссия, своего рода филиал Азиатского департамента Министерства иностранных дел России. Эта сторона деятельности оренбургской администрации была сопряжена с постоянными беспокойствами [73; 94; 110; 132; 167]. Оренбург, оставаясь пограничным военным укреплением,

должен был выполнять также функции центра международной торговли, чему русское правительство придавало очень большое значение. Купцов, прибывавших сюда с караванами из Бухары, Хивы и Коканда, встречали с неизменным радушием. Торговые операции производились на оренбургском Меновом дворе, который находился невдалеке от крепости на азиатском берегу Урала. Объем торговых оборотов был весьма значителен.

Устойчивые торговые связи установились у России с Бухарой, которая всячески стремилась упрочить межгосударственные отношения. В 1820 г. – в ответ на неоднократные обращения бухарского хана – в Бухару была впервые отправлена русская дипломатическая миссия, которой руководил влиятельный чиновник внешнеполитического ведомства А.Ф. Негри. Главная задача миссии состояла в том, чтобы “не только утвердить, но и распространить торговые связи между Россией и Бухарией, доселе существующие”¹. Предстояло, в частности, обсудить вопрос о тарифах, по которым взимались пошлины на товары из Бухары, и попытаться “изыскать меры к доставлению прямой пользы как российскому, так и бухарскому купечеству”². Отправление миссии стало важным событием в жизни Оренбурга, где был сформирован большой военный отряд сопровождения и велась подготовка к длительному и трудному степному походу. 10 октября 1820 г. из Оренбурга в Бухару вышел караван миссии, состоявший из 358 верблюдов и 400 лошадей с полутысячным конвоем при двух артиллерийских орудиях.

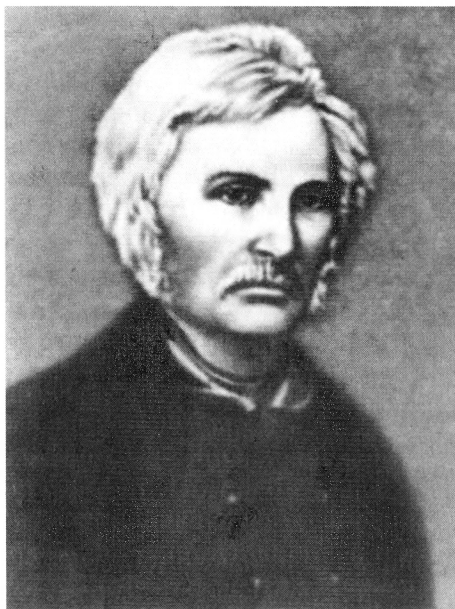
Необходимость вооруженного прикрытия была вызвана враждебностью со стороны Хивы, которая систематически нарушала свободу международной торговли. Хивинский хан, кроме того, вмешивался в дела состоявшей в подданстве России Малой киргизской Орды, претендуя на господство над южной частью ее территории. Хивинцы не только нападали на торговые караваны, шедшие из Бухары в Россию и обратно, грабили и разоряли их, но и поощряли угон в плен людей с пограничной линии, которых затем продавали на невольничьих рынках Хивы и Бухары.

В планы миссии Негри входило выяснение вопроса о “российских подданных разных исповеданий, схваченных киргизскими и иными хищниками и проданных в рабство”³.

¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. № 2291. Л. 3.

² Там же. Л. 4.

³ Там же. Л. 5–5 об.

Э.А. Эверсман

Кроме того, перед миссией стояли и чисто научные задачи. Так как она отправлялась в места, совершенно неизвестные европейцам, ей предстояло собрать “по возможности верные сведения о земле сей”. В состав миссии были включены люди, способные выполнить такое поручение. Офицерами Генерального штаба, получившими задание производить съемки и дать картографическое описание пути через степи в Бухару, руководил полковник Е.К. Мейендорф (1794–1863). Одним из них был соученик А.С. Пушкина по Царскосельскому лицейу

В.Д. Вольховский, которому и позднее пришлось по делам службы бывать в Оренбурге.

В качестве натуралистов, которым предстояло дать естественно-научное обозрение неизвестного ранее региона, в миссию вошли Х.И. Пандер (1794–1865), выпускник Дерптского университета, впоследствии известный палеонтолог, академик Петербургской Академии наук, и Э.А. Эверсман (1794–1860), приехавший из Германии молодой ученый, имевший степени доктора философии и медицины.

Его мечта – совершить путешествие в неведомые страны Азии и познакомиться с их растительным и животным миром – нашла понимание у оренбургского военного губернатора П.К. Эссена (1772–1844), который обратился в министерство с предложением включить Эверсмана в состав миссии Негри. Когда 16 мая 1821 г. посольство благополучно возвратилось, он остался в Оренбурге и позднее принял российское подданство. В 1828 г. Э.А. Эверсман занял кафедру зоологии в Казанском университете [48; 100].

Участники миссии собрали интереснейшие сведения о зауральских степях и Бухаре, которые вскоре были ими обнародованы. В 1826 г. в Париже вышла на французском языке книга Е.К. Мейендорфа “Путешествие из Оренбурга в Бухару” [109],

которая впервые познакомила европейцев с этим среднеазиатским ханством, его административным устройством, населением, системой образования, медициной и т.д. В качестве приложения в нее была включена “Естественная история Бухары”, основанная на материалах Пандера и Эверсмана, и карта Бухары, о которой в парижском издании книги было сказано: “Этот драгоценный документ, содержащий 2 тыс. географических названий, отсутствовавших на прежних картах, получил, особенно на Западе, одобрение любителей науки как образец точности и топографического изящества”.

Для востоковедения очень ценной оказалась рукопись персидского трактата “История Муким-хана”, которую бухарский хан подарил А.Ф. Негри. Переведенная на французский язык петербургским профессором-востоковедом О.И. Сенковским, она долгое время оставалась единственным источником по истории Бухары.

Богатейшие ботанические и зоологические коллекции, собранные Х.И. Пандером и Э.А. Эверсманом, содержали немало ранее неизвестных видов растений и животных. Они были переданы в Петербургскую Академию наук, Московское общество естествоиспытателей и в Зоологический музей в Берлине.

Э.А. Эверсман опубликовал результаты своих наблюдений в вышедшей в 1823 г. в Берлине на немецком языке книге под таким же, что и у Е.К. Мейендорфа, названием: “Путешествие из Оренбурга в Бухару”. В ней дано представление о географии, геологии, климате, флоре и фауне зауральских степей. Эта книга стала первым вкладом ученого в изучение природы Оренбургского края, которую он навсегда избрал предметом своих научных занятий.

Продолжить свои исследования ему удалось в 1825 г., когда он стал участником военно-топографической экспедиции под командованием полковника генерального штаба Ф.Ф. Берга (1793–1874) к северо-западным берегам Каспийского моря. Здесь в это время постоянно разбойничали, грабили и похищали людей киргизские отряды, вооруженные и владеющие значительным количеством (до 200) больших и малых лодок. Жертвами этого доходного промысла чаще всего становились рыбаки и охотники на тюленей, в то время в изобилии водившихся на островах Каспийского моря.

Для наведения порядка в апреле 1823 г. в этот район уже посылался военный отряд полковника Берга, но бездорожье из-за рано начавшейся весны заставило его вернуться без ощутимых результатов⁴. Было, однако, составлено общее военно-топогра-

⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. № 3040/а; 3104.

фическое обозрение местности с картой. Основная цель нового похода состояла в пресечении морского разбоя и уничтожении лодок, скрывавшихся в устьях Эмбы [86]. Преследовались и политические цели по отношению к недружественной Хиве, стоявшей за спиной разбойников: новому хану, только что пришедшему к власти, следовало дать понять, что Россия, поддерживая торговлю с хивинцами, не может не обратить внимания на поведение насильственное хивинского правительства”, и “если сие правительство не примет мер удовлетворительных, должно ожидать, что Россия потребует у него отчета в таковых действиях сильною вооруженною рукой”⁵.

Кроме того, было решено воспользоваться случаем, чтобы собрать сведения о регионе, куда направлялась экспедиция. Для обозрения пространства между Каспийским и Аральским морями и изучения путей, ведущих от устья Урала к Хиве, в отряд были включены военные топографы, в том числе В.Д. Вольховский, и астроном Б.Ф. Лемм. Составить представление о природе этих мест и собрать образцы степной растительности для столичного ботанического сада было поручено Э.А. Эверсману.

Экспедицией Ф.Ф. Берга 1825–1826 гг. были впервые исследованы неизвестные географической науке плато Устьюрт и западный берег Аральского моря, определено несколько астрономических пунктов, произведены нивелировка пространства между Каспийским и Аральским морями, определившая их уровень, и метеорологические наблюдения, а также составлена подробная карта Устьюрта и топографическая карта мест, по которым следовал отряд [86]. В императорский ботанический сад были доставлены найденные Э.А. Эверсманом степные кустарники шести видов, в том числе саксаул, и двадцать девять названий семян разных растений⁶. Он провел также геологические, зоологические и др. наблюдения, отраженные в его путевом дневнике.

В 1827 г. Э.А. Эверсман совершил поездку с научной целью по землям Внутренней (Букеевской) Орды, исследуя пространство между нижними течениями Урала и Волги, которое было известно только по сообщениям академической экспедиции П.С. Палласа в XVIII в. Спутником его был Г.С. Карелин (1801–1872), сосланный в Оренбург артиллерийский офицер, который, выйдя в 1826 г. в отставку, занялся естественно-научными исследованиями и внес важный вклад в изучение природы Оренбургского края. Своими трудами он впоследствии завоевал славу замечательного русского натуралиста XIX в. [38; 90; 100; 103; 182].

⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп.10. № 3271. Л. 8.

⁶ Там же. Л. 281–281 об.

Важным событием, благодаря которому к Оренбургскому краю было привлечено общественное внимание, явилась состоявшаяся в 1829 г. поездка по Уралу всемирно известного немецкого ученого и путешественника Александра Гумбольдта (1769–1859) [119]. Приняв приглашение царского правительства, он провел геологические наблюдения в Западной Сибири, на Алтае и на Урале, осмотрел и оценил месторождения полезных ископаемых, собрал богатые ботанические и зоологические коллекции и получил новый материал для своих теоретических изысканий в области физической географии.

В конце августа 1829 г. Гумбольдт прибыл на Оренбургскую пограничную линию и через Троицкую крепость проследовал в Златоуст для осмотра горных заводов, а затем, минуя Верхнеуральскую, Магнитную, Орскую и другие крепости, 9 сентября прибыл в Оренбург⁷. Здесь он пробыл пять дней, ознакомился с окрестностями города, побывал в Илецкой Защите, где наблюдал добычу каменной соли, собирал сведения о природе и этнографии края, о зауральских степях и Средней Азии [107; 119].

Значительную помощь оказал ему председатель Оренбургской Пограничной комиссии Г.Ф. Генс (1787–1845) [105; 106; 145; 191]. Этот умный и образованный военный инженер находился на службе в Оренбурге с 1807 г. и хорошо знал природу зауральских степей, нравы и обычаи населявшего их кочевого народа и владел обширными сведениями о Средней Азии. В 1814–1815 гг. Генс участвовал в экспедиции на восток Оренбургского края, которая впервые исследовала богатое месторождение свинца на реке Каратургай [106]. В 1820 г. он был назначен начальником инженерного отделения Отдельного оренбургского корпуса, в 1824 г. определен директором открывавшегося тогда в Оренбурге Неплюевского военного училища, а с 1825 г. одновременно занимал должность председателя Пограничной комиссии⁸. Служебные обязанности подкрепляли интерес этого любознательного человека к Востоку, и он собрал огромный материал по многим важным для Гумбольдта вопросам. Впоследствии ученый написал о сильном впечатлении, которое произвели на него разносторонние и глубокие познания Генса. Относительно его лестного отзыва в “Петербургских ведомостях” сам Генс заметил, что Гумбольдт несколько преувеличивает, “считая, что он знает Азию с ее жителями как часть города, в котором обитает сам” [105, 54].

⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 4. № 9547 (О путешествии барона Гумбольдта).

⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. № 4053. Л. 167–174.

Полезные сведения о природе Оренбургского края Гумбольдт почерпнул и у Г.С. Карелина, с которым также встречался в Оренбурге [119, СХV].

Поездка Гумбольдта происходила в трудное время, когда в Оренбургский край из Средней Азии пришла страшная эпидемия холеры [139]. В Хиве, Бухаре и Коканде она свирепствовала еще в 1828 г. и была занесена в Оренбург купеческими караванами. Борьба с этим бедствием, распространившимся затем и на другие районы России, составляла тогда главную заботу оренбургской администрации.

О холере европейская медицина имела в то время самое смутное представление. Поэтому в Петербурге вначале плохо понимали опасность эпидемии и опасались прежде всего того, что карантинны могут помешать торговле со Средней Азией. Оренбургскому военному губернатору П.К. Эссену, а затем П.П. Сухтелену (1788–1833), сменившему его на этом посту летом 1830 г. [149], пришлось самостоятельно изыскивать способы борьбы с холерой, вызвавшей громадные опустошения в крае.

В Оренбурге благодаря введенному карантину эпидемию удалось приостановить к весне 1830 г., но год спустя она вспыхнула снова. Новая волна заболеваний, пришедшая с юга через Астрахань, привела к многотысячным жертвам и особенно поразила земли уральского казачьего войска. К этим бедам добавился полный неурожай 1832 г. и вызванный им голод следующей зимой.

В то же время враждебные действия Хивы продолжали беспокоить правительство. Возникла мысль о постройке военного укрепления на северо-восточном берегу Каспийского моря, которое помогло бы защитить от нападений хивинцев морской рыболовный промысел и обезопасить сухопутные торговые пути. Однако предварительно требовалось исследовать этот малоизвестный район. Для осмотра северо-восточного берега Каспия и залива Мертвый Кутлук, на побережье которого предполагалось возвести крепость, было решено послать морскую экспедицию.

Организацией этого предприятия занимался с 1830 г. оренбургский военный губернатор генерал-адъютант П.П. Сухтелен – человек большого ума и высоких нравственных достоинств, отличившийся в боях и со всей серьезностью относившийся к своим новым обязанностям [149, 191–200]. Он разработал проект экспедиции и в качестве ее начальника определил Г.С. Карелина, который уже приобрел в Оренбурге репутацию смелого путешественника и знающего натуралиста. После длительной подготовки экспедиция отправилась из Гурьева 11 мая и благополучно возвратилась 4 августа 1832 г., выполнив постав-

ленные перед ней задачи⁹. Сухтелен сообщил в Петербург 11 февраля 1833 г.: “Целью экспедиции было не только подробнейшее обозрение недостаточно исследованных северо-восточных берегов Каспийского моря, но еще и следующие важные статьи: 1) Средства к упрочению и распространению прибыльного рыболовства; 2) Приискание надежных средств к обузданию враждующих нарушителей сего промысла; 3) Открытие, хотя не новых, но удобнейших средств для торговых сношений; 4) Возможность основать в сих бесприютных местах военно-политическую оседлость или хотя бы коммерческую факторию. Я почти наверное могу полагать намерения сии достигнутыми”¹⁰.

Г.Ф. Генс

Помимо подробного описания берегов и островов исследованного участка Каспийского моря, составления атласа и выяснения “многих географических неопределенностей”, Карелин представил естественно-научные коллекции, относительно которых Сухтелен заметил: “Собранные многочисленные предметы естественной истории, особенно по части ботаники, представляют много любопытного и нового”¹¹.

Для отчета об экспедиции, материалы которой должны были лечь в основу дальнейших правительственных планов, Сухтелен отправил Карелина в столицу, но возвращения его не дождался, скоропостижно скончавшись 20 марта 1833 г.

В истории Оренбургского края недолгое правление П.П. Сухтелена оставило значительный след. Он предполагал провести реформы с целью усовершенствования системы управления и некоторые из них частично успел осуществить. Обратив внимание на Неплюевское военное училище, он произвел ряд изменений в

⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. № 3590.

¹⁰ Там же. Л. 367–367 об.

¹¹ Там же. Л. 368.

Г.С. Карелин

программе обучения и принял меры для повышения уровня преподавания. Так как главное место в программе занимали восточные языки, Сухтелен добился перевода в Оренбург из Казани выпускника Петербургского университета, кандидата восточной словесности П.И. Демезона (1807–1873), впоследствии крупного русского востоковеда, который занял должность учителя персидского и арабского языков в Неплюевском училище и переводчика Пограничной комиссии [98, 10–15].

П.П. Сухтелен создал при Неплюевском военном училище первый в

Оренбурге музей – “Музеум для сосредоточения всяких предметов, служить могущих к вящему развитию понятий юношества и к общей пользе распространения наук, особенно в Оренбургской губернии” [99]. Его начинание увенчалось успехом, тем более что оказался весьма удачным выбор “смотрителя и устроителя” музея. На эту должность Сухтелен назначил политического ссыльного поляка – магистра философии Виленского университета Ф.К. Зана (1796–1855), любителя и знатока естественных наук, увлеченно изучавшего природу Оренбургского края [111].

Безвременный уход из жизни П.П. Сухтелена искренне опечалил оренбургских жителей, высоко ценивших его как талантливого администратора и достойного человека. В статье одного из них, помещенной в петербургской газете “Северная пчела” за 20 апреля 1833 г., отмечалась его забота о пользе обширного Оренбургского края, управление которым “требовало величайших трудов” и к которому он причислял себя “по долгу, по чувствам сердца и чести”; выражалось сожаление о том, что он не успел выполнить своих “благих и дальновидных” планов.

Решать нелегкие задачи, стоявшие перед оренбургским военным губернатором и, в частности, руководить изучением и освоением Оренбургского края дальше предстояло В.А. Перовскому.

В.А. Перовский и изучение Оренбургского края

Василий Алексеевич Перовский (1795–1857) руководил Оренбургским краем почти полтора десятилетия, но в два срока: с 1833 по 1842 г. – как оренбургский военный губернатор и с 1851 по 1857 г. – в должности оренбургского и самарского губернатора [127].

Назначенный в 1833 г. неожиданно для себя – после внезапной кончины П.П. Сухтелена – на пост военного губернатора в далекий Оренбургский край генерал-адъютант Перовский, человек отличившийся в войнах и близкий ко двору, сразу осознал трудность вставших перед ним задач. Ознакомившись с состоянием дел, он занялся разработкой обширной и четкой программы управления краем, которой старался придерживаться в дальнейшем.

Составить представление об этой программе помогает рукописный отчет Перовского о его деятельности за первый период правления, который он представил Николаю I в 1842 г.¹²

Перовский исходил из того, что “Оренбургский край имеет двоякую важность: как источник богатств, еще мало исчерпанных, и как оплот и опорная точка для влияния на племена, некогда обуревавшие Европу своими вторжениями”¹³. Поэтому одна часть его программы касалась внутреннего, а другая – военно-политического управления. Обе предполагали проведение значительных реформ, так как, по словам Перовского, он нашел, что состояние края, которым ему предстояло управлять, “требует безотсрочного улучшения”. Рассмотрев уже имевшиеся проекты реформ, он “решил отступить от системы предшественников своих и, не отвергая прошедшего, основать однако же все нововведения на собственном точном изучении положения и потребностей края”¹⁴.

Таким образом, основательное изучение Оренбургского края, которое планировал, а затем осуществлял В.А. Перовский, играло в его программе ведущую роль: оно должно было предшествовать реформам в управлении, а сами реформы, по его замыслу, следовало проводить, строго согласуясь с результатами исследований.

Из отчета Перовского видно, что его программой предусматривались мероприятия “по устройству управления”, “по части

¹² РНБ. Отд. рук. Ф. 571. № 13. В рукописи объемом в 83 листа, в кожаном переплете с золотым тиснением, переписанной канцелярским почерком в тексте встречается обращение “Ваше Императорское Величество”, а на полях – карандашные пометки, сделанные царской рукой.

¹³ РНБ. Отд. рук. Ф. 571. № 13. Л. 3.

¹⁴ Там же. Л. 9.

В.А. Перовский

полицейской”, “по части хозяйственной” и отдельно – “по управлению военно-пограничному”. Исследование естественных богатств Оренбургского края относилось к мероприятиям “по части хозяйственной”.

Здесь предстояло, как хорошо понимал Перовский, сделать немало. Перечисляя недостатки в управлении до 1833 г., он указывал в частности, что “богатства края не разрабатывались должным образом, но подвергались, так сказать, набегам промышленников, приезжавших временно, чтобы нажиться и потом покинуть страну”; другими

словами, эти богатства “истощались во вред краю и без пользы для государства”¹⁵. Перовский видел необходимость комплексного изучения природных возможностей Оренбургского края для его успешного экономического развития. Была разработана целая система исследований, которые целенаправленно проводились в последующие годы в Оренбурге. В опубликованном в 1850 г. обзоре их результатов говорилось, что “предпринятые исследования не составили несвязных отдельных работ, а напротив, должны были обнять Оренбургский край и соседние с ним страны во всем их объеме, со всех сторон” [123, 430].

Первостепенное значение придавалось геодезическим и картографическим работам. В упомянутом обзоре по этому поводу сказано: “Первая ученая и практическая потребность заключалась в достаточно верной карте, потому что в начале 1830-х гг. имелись лишь сводки земельных планов. В тех же 1830-х гг. начата была и съемка Оренбургской линии, но продолжение работ тем же порядком значительно замедлило бы приготовление полной карты. По сему решено было произвести инструментальную съемку лишь важнейшим дорогам и рекам; промежуточное пространство снять глазомерно” [123, 424].

¹⁵ Там же. Л. 5 об.-6.

Перовский в своем отчете, говоря об успехах в этой области, отметил: “Для приведения в известность естественных богатств сделана глазомерная съемка, доставившая довольно верную карту всего края, потребность которой была крайне ощутительна; сверх того инструментально сняты значительная часть губернии и вся линия; составлены хозяйственные карты Оренбургских и Калмыцких казачьих земель и сделана выборка из межевых планов для определения границ поземельных дач различных условий. Определены 6 астрономических пунктов”¹⁶.

В ходе геодезических работ и во время разного рода деловых поездок сотрудники Перовского всегда производили подробное описание местности. Это относилось и к зауральским степям, и к неизведанным прибрежным областям Каспийского и Аральского морей, и к морским берегам.

При Перовском в Оренбургском крае стали производиться метеорологические наблюдения. Как свидетельствуют архивные документы¹⁷, по его заказу в 1835 г. для Оренбурга в механической мастерской Казанского университета были изготовлены барометр и термометр. Получив их, он распорядился ежедневно производить наблюдения, записывая результаты по установленной форме и ежемесячно о них докладывать. В его отчете отмечено, что им “учреждены метеорологические наблюдения в Оренбурге, Уфе и Уральске”¹⁸.

Не меньшее значение придавалось ботаническим, зоологическим и геологическим наблюдениям. Перовский стал инициатором создания обобщающего труда о природе Оренбуржья, обратившись в 1836 г. к жившему в Казани Э.А. Эверсману с предложением написать такую книгу. Первая часть замечательного сочинения Эверсмана “Естественная история Оренбургского края” вышла в Оренбурге в 1841 г. [187; 188].

Своей большой заслугой Перовский считал создание в Оренбурге краеведческого Музея естественных произведений. В отчете 1842 г. он пишет: “Приступлено к собиранию предметов по части естественной истории и устроено особое помещение для хранения коллекций”¹⁹.

Характеристика деятельности В.А. Перовского по организации естественно-научных исследований в Оренбургском крае была бы неполной без упоминания о планировавшейся и одобренной правительством ученой экспедиции для подробного исследо-

¹⁶ РНБ. Отд. рук. Ф. 571. № 13. Л. 49 об.

¹⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. № 4350. Л. 3–3 об.

¹⁸ РНБ. Отд. рук. Ф. 571. № 13. Л. 49 об.

¹⁹ Там же. Л. 50.

вания восточных берегов Аральского моря. Предложенная Перовским программа была дополнена Петербургской Академией наук. Экспедиция была намечена на 1839 г., но не состоялась из-за начавшегося тогда военного похода на Хиву [104, 127–138]. Ее программа начала осуществляться лишь через 20 лет, в конце второго периода правления В.А. Перовского в Оренбургском крае экспедицией Н.А. Северцова [103а].

Деятельными помощниками В.А. Перовского по исследованию края стали многие военные и штатские чиновники, служившие в Оренбурге до его приезда и занимавшиеся изучением природы и этнографии, составлявшие карты и общие обозрения малоизвестных районов, собиравшие сведения о Средней Азии. Кроме Г.Ф. Генса, Г.С. Карелина, Ф.К. Зана к ним относились преподаватели Неплюевского военного училища А.Н. Дьяконов и М.И. Иванов, служившие в Оренбурге офицеры А.А. Жемчужников, Н.В. Балкашин, К.М. Тафаев и К.Д. Артюхов (с 1832 г. директор Неплюевского училища).

Чрезвычайно важные результаты были получены в Оренбурге в 1833–1842 гг. в области востоковедения. Одна из важных внешнеполитических задач, которую В.А. Перовский должен был решить сразу после своего назначения в Оренбург, состояла в оживлении торговых отношений с Бухарой и укреплении связей с этим ханством. Дело не терпело отлагательства, так как в это время усиленное внимание к Средней Азии стала проявлять Англия, стремившаяся вытеснить Россию с восточных рынков. Перовский нашел нужным отправить в Бухару своего посла, который должен был провести переговоры об обеспечении безопасности караванной торговли и выяснить сложившуюся обстановку. Эту миссию в 1833–1834 гг. успешно выполнил П.И. Демезон²⁰. Его отчет о путешествии был не только документом, важным для внешней политики России того времени, но и сочинением востоковеда, впервые описавшего Бухарское ханство.

Вторую поездку в Бухару совершил в 1835–1836 гг. И.В. Виткевич (1799–1839) – отбывавший в Оренбурге политическую ссылку поляк, знаток восточных языков и обычаев азиатских народов. Своими познаниями он произвел большое впечатление на встретившегося с ним в 1829 г. А. Гумбольдта [107], а затем был отмечен П.П. Сухтеленом, который определил его на службу в Оренбургскую Пограничную комиссию. Его блестящие качества были сразу высоко оценены В.А. Перовским. Эта оценка подтвердилась после его поездки в Бухару и представления им отчета, в

²⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 7. № 778.

котором дано красочное описание ханства, его административного устройства, экономики, торговых связей и т.д. [104, 56–57]. Перовский возлагал на Виткевича большие надежды как на дипломата, который может принести большую пользу восточной политике России. Преждевременная смерть этого талантливого и смелого человека, глубоко опечалила всех коллег, служивших вместе с ним в Оренбурге.

Записки о Бухарском ханстве, представленные В.А. Перовскому П.И. Демезоном и И.В. Виткевичем, впервые дали представление об этом недоступном для европейцев азиатском государстве. Однако они попали в разряд секретных документов и для ученых XIX в. оказались недоступными. Опубликованы они были только в 1983 г. [168].

Перовский понимал, что справиться со стоявшими перед ним задачами он сможет только при наличии хороших непосредственных исполнителей своих замыслов. Из его отчета видно, что он придавал огромное значение формированию состава своей канцелярии, был крайне недоволен малочисленностью чиновников, “ничтожностью их оклада” и считал, что “для улучшения делопроизводства в крае” этот порядок следует изменить²¹. Он отмечал, что “по географическому положению края, отдаленности его от центра Империи, бедности городов, обширности уездов, характеру и редкости городов” здесь “трудно приобретать хороших чиновников”, а плохое качество и недостаток исполнителей имеют следствием “дурной ход дел”. Поэтому, стремясь исправить положение, он добился, в частности, “особого положения о Неплюевском военном училище, по которому ученикам, остающимся на службу в крае, предоставляются некоторые привилегии”²².

Лично для себя умных и деятельных помощников В.А. Перовский подыскивал в столице и старался обеспечить их “достаточным содержанием взамен лишений, которые они должны претерпевать от отдаленности края и дурного состояния городов”²³. Так, сразу после своего назначения в 1833 г. на новую должность В.А. Перовский сумел привлечь к себе на службу в качестве чиновника особых поручений В.И. Даля (1801–1872), в то время преуспевающего столичного врача и писателя, уже получившего известность. Для него с переездом в Оренбург открылось новое поле деятельности: он стал заниматься естественнонаучными исследованиями. Полученные им результаты были

²¹ РНБ. Отд. рук. Ф. 571. № 13. Л. 35 об.

²² Там же. Л. 40 об.

²³ Там же. Л. 40–40 об.

столь значительны, что уже в 1838 г. он был избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук по естественному отделению [104].

Чиновником особых поручений при В.А. Перовском начал свой путь в науку и Яков Ханыков.

Начало статистических исследований в Оренбургском крае

В Оренбург Яков Ханыков прибыл летом 1836 г. В архивном деле ГАОО, озаглавленном “О денежных суммах, состоящих в распоряжении Оренбургского военного губернатора”, имеется запись, которая датирована октябрем этого года: “В расход: коллежскому секретарю Ханыкову на содержание с 1 июля по 1 сентября – 250 руб.”²⁴.

18-летнему чиновнику особых поручений предстояло играть важную роль в комплексном изучении Оренбургского края, которое проводилось по плану Перовского: на него было возложено “собрание сведений по всем статьям статистики и местной истории” [123, 429].

В 1830-е гг. статистическим исследованиям в России уделялось много внимания. Термином “статистика” в это время, как и в XVIII в., обозначали особую ветвь знания – государствоведение (науку о государстве в целом, изучающую все стороны его деятельности). В статистике различались два направления: традиционное, описательное и набиравшая силу новая линия развития – численная. В работах, представлявших традиционное направление, характеристика государства или отдельных его частей давалась с помощью общих описаний, строившихся по определенной схеме. Эти работы являлись по существу сборниками справочных сведений, предлагавшихся без обобщений, сопоставлений и анализа. Источниками таких сведений о внутренних областях России были, например, отчеты академических экспедиций XVIII в., дневниковые записи путешественников, исторические описания губерний и т.д. Численное направление в статистике, выражавшее стремление описать жизнь государства с помощью количественных показателей, называлось политической арифметикой.

В начале XIX в. в России был поставлен вопрос о составлении “общей и полной статистики государства” [134. Т. II, 359], в связи с чем при министерстве внутренних дел было создано статистическое отделение и введена отчетность губерний. Деятель-

²⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. № 4632. Л. 5.

ность этого отделения оживилось, когда ведущую роль в его работе стал играть крупный ученый Константин Иванович Арсеньев (1789–1856) [115; 128], считавший, что описательная статистика должна давать политическую и экономическую оценку фактов. В 1829 г. начал издаваться журнал министерства внутренних дел, а с 1830 г. – “Губернские ведомости”, где публиковались местные материалы по статистике. Стали выходить в свет статистические справочники и отчеты. Вопросы, связанные со статистикой, заинтересовали ученых разных специальностей, писателей, журналистов и широко обсуждались в печати. Наряду с книгами, где статистика по-прежнему излагалась как государствоведение (сочинения Е.Ф. Зябловского, К.Ф. Герамана, А.Г. Ободовского и др.), стали выходить работы, в которых принятая система подвергалась критике. Благодаря К.И. Арсеньеву в описательной статистике появились географические обобщения, и из нее начала выделяться экономическая география как научная дисциплина [115, 16].

Успехи государственной статистики в значительной степени зависели от постановки дела в провинции, где не всегда имелись квалифицированные кадры и сбор статистических сведений зачастую производился неудовлетворительно. Поэтому после назначения в 1835 г. К.И. Арсеньева главой статистического отделения, было решено учредить статистические комитеты. Однако в то время они не имели ни штатных работников, ни ассигнований и поэтому в большинстве губерний существовали только на бумаге [129, 73].

Оренбургский край относился к тем немногим областям России, где серьезные статистические исследования проводились с давних времен.

Первое статистическое описание было дано еще в XVIII в. в замечательном труде “Топография Оренбургской губернии” [142] оренбургского летописца, первого члена-корреспондента Петербургской Академии наук П.И. Рычкова (1712–1777) [108]. В 1820-е гг., как свидетельствуют документы ГАОО, военный губернатор П.К. Эссен планировал составить новое общее описание края, “обозрев в уездных присутственных местах порядок течения дел и благоустройство городов”²⁵. Работа была выполнена И.Л. Дебу, который занимал должность оренбургского гражданского губернатора с 1827 по 1832 г. Уже покинув Оренбургский край, он издал в Москве книгу “Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем ее состоянии” [64].

²⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 4. № 9179.

К.И. Арсеньев

Основной раздел сочинения, озаглавленный “Краткий статистический взгляд на Оренбургскую губернию”, начинается с географической характеристики края. Подробно описаны “место нахождения губерний”, “пространство губернии”, “грунт земли”, климат, “главнейшие реки и озера”, “знатнейшие горы”, “леса, роды их и употребление”.

Затем следует подробный обзор казенных и частных фабрик и заводов – железоделательных, чугуноплавильных и медеплавильных. Особое внимание Дебу уделяет казенным Златоустовским горным заводам.

При описании “народной промышленности” Оренбургской губернии среди главных отраслей хозяйства названы хлебопашество, скотоводство, пчеловодство и торговля. Рассматривается вопрос о народонаселении губернии, дается описание ее герба и приводится административное деление.

Много места в книге занимают сведения о губернском городе Уфе и Уфимском уезде, о других уездах и уездных городах Оренбургской губернии. Особо выделен Оренбург с Сакмарским городком, Бердской станицей и Сеитовским посадом. Подробно описаны Сергиевские минеральные воды и соляные разработки в Илецкой Защите.

Второй раздел книги (“Общие замечание об Оренбургской губернии”) содержит исторический очерк Оренбургского края и оценку деятельности его “главных начальников”.

И.Л. Дебу долго работал над своим основательным (объемом в 230 страниц) сочинением и опубликовал его только в 1837 г. Пятью годами раньше, в 1832 г., вышло в свет описание Оренбургского края, составленное И.В. Жуковским, чиновником канцелярии военного губернатора П.П. Сухтелена. Книга Жуковского носила название “Краткое обозрение достопамятных событий Оренбургского края с 1746 по 1832 год” и была напечатана в 1832 г. в Оренбурге в типографии штаба Отдельного орен-

✓ 3211
23.11.

ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ
И
СТАТИСТИЧЕСКОЕ
ОПИСАНИЕ
ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

ВЪ НЫНѢШНЕМЪ ЕЯ СОСТОЯНІИ.

С О Ч И Н Е Н І Е

Тайнаго Совѣтника Иосифа Дебу,

АВТОРА КНИГИ:

О КАВКАЗСКОЙ ЛИНИИ

И

ПРИСОЕДИНЕННОМЪ КЪ НЕЙ ЧЕРНОМОРСКОМЪ
ВОЙСКѢ.

Изданное Александромъ Шряевымъ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1837.

Титульный лист "Топографическое и статистическое описания
Оренбургской губернии
в нынешнем ее состоянии" И.Л. Дебу (1837 г.)

бургского корпуса [72]. Сочинение предназначалось прежде всего для учащихся Неплюевского военного училища, но должно было также “служить и для справок по делам службы как заимствованное из архивов и других достоверных источников.” Поэтому к хронологическому обзору Оренбургской губернии, по словам автора, “небесполезно сочтено присовокупить краткое географическое и статистическое описание губернии сей и отдельно о земле казачьего войска”. Несмотря на небольшой объем этой замечательной книги (76 страниц), в ней коротко затронуты все вопросы, которые осветил И.Л. Дебу.

Описание начинается с определения географического положения Оренбургской губернии, которая “граничит к востоку с Тобольскою, к северу с Вятскою и Пермскою, к западу с Казанскою, Симбирскою и Саратовскою, к югу с Астраханскою губерниями и с Киргиз-кайсацкою степью”. Далее следует описание “знатнейших” гор, рек и озер, расположенных на ее территории. Приводятся размеры губернии, “пространство земли” которой “простирается до 36 млн десятин; расстояние ее в длину 1 тыс. 800 верст от Гурьева городка до пределов Западной Сибири, а в поперечнике до 1 тыс. верст, от Илецкой Защиты до рубежей Пермской губернии”.

О климате Оренбургской губернии сказано, что он “различный и вообще непостоянен, но зимы бывают большей частью суровые и так называемые бураны, или метели, в степных местах нередко причиняют много вреда”. Почва “весьма благоприятствует” хлебопашеству, пчеловодству и скотоводству. Уральские горы изобилуют различными рудами, а по восточному склону, “особенно по реке Миасу и впадающими в оную источникам, имеются богатые золотые прииски”. В северных уездах губернии много лесов, к югу же раскинулись степи.

Столь разнообразная по природным условиям губерния населена “жителями разных исповеданий”, среди которых автор называет “россиян, татар, башкирцев, мещеряков, мурз, вотяков, черемис, чуваш, мордвы, тептярей, так называемых кызылбашей (персиян), калмыков и немцев, кои обитают в Златоустовском заводе”. Относительно немцев сказано, что “в царствование Александра I поселены здесь 300 семейств иностранцев – мастеровых оружейных и других дел, большей частью из города Солингена”. Общее число жителей губернии – “более 1 млн душ обоего пола”. Отмечено также, что “народонаселение, по множеству свободных земель, время от времени увеличивается переселенцами из Российских губерний”.

Кроме мастерового люда, работающего на приисках и горных заводах, жители занимаются хлебопашеством, скотоводством,

18. 11. 9. 53

КРАТКОЕ ОБОЗРѢНІЕ
ДОСТОПАМЯТНЫХЪ СОБЫТІЙ
ОРЕНБУРГСКАГО КРАЯ,
РАСПОЛОЖЕННЫХЪ ХРОНОЛОГИЧЕСКИ
СЪ 1246 ПО 1832 ГОДЪ,

Чиновникомъ, состоящимъ при Оренбургскомъ
Военномъ Губернаторъ по особымъ порученіямъ

И. Жуковскимъ.

Иванъ Ивановичъ Жуковскій.

.....

О Р Е Н Б У Р Г Ъ,
въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Оренбургскаго
Корпуса.

1832.

Титульный лист сочинения И.В. Жуковского
“Краткое обозрение достопамятныхъ событий Оренбургскаго края”,
изданного в Оренбурге в 1832 г.

звероловством. Имеется также много кожевенных, мыловаренных, поташных и винокуренных заводов. Купечество “производит торговлю большей частью внутри Оренбургской губернии с пограничными азиатцами”.

Далее следует описание губернского города Уфы, уездных городов (Челябинск, Мензелинск, Бузулук, Верхнеуральск, Бугульма и др.), отдельно города и крепости Оренбурга, а также “военных заселений, именуемых крепостями” (Орск и др.), и горных заводов Урала.

Заключительная часть сочинения посвящена Уральскому казачьему войску, его истории, занимаемым им землям и т.д. Приводится список “главных начальников” Оренбургского края до 1832 г. и карта земли Уральского войска.

И.Л. Дебу, успевший познакомиться с книгой И.В. Жуковского до выхода из печати своего труда, в предисловии к нему упрекает ее автора – “одного молодого человека, служившего в канцелярии бывшего военного губернатора Сухтелена” в многочисленных неточностях. Он пишет, что уже сообщил Жуковскому свои замечания, и сердечно пожелал ему полного успеха в исправлении недочетов в работе, ибо “с пособием архива, при усиленных его стараниях могут открыться важные, досель мало или вовсе неизвестные документы, могущие много пояснить касательно сего отдаленного и мало исследованного края” [64, III–IV].

Таким образом, Дебу, который, как он пишет, “усердствуя общему благу, всемерно старался... собрать вернейшие топографические и статистические сведения о сей губернии”, свидетельствует, что полное описание Оренбургского края потребует еще немало труда.

Военный губернатор В.А. Перовский, занявший этот пост в 1833 г., хорошо понимал важность региональных материалов для составления “общей и полной статистики государства” и придавал большое значение изучению Оренбургского края “по части естественных богатств”. Оно состояло прежде всего в естественно-географическом описании обширных степных территорий и горных районов Южного Урала. Особое внимание обращалось на исследование залежей полезных ископаемых и на выяснение перспектив их хозяйственного освоения.

Перовский понимал, что необходимо организовать сбор и обработку статистических сведений, включавших данные о географии, геологии, метеорологии, флоре и фауне, народонаселении и экономике Оренбургского края. В отчете о своей деятельности за 1833–1843 гг. он подчеркивал, что в это время “был открыт в губернии статистический комитет и по сношению военного гу-

бернатора назначен от министерства внутренних дел особый чиновник для статистических занятий”²⁶.

Именно эту должность, которая военному губернатору “была прибавлена” по его специальному ходатайству, занял Яков Ханыков. Молодому человеку предстояло хорошо изучить и дополнить опубликованные сведения результатами собственных архивных изысканий и непосредственных наблюдений. Следует напомнить, что в это время “Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем ее состоянии”, составленное И.Л. Дебу, еще не было опубликовано.

Первый год своего пребывания в Оренбурге Я. Ханыков провел, вероятно, в напряженном труде, потому что уже летом 1837 г. он смог представить рукопись работы “Географическое описание Оренбургского края”, которое обеспечивало ему большой успех в самом начале научной биографии.

В 1837 г. произошло важное для Оренбурга событие: его посетил наследник престола Александр Николаевич (будущий император Александр II), совершавший поездку по России²⁷. Он прибыл 12 июня и в течение следующих двух дней ознакомился с городом и его окрестностями. Как сообщал оренбургский военный губернатор военному министру²⁸, 13 июня великий князь принимал граждан, был на обеде в Преображенском соборе, осматривал войска, “за крепостью бывшие”, а в 6 часов вечера присутствовал на скачках в 7 верстах от Оренбурга. Перовский писал, что “Его Высочество обозревал Меновой двор, посетил кочевья киргизов и аулы башкирцев, бывшие близ места скачки”, где отдыхал “в особо приготовленной кибитке”, а затем посетил “оренбургское благородное общество, собравшееся в нарочно для того устроенной галерее”. 14 июня с раннего утра он наблюдал военное учение, а в 10 часов отправился в Илецкую Защиту, где осмотрел “заведения Илецкого соляного промысла и квартирующей там роты линейного батальона”.

Наследника в поездке сопровождали воспитатели – прославленный поэт В.А. Жуковский и глава статистического отделения Министерства внутренних дел К.И. Арсеньев. Они принимали участие в состоявшихся встречах и военный губернатор, близкий друг В.А. Жуковского, знакомил гостей с оренбургским обществом. Нет сомнения, что К.И. Арсеньеву был представлен молодой чиновник особых поручений, числящийся при его министерстве и специально занимающийся статистическими исследо-

²⁶ РНБ. Отд. рук. Ф. 571. № 13. Л. 50–50 об.

²⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. № 11263.

²⁸ Там же. Л. 104–104 об.

ваниями. Арсеньев имел возможность оценить результат его трудов.

В формулярном списке Я.В. Ханыкова появилась запись: «За поднесение Его Императорскому Величеству Государю Наследнику Цесаревичу во время присутствия его в Оренбурге “Географического описания Оренбургского края” удостоен пожалования бриллиантовым перстнем»²⁹.

По-видимому, Ханыкову пришлось дорабатывать и дополнять свое сочинение материалами, собранными им в поездке по Уралу осенью этого года.

Исследовательские поездки по Оренбургскому краю

За год пребывания в Оренбурге Я.В. Ханыков – столичный житель, ранее не знавший провинции, вполне освоился с новыми условиями и с оренбургским обществом. Человек по натуре очень общительный, он нашел взаимопонимание с В.А. Перовским, который проникся к нему искренней симпатией, и сошелся с близкими по духу людьми.

Наибольший интерес для него, несомненно, представлял В.И. Даль – популярный писатель, известный под псевдонимом Казака Луганского, сказками которого зачитывались лицеисты в годы его учебы в Царском селе. О том, что, несмотря на солидную разницу в возрасте, их связали теплые дружеские отношения, свидетельствуют письма Ханыкова к Далю, хранящиеся в Пушкинском доме (Институт русской литературы РАН)³⁰.

Из первого письма, которое было написано 23 августа 1837 г. в Сарманаево, следует, что Ханыков в это время уже более трех недель находился в поездке по Башкирии. Он пишет, что письмо Даля “или, точнее сказать, коротенькую записочку” он получил в Уфе и “с тех пор уже сделал верст 1500”. В письме подробно и с юмором описаны приключения, которые ему приходится переживать, путешествуя по глухим горным местам на “карандасе”.

Об этом средстве передвижения сам Даль, встретившись с ним впервые по приезду в Оренбург в 1833 г., писал в столицу: “Карандас – повозка на необыкновенно зыбких и долгих дорогах. На карандасах ездят в Перми, в Симбирске, в Казани, в Оренбурге. Простота постройки делает его весьма надежным и крепким, широкий ход необыкновенно устойчивым, а длинные, в две и три сажени дроги, заменяют зыбкостью своей рессоры” [61, 52].

²⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. № 11615/7. Л. 57 об.

³⁰ ИРЛИ. Рук. отд. 27. 402/СХС VI б. 9.

“Нет сомнения, любезнейший Владимир Иванович, — пишет Ханыков, — что с небом Великим случилось какое-нибудь несчастье — вот уже 3 недели, как оно ходит в трауре, воет и плачет беспрерывно и все не может наплакаться, а между тем от его грусти не весело и нам, бедным земным тварям, и у крестьян урожай пророс в снопах, а яровой еще совершенно зеленый”.

В такую погоду трудно производить наблюдения и описывать местность. Ханыков продолжает: “Я мокну, как губка, в непромокаемой шинели своей и испытываю нечто вроде

В.И. Даль. 1830-е годы

танталова мучения — сижу в крытом карандасе, имею средство предохранения от дождя и ветра, но не смею воспользоваться им, боясь пропустить горку, овраг, речку и пр.”

И далее он жалуется: “Если эта погода еще продолжится, то не знаю, возвращусь ли к вам с полным количеством рук, ног и головы, потому что луговые дороги все вымокли и не проезжи, нужно пробираться свертами, по косогорам, где карандас наклоняется по крайней мере под углом 40 градусов, что при некованных лошадях и не знающих дороги подводчиках дает сильную надежду скатиться в воды Ика или Усена, как это было раз уже и случилось со мною в Усенском заводе”.

Сообщая, что уже “раз двадцать переехал через Дему”, путешественник описывает, как последний раз переправлялся “на решетке в 2 квадратных сажени, прицепленном за шатающееся бревно по мочальному канату, при помощи четырех совершенно догола раздевшихся башкирцев”.

“И все это, — с юмором замечает он, — делалось только чтобы не ночевать на дороге в поле, а в грязной избе с тараканами и поужинать курицей времен очаковских”.

Чрезвычайно интересно описание встречи Я.В. Ханыкова с А.М. Языковым (1799–1874) — братом поэта Н.М. Языкова. Он был любителем и знатоком литературы, вращался в писатель-

ских кругах и дружески общался с А.С. Пушкиным [189, 519]. В конце сентября 1833 г., возвращаясь из Оренбурга, Пушкин останавливался в имении Языковых под Симбирском. А через год 26 сентября 1834 г. А.М. Языков приезжал к поэту в Болдино, чтобы пригласить его свидетелем на свою свадьбу с Натальей Алексеевной Наумовой [135, 72; 247]. По-видимому, в Башкирии, где Ханыков встретился с ним в 1837 г., находилось ее имение, которое А.М. Языков, серьезно занимавшийся сельским хозяйством, держал, как видно из письма, в отменном порядке.

А.М. Языков высоко ценил творчество Пушкина, особенно “Бориса Годунова”, и одобрял его журналистскую деятельность. Так, в апреле 1836 г. он писал: “Современник” действительно легко, но эта легкость и хороша в литературном журнале – у нас все берегут свои головы, все боятся их ломать над книгами (над вистом другое дело!)” [247, 304]. Однако ему не нравились сказки Пушкина, и он не скрывал отрицательного отношения к его “Истории пугачевского бунта” [143].

Видимо, беседа с А.М. Языковым произвела сильное впечатление на 19-летнего Ханыкова и повлияла на его суждение об этом пушкинском труде.

“Знаете ли Вы, – пишет Ханыков Дально, – что недели три тому назад я много говорил о вас с человеком, знакомым вам. Дело происходило следующим порядком: в одно прекрасное утро я вышел из карандаса, чтобы по долгу статистика осмотреть поля на берегу Кармасана, поразившего меня редкою в здешних странах обработанностью своею. Гуляя таким образом и делая всевозможные статистико-агрономические расчеты и заключения, я встретил хозяина, который также осматривал поле и делал расчеты, гораздо существеннейшие. Хозяин этот был Александр Михайлович Языков. После взаимных поклонов, осведомлений и рекомендаций мы познакомились, и он просил меня к себе на другой день, извиняясь, что не может принять теперь, так как едет обедать к соседу. Хотя белый длиннополый сюртук его и англо-флегматический вид не сделал на меня – врага новых знакомств – благоприятного впечатления, однако как на другой день дорога лежала мне мимо прекрасного имения его, то часу в 10-м утра я и заехал с твердым намерением пробыть не более часу. Разговор, по-надлежащему, начался о погоде, урожае, перешел к посеву, толоке, назыму и прочим интересным предметам, но вскоре, не знаю, по какому-то обоюдному *pactum tacitum*³¹ в него вмешалась литература. Флегма моего собеседника начала немного таять, заметно было, что мы оба сорвались с цепи продолжительного

³¹ Молчаливый договор.

молчания, разговорились о вас, Шевыреве, Тургеневе, Пушкине, Сенковском, Булгарине, Жуковском и пр. Пришла жена его, время летело. Я посмотрел – уже 2 часа. Поскорее было за шапку, но обед на столе – как будто не мог отказаться, пошел в столовую и наконец уже в 4 часа кое-как уселся в карандас. Говоря с угрызениями совести: “Вот еще день потерянный” и думая тихонько от нее: “Потерянный не для меня, а для статистики”.

О содержании этой литературной беседы можно судить по остроумному намеку: фамилии Сенковского и Булгарина в строке письма перевернуты. Нужно понимать, что собеседники были единомышленны в оценке этих двух личностей. Как известно, профессор-востоковед О.И. Сенковский, занявшись журналистикой под псевдонимом барона Брамбеуса, снискал дурную славу среди литераторов пушкинского круга, которые ставили его имя рядом с одиозным для них именем журналиста и писателя Ф.В. Булгарина. Крайне отрицательно относился к нему и В.И. Даль [104, 6–61].

“От Языкова, – сообщает Я. Ханыков, – я отправился прямо на полторы недели в башкирские кочевки и провел все это время на лошади”. Затем следуют восторженные похвалы кумысу – напитку из кобыльего молока, чудодейственные свойства которого были хорошо известны его адресату. В.И. Даль впоследствии выступил в научной печати со статьей о кумысе, где профессионально, как врач, описал его целебное действие на организм [61, 363–370].

Ханыков пишет: “Тут-то постигнул я всю животворность кумыса, тут-то угадал настоящую причину победы Аттил и Чингисханов – ею был кумыс. Верьте мне, что один кумыс и более ничего. Он давал им возможность проводить недели в степях без провизии и делать те безмерно длинные переходы, поражавшие врагов их. В маленьком размере я испытывал это на себе. Мне случалось, и не один раз, быть 10 часов сряду на лошади, не иметь с собою и куска хлеба и при всем том не чувствовать ни усталости, ни голода, ни даже боли в груди потому только, что я пил по нескольким чашам кумыса в каждой встречной кочевке или у всякого косившего сено башкирца”.

О своих приключениях, нередко опасных, Ханыков рассказывает с неизменным юмором. “Верховые поездки мои, – пишет он, – оканчивались почти всегда трагикомически. Так как я везде просил в проводники человека, немного понимающего по-русски и сведущего в местности, то и наряжали мне стариков. Сначала дело шло ладно, но под конец объявлялось мне, что спина и алаша кончали, и тут уж никакие доводы не могли заставить его ехать иначе как шагом. Однажды, наскучив уже этою караванною ездой, я отправился один вперед. Не знаю, каким-то обра-

зом нечаянно заехал в стадо верблюдов... Сцена произошла фантастическая: верблюды заревели и засуетились, лошадь моя испугалась и понесла по кочевью при кликах Алла! Алла! проводника моего, который издали смотрел на все это”.

Сделав несколько замечаний этнографического характера, Ханыков прощается до конца сентября и добавляет: “Прилагаю при сем любопытнейший из прейскурантов. Если Вы еще не совсем отделали Бедовика, то статья о белых винах может занять почетное место в ряду прочих провинциальных и исправничьих редкостей”.

Отсюда видно, что Ханыков был хорошо знаком с ходом литературного творчества В.И. Даля, который завершал в это время работу над своей повестью “Бедовик”, опубликованной в 1839 г. в “Отечественных записках”.

Вошел он и в кружок объединившихся вокруг В.И. Даля людей, которые интересовались наукой и занимались изучением Оренбургского края. О его заседаниях Даль рассказывал сестре в письме от 27 февраля 1838 г.: “Нас собралось теперь десять человек, мы собираемся по четвергам поочередно у двух, у меня и генерала Генса, и каждый по очереди занимает остальным вечер своим предметом. Тут один говорит об истории, другой – о кайсаках и башкирах, третий – о сравнительной анатомии, четвертый – о Бородинском сражении, пятый – о расколах и пр. Затея очень хороша, идет досель довольно удачно; несколько статей были довольно любопытны и занимательны, так что это можно и должно напечатать. Может быть, мы составим из них сборник”³².

О том, что Ханыков играл в этих собраниях видную роль, свидетельствует письмо, написанное Далем 26 февраля того же года петербургскому издателю А.А. Краевскому. «Статьи с ученых вечеров наших, – сообщает он, – прислать Вам едва ли будет можно, потому что мы с Ханыковым затеваем издать, если со временем удастся, Оренбургский сборник, в который войдут лучшие статьи с этих вечеров! Замечательных и достойных печати статей было только четыре: генерал-майора Генса о происхождении кайсаков; Ханыкова о философии истории; Иванова о мусульманских медресах и о так называемой учености здешних мусульман и пр.; Дьяконова о раскопках и в особенности об Иргизском монастыре. Я читал им последним вечером довольно длинную повесть “Бедовик”, которую намерен Вам послать»³³.

Занятия научного кружка продолжились до лета. Даль писал 9 июня 1838 г.: “Четверги наши кончились, все разъехались –

³² ИРЛИ. Отд. рук. 27.416. СХС VI 6.10. Письмо к П.И. Шлейден.

³³ РНБ. Отд. рук. Ф. 391. № 318. Л. 5.

а зимой, может быть, возобновятся. Маловато дельного народу. Впрочем все-таки статей и заметок набралось довольно замечательных; вероятно, будут они напечатаны”³⁴.

Среди участников собраний, помимо председателя Оренбургской Пограничной комиссии Г.Ф. Генса и Я.В. Ханыкова, В.И. Даль назвал преподавателей Неплюевского военного училища Мартиниана Ивановича Иванова и Александра Никифоровича Дьяконова. Первый из них преподавал татарский и персидский языки и одновременно служил переводчиком при оренбургской Пограничной комиссии. Написанные им и опубликованные в 1842 г. в Казани “Татарская грамматика” и “Татарская хрестоматия” оцениваются как значительное явление в отечественной тюркологии (хотя популярность их невелика, так как во время пожара в типографии сгорел почти весь тираж обеих книг). А.Н. Дьяконов – инспектор классов и учитель истории – был любителем и знатоком русской словесности. В.И. Даль называл его помощником и сотрудником в начатой в Оренбурге работе над “Толковым словарем живого великорусского языка”.

Научный кружок продолжал работу и в последующие годы. В октябре 1840 г. В.И. Даль сообщал А.А. Краевскому, что из участников кружка только он имеет возможность прислать для публикации свои работы: у Г.Ф. Генса все материалы являются секретными, а Я.В. Ханыков должен печататься в ведомостном журнале³⁵.

В 1841 г. членом научного кружка стал переведенный по службе в Оренбург И.Ф. Бларамберг – подполковник Генерального штаба, назначенный обер-квартирмейстером Отдельного оренбургского корпуса, уже был известен трудами по военнотопографическому описанию Кавказа и участием в экспедиции 1836 г. по Каспийскому морю вместе с Г.С. Карелиным. В Оренбурге И.Ф. Бларамберг прослужил до 1856 г., когда был назначен директором Военно-топографического депо и управляющим Военно-топографической частью Главного управления Генерального штаба. В своих “Воспоминаниях” [37, 219–220, 247] он описывает заседания кружка, упоминая при этом несколько новых имен.

Таким образом, Я.В. Ханыков немало внимания уделял общению с местными любителями науки и литературы, серьезно размышляя над такими вопросами, как философия истории. Но это не мешало ему с полной ответственностью исполнять разнообразные служебные обязанности. Из формулярного списка мы узнаем, что 31 октября 1837 г. он был “в награду

³⁴ ИРЛИ. Отд. рук. 27.416. СХСХVI б.10. Письмо к П.И. Шлейден.

³⁵ РНБ. Отд. рук. Ф. 391. № 318. Л. 8–8 об.

отлично-ревностной службы Всемилоостивейше пожалован в титулярные советники”³⁶, а в январе–феврале 1838 г. “по особому предписанию военного губернатора назначен для пособия полковнику Кожевникову для изготовления отчета о ревизии государственных имуществ в Оренбургской губернии”. Однако основное задание, которое Ханыков получил в это время от В.А. Перовского, состояло в описании производства частных горных заводов, расположенных на Урале. Поэтому летом 1838 г. он снова отправился в путешествие.

О некоторых подробностях этой поездки мы узнаем из второго письма Ханыкова к В.И. Далю, которое датировано 3–5 сентября. Оно написано по получении известия о трагедии, случившейся в семье его старшего товарища в июне, – смерти его жены [104, 76–79], и полно искреннего сочувствия к Владимиру Ивановичу. Мы видим, что за прошедшее время они сблизились еще более, перейдя в обращении на “ты”.

Письмо, которое Ханыков начал писать 3 сентября, находясь на Воскресенском заводе, не имеет обращения и начинается словами: “Я получил письмо твое 20 августа, в Качинском заводе и, как ни грустно содержание его, оно все-таки меня обрадовало в одном отношении. Когда я услышал в первый раз о постигшем тебя несчастье, то первым желанием моим было написать к тебе несколько строк; но, уже взявшись за перо, я остановлен был мыслью: что буду писать тебе? Как ни печальна для меня была полученная новость, все-таки ощущения мои были бы так слабы и бледны в сравнении с твоими чувствами, что я решил лучше молчать и ждать первой вести от тебя. Радуюсь, что ты понял меня, и теперь спешу прервать продолжительное молчание свое”.

Как видно, Ханыков был готов к печальному исходу долгой болезни Юлии Егоровны. Он пишет: “Действительно, несчастье твое было предвидено. Но кто же изгонит надежду из души человеческой; каждый из нас, вслушиваясь в сомнительные ответы докторов, все еще думал: авось переменится. И потому, когда бедствие свершилось, весть о нем была так же грустна, как о несчастьи неожиданном. Ждешь грома в грозу, знаешь, что удар должен быть, но когда он разразится вблизи над человеком любимым, все-таки оплакиваешь жертву”.

“Однако ж, – продолжает Ханыков, – одно бедствие не должно быть причиною другого, и если ты чувствуешь, что здоровье твое расстраивается, то по крайней мере для детей обязан употребить все средства по сохранению его. Жалко, что меня нет в

³⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. № 11615/7. Л. 58–58 об.

Оренбурге, – не в самонадеянной мысли, что я мог бы рассеять тебя, но искренне желал бы хоть как-то этому содействовать”.

К этому он добавляет: “К сожалению, поездка моя, кажется, затягивается еще надолго, и возможности возвратиться я не вижу ближе 2 и 3 ноября”.

На этом письмо было прервано из-за приезда “приказчика и других столь же интересных лиц” и продолжено 5 сентября, уже в Стерлитамаке. Ханыков старается развлечь друга рассказом о своей поездке, делится полученными впечатлениями и мыслями о своей работе.

“Что сказать тебе о поездке моей? – спрашивает он. – Доволен ли я ею?” И отвечает: “Доволен без сомнения. Потому что, оглядываясь на прошедшее, вижу два трудных месяца, которых уже более в жизни не встречу, и потому что, конечно, без особой надобности, добровольно я не соглашусь больше объезжать снова осмотренные места”.

Для такого вывода у Ханыкова есть объяснение. “Кто исследовал Южный Урал, – пишет он, – тот полюбит его, но только в воспоминаниях, вторично же посетить его для удовольствия едва ли решится. Действительно, есть много поэтических минут, но, чтобы воспользоваться ими, надобно перейти через прозу болот, лесов, дождей, безлюдия или людской глупости и невежества, безкормицы, брани, задержек и пр. И все это для того, чтобы увидеть одну только мертвую природу, потому что живой – труда человеческого – здесь не видно, не исключая и заводов, которые все, за исключением Пашковских, Сухозанета и Белосельской, хуже, чем мертвые – живут жизнью отрицательной”.

Ханыков, впрочем, признает, что его безотрадные впечатления зависят от результатов работы, которые его не удовлетворяли. Он пишет, что чаще всего его тяготила “невозможность во многих случаях совершенно выполнить мысли своей”: “все измерить, перечесать, обрисовать”. Другие же затруднения теперь, издали, представляются ему ничтожными. “Я сам, – замечает он, – смеюсь над комизмом, который они нередко порождали”.

Поездка по местам, где в свое время бушевало восстание Пугачева, убедила Ханыкова, что эти события должны найти достойное отражение в литературном произведении. Историческому труду Пушкина – возможно, не без влияния А.М. Языкова – он дал крайне низкую оценку и полагал, что написать роман на пугачевскую тему должен В.И. Даль. Он пишет: «Жалею душевно об одном: во-первых, что покойный Пушкин не проехал хотя немного по этим горам, тогда бы он не написал такой бесцветной, совершенно ничтожной книги, какова его “История Пугачева”; а во-вторых, что ты не сделал этой поездки. Лучший мест-

ный исторический роман должен относиться к пугачевской эпохе. Здесь соединено все, что есть только в нашем крае замечательного: уралец и башкир, и финн, и степь, и горы, и сильные страсти и драматические завязки. По моем возвращении мы об этом поговорим подробно. Предмет, право, того заслуживает».

Далее автор письма признается, что “принужден оставить перо, потому что усталость разгибает пальцы”, просит Даля писать ему, беречь себя и заканчивает словами: “Искренне преданный тебе, Я. Ханыков”.

Географическое обозрение Оренбургского края

Вернувшись из поездки, Я.В. Ханыков занялся обработкой собранного материала. Его первый научный труд, озаглавленный “Географическое обозрение Оренбургского края” [2] и вышедший в свет в 1839 г., был написан в необычайно короткий срок. Это потребовало от автора не только огромного труда, но и удивительной для молодого ученого способности собрать, классифицировать и проанализировать обширнейший и разнородный материал.

Работа была включена в первый том сборника “Материалы для статистики Российской империи, издаваемые с Высочайшего соизволения при статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел” [2]. Она состоит из семи разделов: 1) положение и пространство Оренбургского края; 2) орография; 3) гидрография; 4) естественные произведения; 5) климат; 6) народонаселение; 7) топография.

Обширное введение к первому разделу ниже приводится полностью, так как здесь четко определено, что понималось в то время под термином “Оренбургский край”.

Ханыков пишет: “Под Оренбургским краем, в смысле правительственном, разумеется полоса земли, касающаяся отдаленными точками своими на Севере – берегов Камы, на Западе – реки Волги, на Юге – моря Каспийского, а на востоке ограниченная устьем Аму-Дарьи, правым берегом Аральского моря, реками Ян, Сыр и Сарасу, хребтом гор, идущих от Улутау по вершинам Тургаев и наконец рекою Убаган. На этом огромном пространстве расположены Оренбургская губерния, земля Уральских казаков, Башкирские земли – в губерниях Пермской, Вятской и Саратовской, земли Ставропольского Калмыцкого войска, кочевье внутренней Киргизской Орды и степь Кайсаков зауральских”.

Чрезвычайно интересна оценка перспектив развития края. “Прилегая таким образом с одной стороны к реке Волге – этой

огромной артерии Русской промышленности, а с другой – к устьям Сыра и Аму, началам двух единственных путей к богатым и несовместным еще рынкам Средней Азии, Оренбургский край, – пишет Ханыков, – по одному положению своему приобретает важность государственную, рождает надежды на блистательную будущность”.

Далее Ханыков замечает: “Доселе, однако же, власть русская далеко еще не проникла к отдаленным восточным пределам его: Урал есть предел русского населения и страны, за ним лежащие, остаются для нас почти неизвестными, посему и обозрение их не может быть представлено вместе с описанием других частей Оренбургского края”. Таким образом, здесь не ставится задача описания киргизской степи.

“В этом смысле, – продолжает Ханыков, – описываемое пространство будет ограничено. С Юга – морем Каспийским; с востока – Уралом, Илеком и Тоболом; с Севера – изгибистою чертою от Тобола к озеру Таваложскому, перелому реки Мияса на Восток к реке Уфе при устье реки Ай, и наконец рекою Камой между устьев рек Буя и Зая; с Запада частями рек Урыклы, Таловки, Черемшана, Волги, Самары и Мачи, чертою от сей последней к озеру Ильмансор и грязям Хаки, восточным и южными пределами их до горы Чапчаги; наконец линией, протянутой от нее к берегу Каспия, против бугра Байгушей.

Но и в этих сжатых пределах Оренбургский край все еще представляет обширную плоскость в 9 тыс. географических квадратных миль, коей отдаленнейшие точки падают на Севере под 56°, на Юге под 47° северной широты; на Востоке под 55° и на Западе под 66° долготы” [2, 1–2].

Во втором разделе, заметив, что “занимательность этого края возрастает еще более при рассмотрении многообразной и богатой местности его”, Ханыков переходит к орографии региона, то есть описанию его рельефа. Он пишет о взаимном расположении горных хребтов, их размерах, высоте, направлении, о возвышенностях, котловинах и т.д. Именно этот раздел работы привлек впоследствии внимание европейских ученых и был опубликован в лондонском журнале на английском языке.

Оренбургский край, по словам Ханыкова, “в выпуклом изображении представляет неправильную трапецию, широкую на севере, но сжатую на юге и заключающую в середине, в виде сферического треугольника, страну Альпийского образования, от которой бегут во все стороны разнонаклонные покатости” [2, 1–2].

Для того чтобы составить представление “о физиономии края”, Ханыков подробно описывает каждую из названных час-

тей [2, 2–5]. Говоря об Альпийском образовании, он подробно описывает сначала Альпийское пространство, а затем побочные хребты.

Альпийское пространство – это составляющее пятую часть всего края центральное горное пространство. Оно “ограничено на востоке левым берегом реки Миаса, до поворота ее к озеру Аргазы, верхними частями Урала и чертой, проведенной к вершинам реки Большого Кизила. На юге служат ему пределом горы, идущие по левому берегу Белой, от истока реки Каны до поворота Белой к северу. Наконец, с западной и северной стороны граница простирается по реке Белой до устья Сима, по рекам Симу, Камышле, через Юрезень, по Аю и впадающему в него с правой стороны Нижнему Ику. С восточной стороны это пространство оканчивается или пологими скатами, образуя левый берег Мияса, или крутыми обрывами, составляющими правую сторону верхних частей Урала; на западе же прорезывают его разноименные хребты, которые, понижаясь уступами, или теряются в болотах приуфимских, или обрывами упираются в реку Белую. Верхнюю ступень этой гигантской лестницы образуют два хребта, почти параллельно идущие от вершин Самары к истокам Уфы, из коих восточный известен собственно под названием Южный Урал, а западный, самый высокий и равно непрерывный, носит по частям разные наименования. У подошвы этих хребтов протекают все важнейшие реки Оренбургской губернии, направляясь в разные стороны, но имея общую вершину в одном горном узле, который, следственно, и должен быть принят за центр разъединения всех прочих хребтов” [2, 2].

Выделив Центральную возвышенность, Ханыков определяет ее следующим образом: “Этот узел состоит из четырех огромных отрогов, заключающих значительнейшие возвышенности здешнего края. В центре его находится хребет Иремель, соединяющийся на юго-западе с Яман-Тау, на юго-востоке с Аваляком и на северо-востоке с Караташем” [2, 2]. Далее дается описание каждого из этих хребтов.

Кроме центральной возвышенности, в альпийском пространстве различаются шесть “отраслей”: горы между реками Ай и Мияс, Ай и Арши, Ай и Юрезень, Юрезень и Инзер, Инзер и Белая, Урал и Белая.

Рассмотрев альпийское пространство, Ханыков переходит к побочным хребтам, которые направляются в разные стороны “от описанного горного лабиринта” [2, 5–6]. Это горы Ильменские и горы между реками Урал и Тобол, Урал и Сакмара, Сакмара и Белая. “Все эти отрасли, – пишет Ханыков, – незначительной высоты; идущие к северу от Сакмары усеяны рощами,

no traveller returns." I have further learned, from Colonel Helmersen, that M. Basiner discovered a mountainous ridge of greenstone, trending from N. to S., called Shik-Djeli, at the southern end of the Aral Sea, and on the right bank of the Oxus, N. of Khivah. These data, with a general correction of the outlines of the Caspian and Aral Seas, will shortly appear in the geological map of Russia.—(October, 1844.)

VI.—*Orographical Survey of the Country of Orenburg: from the Russian MSS. of M. J. Khanikoff. (Communicated by the President.)*

[Mr. Murchison has explained towards the close of the preceding paper what gave occasion to the composition of M. Khanikoff's memoir, and how it came to assume its present form. The disadvantages under which it will be seen from Mr. Murchison's statement, the memoir appears, will have prepared the reader to encounter a few passages in which the author's meaning may not appear so distinctly as could be wished. Some difficulties, which otherwise might arise from his peculiar technical phraseology, may be obviated by a few remarks upon that phraseology, and on his method of arrangement.

M. Khanikoff, like Mr. Murchison, applies the name Ural to the whole of the elevation, or bulging of the earth's surface, which extends in its longitudinal direction from the Icy Sea to Lake Aral. The portion of this mountain mass described in M. Khanikoff's Memoir, under the designation 'Country of Orenburg,' is that which extends from a line drawn E. and W. from the sources of the Miass southward to the Aral.

This portion M. Khanikoff views as composed of a central-mountain region and three advanced ranges; and upon this conception his first great division of the subject rests. He passes in review separately:—the central-mountain system; each of the three advanced ranges; and, in order to render his description more complete, the depressed plains or valleys which adjoin their bases.

The description of the central-mountain system is further subdivided. M. Khanikoff finding that the predominating form in the northern region is the Alpine, or combination of ridges; in the southern the plateau; describes each apart.

In his description of the Alpine or northern region he first follows the summit level or watershed of the region from its northern boundary to where it widens out into the plateau-formation; second, describes the western; and, third, the eastern declivity of the range. The method of description pursued under each of these three heads is nearly the same. M. Khanikoff designates the eminences which rise above the average level of the Ural mass "ridges," when their length is markedly greater than their breadth; "mountains" or "peaks" when these two dimensions are nearly equal. The higher elevations of each "ridge" he also calls "peaks." The "mountains" or "peaks" he distinguishes into five classes, according to their size and predominating forms. To these he adds a sixth, the *svrt*—a term used by M. Khanikoff in a

Страница статьи Я.В. Ханыкова
 "Орографический обзор Оренбургского края",
 вышедшей в английском переводе в "Journal of Royal Geographical Society"
 в 1843 г.

rather vague and fluctuating sense; appearing sometimes to indicate a "mountain," sometimes a peculiar form of "ridge." Under each subdivision M. Khanikoff enumerates, and briefly describes every "ridge" and "peak" that occurs in it; and then the valleys or river-courses which divide or intersect them. In his description of the western declivity he has for greater convenience introduced a further subdivision into four districts designated from their relative position to each other as "eastern," "western," &c.

The southern, or plateau division, of the central-mountain system is described under six subdivisions:—first, the surface of the summit level of the plateau; second, the northern declivity or terrace-slope of the plateau; third, the N.E. terrace; fourth, the S.E. terrace; fifth, the S. terrace; sixth, the W. terrace. Owing to the greater variety of local forms which occur on the western terrace, M. Khanikoff has found it convenient (as in his description of the western declivity of the Alpine region, to adopt an additional arbitrary subdivision into "central," "south-eastern," and "extreme western" parts. The method of description pursued in each of these divisions and subdivisions, is the same adopted in describing the Alpine region.

The remaining principal divisions of M. Khanikoff's Memoir are:—The western advanced range; the western depressed valley; the north-western advanced range; the south-eastern advanced range; the north-eastern depressed valley; and the southern depressed valley. The method of description adopted in each of these divisions is determined by the preponderance of the Alpine or of the plateau formation, as the case may be, in each; and is identical with that pursued in the two principal subdivisions of the central-mountain system.

The central-mountain system of M. Khanikoff is the Ural N. of the part of the course of the river of that name in which it flows from E. to W.: his western advanced range is what is commonly called the Obitchi Syrt; his western depressed valley is the valley of the Bielaya; his north-western advanced range is a group of "ridges" or "peaks," to the N. of the Bielaya; his south-eastern advanced range is the mountain mass between the river Ural and the Aral; his north-eastern depressed valley embraces the upper valleys of the Tobol, Aï, and Miass; and his southern depressed valley embraces the low lands between the Obitchi Syrt and the Caspian.

M. Khanikoff's mode of conceiving the structure of the mountain mass he describes differs widely from that which prevails among English geographers. We are far from affirming that M. Khanikoff's offers sufficient advantages to render its general adoption desirable; but it was deemed unadvisable to hazard any addition to the obscurities which may have arisen from the difficulty of adequately expressing the exact import of Russian terms and phrases in English by translating (if so bold an expression may be allowed) his mode of conceiving geographical forms and relations and his technical language into those which prevail in England.

Having, in preparing his Memoir for the press, compared minutely that part of it which relates to the central-mountain system with Mr. Murchison's map, we are satisfied of its general accuracy. For the

между тем как южные ничем не отличаются от степей, лежащих при подошве их”.

Третий раздел статьи посвящен гидрографии Оренбургского края [2, 6–16]. Заметив, что “описанные побочные хребты служат разграничением покатостей, окружающих центральную альпийскую страну, и рамками долин всех рек Оренбургского края”, Ханыков дает подробное описание этих рек, часто ссылаясь на записки П.С. Палласа и др.

Прежде всего рассматриваются реки альпийского пространства – Белая, Юрезень и Ай с их многочисленными притоками. Далее описаны реки северонаклонной Верхне-Мияской долины (Мияс с притоками), северо-восточной Мияско-Тобольской долины (Тобол, Уй, Мияс), южной Сакмаро-Уральской покатости (Сакмара, Ик с притоками, Нижняя и Верхняя Чебеньки, Абдулова, Салмыш, северная часть Урала), западной Средне-Уральской покатости (Урал с притоками Орь, Илек, Кинделя, Иртек, Чаган), южной Уральско-Узеньской покатости (Урал).

Уральско-Узеньской покатости уделено большое внимание. Приводятся сведения о северной части Каспийского моря, которая описана следующим образом: “На западе – выгнутая к северу дуга, на востоке – широкий, но мелкий залив Мертвый Кутлук, оканчивающийся на юго-западе узким рукавом Кайдак; имеется множество островов”.

Ханыков отмечает факт обмеления Каспийского моря. Он пишет: “Образование сих островов и рождение самих берегов служат очевидным доказательством постепенной убыли Каспия. Рычков говорит, но не выдает за достоверное, что в северной и восточной частях он убывает с 1743 г., между тем как прежде возрастал постоянно. Паллас относит начало убыли к 1730-м гг. На сих-то показаниях основалось предположение периодической прибыли и убыли Каспийского моря. Но самая сбивчивость в числении доказывает, что причину сей временной прибыли должно искать только в замеченном туземцами постоянстве южных ветров, которое на время скрывает постоянную убыль воды” [2, 13].

Таким образом, Ханыков считает, что существовавшая в его время точка зрения о периодической убыли и прибыли воды в Каспийском море не является обоснованной.

Далее рассматриваются Камыш-Самарские солончаковые степи, по которым на востоке протекает в Урал ручей Кушум, на западе встречаются речки Большой и Малый Узени. О них говорится: “Они вытекают из общего Сырта и оканчиваются Камыш-Самарскими озерами, которые являются разливами Узеней и представляют на пространстве 38 верст две цепи озер, разделя-

емых так называемой гривой, или рядом песчаных холмов. На юго-запад от Узеней – несколько соленых озер и солончак Катмас, прилегающий к песчаной степи Нарын. Эти пески простираются от Камыш-Самарских озер до озера Элтонского, в длину на 150, а в ширину на 40 верст и состоят из площадей от 2 до 5 квадратных верст, разграниченных буграми зыбучего песка. Они поросли хорошим подножным кормом и обильны свежей водой. К юго-западу от Рын-песков – обширные соленые грязи, а далее – страна, усеянная холмами, простирающаяся до Каспийского моря” [2, 13].

Внимание географов привлекло следующее заключение Ханькова: “Все сие пространство есть едва обнаженное ложе некогда гигантского Каспийского моря, с которого сбегало море гораздо позже, нежели с покатости Мияско-Тобольской, вероятно, служившей ему соединением с океаном Северным” [2, 14].

Затем Ханьков переходит к описанию юго-западной Самарской покатости (Самара, Кинель, Сок, Черемшан с их притоками), северо-западной Нижне-Бельской покатости (Кама и нижняя часть Белой с притоками) и юго-западной Нижне-Уфимской покатости (Таныш, Бирь и Уфа).

В четвертом разделе, посвященном “естественным произведениям” Оренбургского края [2, 16–17], сначала описаны “свойства и богатство вод”, то есть качество воды и рыба, которая водится в водоемах, а затем “почва долин и произведения их”, то есть растительный и животный мир долин.

В пятом разделе [2, 17–19] собраны сведения о климате Оренбургского края. Отмечено, что термометрические наблюдения проводились только в Оренбурге и Златоусте. Приводятся таблицы средних температур (по месяцам) и средних высот ртутного столба.

Шестой раздел посвящен народонаселению Оренбургского края [2, 20–26]. Прежде всего перечислены населяющие его “племена”:

- коренное население – башкиры, или башкирты;
- пришельцы татарского происхождения (мещеряки, тептяри, татары);
- пришельцы финского племени (вотяки, черемисы, чувашы, мордва);
- русские;
- калмыки;
- киргизы;
- прочие – хивинцы, бухарцы, ногайбацкие татары, польские шляхтичи (утратившие язык, но сохранившие веру), немцы (мас-теровые на уральских заводах).

Приводятся численная характеристика населения и сведения о его движении.

В последнем седьмом разделе речь идет о топографии Оренбургского края [2, 26–42]. Вначале подробно описана Оренбургская губерния согласно ее административному делению. Перечислены уезды и приведены сведения об уездных городах. Это Уфимский уезд (губернский город Уфа – административный центр губернии), Стерлитамакский уезд (г. Стерлитамак), Оренбургский уезд (г. Оренбург), Бузулукский уезд (г. Бузулук), Бугурусланский уезд (г. Бугуруслан), Белебеевский уезд (г. Белебей), Бугульминский уезд (г. Бугульма), Мензелинский уезд (г. Мензелинск), Бирский уезд (г. Бирск), Троицкий уезд (г. Троицк), Челябинский уезд (г. Челябинск), Верхнеуральский уезд (г. Верхнеуральск). К Оренбургской губернии относились также 6 дистанций Оренбургской пограничной линии.

Далее следует описание земли уральских казаков с центром в Уральске, земли ставропольского калмыцкого войска с центром в Ставрополе и земли Внутренней (Букеевской) Орды со ставкой хана, находившейся в Рын-песках.

Заслуживают внимания приведенные Ханьковым сведения об Оренбурге: краткий очерк его истории и характеристика состояния города в 1830-х гг.

“Город Оренбург. Под сим названием основана в 1735 г. крепость на левом берегу Урала, при устье Ори; в 1739 г., в уважение местных неудобств дозволено было перенести ее к урочищу Красной горе; но как и этот пункт признан был невыгодным, то заложена в 1743 г. крепость на нынешнем месте своем. Оренбург лежит под 51°46′ северной широты и 72°46′ восточной долготы на правом высоком берегу Урала, от Москвы в 1515 верстах, от Петербурга – в 2 тыс. 228 верстах, от Уфы – в 351 версте. Он есть крепость 2-го класса с 10 бастионами, 2 полубастионами, глиняным валом вышиною в 14 футов; сухой ров глубиной в 12, а шириной в 36 футов; большая половина крепости одета камнем. В ней находятся 4 каменных ворот; фигура ее овальная; в длину имеет 750, в ширину 600, а в окружности по валу 2 тыс. 700 сажень.

Оренбург с 1744 г. был центром правления всего Оренбургского края, в 1782 г. сделан областным городом, в 1797 г. – уездным, ныне назначен быть местом пребывания главного начальника.

В нем, кроме уездных присутственных мест, находятся гражданское и пограничное управление оренбургского военного губернатора, Пограничная комиссия, штаб оренбургского корпуса, инженерное и артиллерийское окружные управления, войсковая канцелярия оренбургского, башкирского и меццерацкого казачь-

их войск, штаб-квартира 22-й пехотной дивизии, полевая провиантская комиссия, полевая аптека, корпусной госпиталь, таможня, Неплюевское военное училище. Сверх того училища уездное, приходское, женское, оренбургского казачьего войска и кантонистское отделение.

В Оренбурге считается земли в городской черте 16 тыс. 008 десятин 1 тыс. 993 сажени, в том числе застроенной 295 десятин 117 сажень. Площадей немощеных – 2; улиц мощеных – 1; улиц немощеных – 82; мостов деревянных – 2; церквей каменных – 5; лютеранская кирка каменная – 1; мечеть каменная – 1; домов, правительству принадлежащих, каменных – 34; домов, правительству принадлежащих, деревянных – 5; каменный гостиный двор длиной в 104, шириной в 94 сажени с 150 лавками. Количество жителей Оренбурга и распределение их по сословиям приведено в таблице 1.

Таблица 1

Жителей	Мужского пола	Женского пола
Белого духовенства	28	10
Церковнослужителей	15	19
Чиновников военных ведомств	285	249
Чиновников гражданских ведомств	155	130
Чиновников гражданских отставных	124	110
Купцов 2 и 3 гильдий	45	105
Мещан и посадских	674	579
Нижних военных чинов	2541	1306
Казачья	1013	1094
Прочих сословий	711	440
Всех жителей	6404	4062

Доходы простираются до 16 тыс. руб.

К югу от Оренбурга, на левом берегу Урала, находится довольно обширный английский сад, а верстах в двух за ним – Меновой двор, представляющий каменный четырехугольник с двумя воротами и четырьмя бастионами. В середине его находится церковь и другой малый каменный двор, называемый азиатским. В обоих считается лавок 354, анбаров 140.

К северо-востоку от Оренбурга находится предместье, называемое Форштадтом и населенное казаками; в нем каменная церковь, домов – 421, жителей обоего пола – 2 тыс. 156.

К северо-западу лежит другое предместье – Голубиная слободка, где живут отставные и служащие солдаты; домов – до 250, жителей – до 800.

Наконец, к северу от Оренбурга находится военный госпиталь и дача военного губернатора, а за нею – образцовая ферма с училищем лесоводства и хлебопашества на 26 человек” [2, 28–29].

Обозрение рудного производства частных оренбургских заводов в 1838 г.

Нелегкая поездка Я.В. Ханыкова летом 1838 г. была связана с изучением производства на уральских горных заводах, расположенных в пределах Оренбургского края.

На богатейших месторождениях полезных ископаемых на Южном Урале с середины XVIII в. велась добыча железной и медной руды, которая обрабатывалась на многочисленных казенных и частных заводах [55]. В 1830-х гг. казне принадлежали Златоустовский, Саткинский и Кусинский железоделательные заводы и медеплавильный Миясский завод. Частных заводов насчитывалось 24, в том числе 12 железоделательных (Катаво-Ивановский, Юрюзань-Ивановский, Верхний и Нижний Авзянопетровские, Усть-Катавский, Симский, Белорецкий, Кагинский, Покровский, Узьянский и Петропавловский) и 12 медеплавильных (Ильдякский, Шильминский, Воскресенский, Кананикольский, Богоявленский, Верхний Троицкий, Архангельский, Благовещенский, Богословский, Верхнетурский, Усень-Ивановский, Преображенский). Многими из них владели потомки купцов, основавших горную промышленность на Урале (Демидовых и членов одной семьи: трех братьев Твердышевых и их зятя И.С. Мясникова) заводы Бекетовых, Белосельских-Белозерских, Лаваль, Пашкова, Сухозанета [64, 13–18].

Задача, которую поставил перед Ханыковым в 1838 г. Перовский, состояла в анализе производства на частных горных заводах. О том, как шла обработка результатов проведенных им наблюдений, рассказывает хранящееся в оренбургском областном архиве дело, озаглавленное “О составлении титулярным советником Ханыковым обозрения владельческих рудных заводов Оренбургского края”³⁷.

Архивное дело начинается рапортом, который Ханыков подал военному губернатору 10 января 1839 г. Мы узнаем, что, совершив по предписанию Перовского поездку по горным заводам, он представил “краткую записку” о ее результатах. Но она была забракована.

³⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. № 11524.

Ханыков пишет: “По прочтении краткой записки о заводах Вашему превосходительству угодно было сделать три замечания, что: 1) в некоторых местах недостаток общих политико-экономических пояснений; 2) многие результаты слабо подкреплены фактом и вообще недостаточно исследованы естественные способы; 3) порядок изложения сбивчив и нелогический”³⁸.

Учитывая замечания Перовского, Ханыков “приступил к совершенной переделке своего описания”. Прежде всего он расширил “Записку”, добавив статьи о гражданском состоянии заводских рабочих и о башкирском управлении, представив их как “Опыт историко- и статистическо-сравнительного обозрения условий Оренбургской губернии”.

Кроме того, первоначальный текст претерпел существенные изменения. В рапорте говорится, что, во-первых, были дополнены теоретические разделы, во-вторых, “все выводы подкреплены примечаниями, заключающими общие статистические данные о губернии”, в-третьих, “порядок изменен совершенно, и все обозрение изложено по строгой политико-экономической системе”³⁹.

Из последующего текста выясняется, что указанная политико-экономическая система, примененная Ханыковым к изложению статистики рудного дела, была разработана им самим. Он пишет: “Система эта с самого приступа моего к статистике была целью всех теоретических изучений моих... Если неопытность моя не осложняет меня, то смею думать, что применение политико-экономической системы заслуживает внимания как единственный способ возведения статистики на степень науки”⁴⁰. По его мнению, “описания, составленные по господствующим ныне методам Шлецера и Гасселя, суть только статистические хроники и так же далеки от науки статистики, как летописи от философии истории”⁴¹. Свою позицию Ханыков подкрепляет ссылкой на “статистические опыты последнего времени”, которые уже сделаны иностранными учеными Кругом, Шабролем, Дюпенем, Павловани, Кекуле и др., “но отрывочно и неполно”.

Он изъявляет готовность “заняться в нынешнем году (не оставляя статистики оренбургской) сочинением общей теории статистических начал”, если статистическое отделение, “рассмотрев способ изложения представляемого описания”, найдет его более удобным, чем другие, “употребляемые в настоящее время”⁴².

³⁸ Там же. Л. 1 об. – 2.

³⁹ Там же. Л. 1.

⁴⁰ Там же. Л. 2.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. Л. 2 об.

Ханыков завершает свой рапорт “Проектом отношения к министру внутренних дел”⁴³, составленным от имени Перовского, которое, как он считает, может служить предисловием к представляемому в министерство обозрению рудных заводов. Предложенный текст Перовский одобрил. Его рукой сделаны вставки, уточняющие, что исследование проведено чиновником особых поручений Ханыковым.

Отношение к министру начинается с утверждения о важности рудного производства, которое “было одной из побудительных причин окончательного присоединения Оренбургского края к России и составляет донныне замечательнейший промысел в подведомственной мне губернии, или по крайней мере ту отрасль промышленности, где наиболее встречается участие капиталов”⁴⁴. Далее отмечается, что если в литературе можно найти “отрывочные технические сведения о состоянии горного дела”, то статистического обзора заводов не существует даже “в виде опыта”. “Посему – докладывает Перовский, – при самом начале статистических занятий в Оренбургском крае я счел нужным обратить внимание преимущественно и прежде всего на горное дело”⁴⁵.

Обосновав таким образом постановку задачи, он указывает источники, на основании которых написано представляемое в министерство обозрение рудного производства. Это, во-первых, опубликованные данные; во-вторых, сведения, доставленные заводскими конторами согласно программам, которые были им специально разосланы; в-третьих, “путевой журнал чиновника Ханыкова, в нынешнем году командированного на заводы для проверки полученных от контор сведений и собрания данных, не вошедших в состав программ”⁴⁶.

В конце отмечено, что при разборе описания следует обратить внимание “не на одни факты, но и на самый способ изложения, представляющий опыт применения политико-экономической системы к статистике”⁴⁷.

В датированном 1 февраля 1839 г. ответном письме министра Перовскому сообщалось: “Сие обозрение, согласно желанию Вашему, я передал в Статистическое отделение министерства внутренних дел, поручив оному воспользоваться сим многосложным и полезным трудом и извлечь из оного все нужные для нас сведения”⁴⁸.

⁴³ Там же. Л. 3 – 4 об.

⁴⁴ Там же. Л. 3.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. Л. 3 об.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. Л. 5.

Зимой 1839 г. В.А. Перовский находился в командировке в Петербурге. Среди сопровождавших его лиц, наряду с В.И. Давидом, был и Я.В. Ханьков. Об этом свидетельствует написанное собственноручно Перовским распоряжения от 15 марта 1839 г.

“Г-ну коллежскому асессору Ханькову.

Так как при рассмотрении в статистическом отделении Министерства внутренних дел составленного вами описания горных заводов может встретиться надобность в личных пояснениях ваших на некоторые предметы этого описания, то я предлагаю вашему высокоблагородию остаться здесь в Санкт-Петербурге до окончательного рассмотрения упоминавшегося сочинения вашего. Когда ж в вашем присутствии здесь по этому делу статистическое отделение не будет иметь надобности, тогда возвратитесь в Оренбург, испросив для себя в канцелярии г-на министра внутренних дел подорожную”⁴⁹.

Исследование Я.В. Ханькова, к которому в статистическом отделении отнеслись очень серьезно, было опубликовано через два года под названием “Обозрение рудного производства частных оренбургских заводов в 1838 г.” [3]. Оно вошло во 2-й том “Материалов для статистики Российской империи, издаваемых с Высочайшего соизволения при статистическом отделении совета Министерства внутренних дел”.

Работа была по достоинству оценена специалистами. В 1845 г. “Журнал Министерства внутренних дел” опубликовал редакционную статью “Объем и порядок обозрения народного богатства, составляющего предмет хозяйственной статистики”. В ней отмечается “безуспешная неподвижность нашей статистики”, вызванная крайней скудостью годных статистических материалов и утверждается: “Статистика должна быть не что иное, как обращенная к действительности, воплощенная в фактах наука о богатстве, т.е. политическая экономия”. В качестве едва ли не единственной у нас попытки изложить статистику “в этом роде” назван “замечательный труд” Я.В. Ханькова [121, 12].

В вышедшем в 1859 г. “Описании Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом этнографическом и промышленном отношениях” В.М. Черемшанского сочинение Я.В. Ханькова легло в основу раздела, посвященного горной промышленности [181, 395–424].

По мнению современного исследователя Б.А. Вальской, “этот труд не потерял своего значения до настоящего времени”,

⁴⁹ Там же. Л. 6.

так как в нем оценка металлургической промышленности Оренбургского края дается с учетом всех природных и социально-экономических факторов, причем особо отмечено, что ее развитие тормозится крепостным правом [42, 219].

Завершение этой работы принесло Я.В. Ханыкову очередное продвижение по служебной лестнице. В его формулярном списке значится, что 23 февраля 1839 г. он был “в награду отлично-ревностной службы и в особенности за представление описания разных промыслов на Южном Урале всемилостивейше пожалован в коллежские ассесоры”⁵⁰.

Первый раздел сочинения Я.В. Ханыкова озаглавлен “Исторический взгляд на развитие рудного производства владельческих заводов в Оренбургском крае”. Он начинается подлинным гимном Южному Уралу: “Кто путешествовал в Башкирском Урале, кто коротко ознакомился с ним, тот, конечно, не раз был поражен мыслию, что сама природа предназначила страну сию быть местом развития обширной горной промышленности... Неисчерпаемое богатство руд, разбросанных почти на самой поверхности земной, обширность лесов, обилие вод и сплавных в весеннее время рек – все представляет необыкновенное соединение удобств для заводской промышленности, которая одна только, действуя огромными капиталами, в состоянии проложить дороги чрез болотистые леса и каменные толщи Урала – условие необходимое для образования страны и вместе с тем для занятия множества свободных рук кочующих здесь народов перевозкою руды, работою на рудниках, рубкою дров и проч. Посему, взглянув на ряд заводов медеплавильных, облегающих западные склоны Урала, и заводов железоделательных, разбросанных по восточному, высшему гребню его, нельзя не поблагодарить Неплюева за то, что он постиг эту тайну местности, этот источник богатства и старался разными поощрениями развить его более и более” [3, 46].

Ханыков особо отмечает роль И.К. Кирилова, пионера в освоении богатств края и основоположника знаменитого Табынского завода, строительство которого на время прекратил В.Н. Татищев. Описана деятельность промышленника И.Б. Твердышева, благодаря трудам которого период 1750–1773 гг. стал “эпохой цветущего состояния горного дела”. Она была прервана пугачевским бунтом, повлекшим за собой повсеместный упадок горного дела. Ханыков показывает, что только после 1820 г. постепенно началось его возрождение на Южном Урале, отметив, что большая часть владельцев “продала заводы свои людям, которые об-

⁵⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. № 11615/7. Л. 58–58 об.

ратили на возрождение фабрик должное внимание и достаточные капиталы” [3, 54].

Во втором разделе дается оценка рудного производства на 24 медеплавильных и железоделательных заводах Оренбургского края, а в третьем рассматривается “настоящее состояние основных промышленных условий” в этом производстве.

Первым из этих условий Ханыков называет “естественные способы”. Этим переводным термином (соответствующим принятым в иностранной литературе того времени понятиям *Naturkräfte*, *agens naturels*, *puissance de nature*) обозначено “в обширном смысле всякое участие природы в промышленности”. При этом имеются в виду земля (пространство, местность, свойства грунта, леса, рудники), вода (как механический двигатель и способ сообщения), климат (характер климата, его выгода и невыгода).

Второе “промышленное условие” – рабочие. Здесь рассматривается целый комплекс вопросов, прежде всего количество и качество труда, причем учитывается гражданское состояние работников и их участие в промышленных барышах. Затем дается описание “вольной промышленности” – хлебопашества, скотоводства, торговли, ремесел. Следующий вопрос – плата за работу – касается, с одной стороны, соразмерности платы с потребностями рабочих, а с другой – с достоинством труда.

Специально обсуждается вопрос об образовании рабочих. Вначале речь идет об “образовании промышленном и умственном”, которое подразделяется на теоретическое (в нем отмечен “совершенный недостаток”) и практическое. Далее рассматривается образование нравственное, которое, по мнению автора, зависит от заводского управления, и религиозное.

Третьим “промышленным условием” Ханыков называет капиталы, а четвертым – управление. Особенно много внимания уделяется управлению заводами.

В двух следующих разделах речь идет о доходности рудного производства и о “причинах и следствиях дурного состояния рудного производства владельческих заводов Оренбургского края”. Среди причин имеющихся недостатков названы “непроизводящее потребление доходов”, “несообразность естественных способов заводов с их производимостью”, дурное состояние недвижимого капитала, излишество работников, наконец, дурное состояние управления.

Последний седьмой раздел работы Ханыкова содержит “предположение улучшений”. Он предлагает меры по расширению и совершенствованию рудного производства, улучшению состояния крестьян, улучшению управления и считает необходи-

мым создание общества заводовладельцев. Особенно примечательным представляется его предложение по “улучшению состояния крестьян”, состоящее в “уравнении в правах крепостных крестьян с рабочими заводов на праве посессионном”.

Лето 1839 г. и Хивинский поход

Из столицы в Оренбург Яков Ханыков вернулся к лету 1839 г., по-видимому, вместе с младшим братом Николаем, для которого В.А. Перовский также выхлопотал место чиновника особых поручений.

Николай Владимирович Ханыков (1819–1878), впоследствии получивший европейскую известность как востоковед, географ, этнограф, путешественник и дипломат [169], окончил Царско-сельский лицей в 1836 г. и испросил разрешения – “для усовершенствования себя в науках” – посещать лекции в Петербургском университете. Его с юности привлекало востоковедение, интерес к которому сильно возрос в это время благодаря профессору О.И. Сенковскому. В течение двух лет Н. Ханыков изучал восточные языки, узнал немало о Востоке и навсегда связал себя с ориенталистикой.

В начале 1838 г. он поступил на службу и был, как указано в его формулярном списке⁵¹, “определен в ведомство министерства иностранных дел и помещен в департамент внутренних сношений”, получив должность третьего переводчика. Однако в ноябре того же года Н. Ханыков стал чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Черниговском, Полтавском и Харьковском, а вскоре – 17 марта 1839 г. – был “к таковой же должности перемещен к Оренбургскому губернатору”. Это “перемещение” совпало по времени с пребыванием в Петербурге Якова Ханыкова и В.А. Перовского. Очевидно, военный губернатор надеялся получить в новом чиновнике особых поручений деятельного помощника его старшему брату, который уже завоевал полное доверие начальника. И он не ошибся. Николай Ханыков сразу активно включился в изучение Оренбургского края и сопредельных районов Азии. Для него Оренбург, где ему предоставилась возможность удовлетворить свой интерес к Востоку и применить на практике знания и способности, стал началом успешного пути в науку.

Братья, по-видимому, сильно отличались друг от друга по складу характера. Как известно из записок дочери В.И. Даля, в Оренбурге Николай Ханыков получил прозвище “материалиста”

⁵¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. № 11615/7. Л. 41–42.

в отличие от возвышенного духом (*esprit*) брата [62, 169]. Но в главном они походили друг на друга: оба были талантливы, наделены огромным трудолюбием и отличались редкой любознательностью. Они в равной степени испытывали исследовательский интерес к неизведанным зауральским степям и к Средней Азии, в то время полностью закрытой для Европы. Это наполняло служебную деятельность каждого из них творческим содержанием и придавало повседневному трудам характер научных изысканий.

Н.В. Хаников

Свидетельством этому является участие братьев Ханиковых в географическом и картографическом описании киргизских (казахских) степей и Средней Азии.

В Оренбурге Ханиковых ожидала напряженная работа. Лето 1839 г. здесь выдалось трудное в связи с резко ухудшившимися отношениями с Хивой. Бесполезными оказались все попытки мирным путем добиться от хивинского хана освобождения русских невольников, прекращения грабежей караванов и разбоев на пограничной линии. Появившаяся после задержания в России в 1837 г. всех хивинских купцов надежда, что в ответ на их освобождение будут отпущены на волю похищенные и проданные в рабство российские подданные, не оправдалась. В.А. Перовский, убедившись, что не осталось иного выхода, как прибегнуть к силе оружия, во время своего пребывания в Петербурге добился правительственной поддержки этого решения. Был разработан и 12 мая 1839 г. утвержден Николаем I общий план военного похода на Хиву. Как писал позднее В.И. Даль, предполагалось “в случае удачи предприятия сместить хана Хивы и заменить его надежным султаном кайсацким, упрочить по возможности порядок, освободить всех пленных, дать полную свободу торговле нашей” [59, 147]. Началась активная подготовка к военной операции, которая вначале намечалась на весну 1840 г., но затем была перенесена на более ран-

ний срок. Она началась 14 ноября и продолжалась в течение зимы 1839–1840 гг.

Но, несмотря на это, жизнь в Оренбурге шла своим чередом. Не прекращалась и работа по изучению природы края. Весной 1839 г. приехал приглашенный Перовским из Дерпта молодой ученый-натуралист Александр Леман (1814–1842), который должен был заняться естественно-научным описанием Южного Урала и устройством оренбургского краеведческого музея [102]. Этот “Музеум естественных произведений” начал создаваться в 1837 г. и находился в ведении В.И. Даля [104, 118–126].

Летом 1839 г. готовилась к печати первая часть “Естественной истории Оренбургского края” Э.А. Эверсмана. Работу над этим сочинением ученый начал в 1836 г. по предложению В.А. Перовского и через год завершил вводный раздел, содержащий общие сведения о природе края. Перевод первоначального немецкого текста на русский язык выполнил в 1838 г. В.И. Даль, снабдив его своими натуралистическими дополнениями [104, 157–160]. Печатать эту часть труда Эверсмана Перовский решил в Оренбурге, в типографии штаба Отдельного оренбургского корпуса. Закупкой бумаги для книги и рассылкой тиража занимался в Петербурге Я. Ханыков⁵². “Естественная история Оренбургского края” вышла в свет в 1840 г. [187].

В это же время В.А. Перовскому было поручено руководство работами по обследованию восточного берега Каспийского моря. Они проводились в связи с решением правительства перенести основанное в 1834 г. Ново-Александровское укрепление на новое, более удобное место. С этой целью к оренбургскому военному губернатору был прикомандирован молодой, но опытный морской офицер капитан-лейтенант Леонтий Николаевич Бодиско⁵³. После выполнения задания он был по просьбе Перовского оставлен в Оренбурге для участия в готовившейся научной экспедиции к северо-восточным берегам Аральского моря [104, 147–148].

Эта экспедиция, задуманная уже давно совместно с Петербургской Академией наук, намечалась на осень 1839 г. и обещала стать весьма важным для русской науки событием. Она снаряжалась одновременно с подготовкой военного похода на Хиву и не состоялась из-за того, что он начался раньше, чем планировалось [104, 127–138].

Летом 1839 г. в Оренбург прибыли известные путешественники Платон Александрович Чихачев (1818–1892) и Егор Петро-

⁵² ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. № 5110/1.

⁵³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. № 4928.

вич Ковалевский (1809–1868). Чихачев намеревался участвовать в Аральской экспедиции, а затем проследовать в Центральную Азию⁵⁴. Горный инженер Ковалевский [41] возглавлял группу геологов, которые направлялись в Бухару, где по просьбе эмира собирались заняться поисками полезных ископаемых⁵⁵. Это задание выполнить не удалось, так как геологи, отбывшие с караваном из Оренбурга 30 октября, за несколько дней до начала хивинского похода, были вовлечены в военные действия и вынуждены, прервав свой путь, присоединиться к основному отряду [104, 140–146].

Когда выяснилось, что Аральская экспедиция не состоится, В.А. Перовский постарался использовать имевшиеся у него возможности, чтобы восполнить ущерб, понесенный из-за этого наукой. Для изучения природы степей во время движения военного отряда в его состав был включен А. Леман. Естественно-научные наблюдения проводили и другие участники похода, в том числе В.И. Даль, П.А. Чихачев и Е.П. Ковалевский [104, 140–146].

Участником военной экспедиции стал и Николай Ханыков. Он пережил все трудности, с которыми столкнулся отряд, двигаясь по безжизненной степи зимой, оказавшейся в тот год необычайно суровой. Его неоднократно упоминает В.И. Даль в своих “Письмах из Хивинского похода” [60], с юмором и симпатией описывая поведение молодого “сибарита” в этих труднейших обстоятельствах. Спустя многие годы Н.В. Ханыков в письме В.И. Далю от 11 апреля 1868 г. из Парижа тоже прочувствованно вспоминал пережитые вместе драматические события⁵⁶.

Сохранились изображения Н. Ханыкова, В.И. Даля и других участников Хивинского похода, выполненные Василием Ивановичем Штернбергом (1818–1845) – талантливым живописцем, выпускником Академии художеств, который посетил Оренбург в 1839 г. и некоторое время сопровождал военный отряд в степи [104, 148–149].

Яков Ханыков летом и осенью 1839 г. был всецело занят делами, связанными с подготовкой к военному походу. Об одном из них им была сделана следующая запись в формулярном списке: “По особому предписанию оренбургского военного губернатора командирован в Астрахань и назначен в Оренбурге вместе с капитаном Генерального штаба Иваниным для расспросов хивинских купцов и выбежавших из Хивы русских пленников, дабы составить на основании сего военно-топографическое описание

⁵⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 16. № 7.

⁵⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. № 4933.

⁵⁶ ИРЛИ. Отд. рук. 27401/СХСv6. 9.

Н. Ханыков и В.И. Даль в Хивинском походе. Рис. В.И. Штернберга

Хивинского ханства к предстоявшему туда походу, что и исполнил 8 сентября 1839 г.”⁵⁷. Эти “расспросные материалы” и раньше широко использовались для того, чтобы составить представление о недоступной Хиве. Теперь же они приобрели важное стратегическое значение.

Позднее Я.В. Ханыков писал: “В 1839 и 1840 г. обращено было особое внимание на расширение и проверку расспросных сведений о Хивинском ханстве. Главное участие в этом принимали подполковник Иванин, я и брат мой Н. Ханыков “ [21, 345]. Он упомянул о появившихся в результате этой работы двух описаниях Хивинского ханства: своем собственном рукописном, и Иванина, которое позднее было опубликовано.

М.И. Иванин (1801–1874), впоследствии генерал-лейтенант, член военно-ученой комиссии Генерального штаба, автор многих работ по военной истории служил в Оренбурге и был участником Хивинского похода. Когда впоследствии в 1849 г. В.А. Перовский вместе с Я.В. Ханыковым занимался описанием этого похода, он представил им свои материалы. Однако рукопись, оставшаяся не-

⁵⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. № 11615/7. Л. 59–59 об.

опубликованной, появилась в печати в 1863 г. без указания авторства Иванина. В 1874 г. он опубликовал книгу [85], в которой обосновывал свою собственную точку зрения на события давних лет, высказываясь весьма критически по поводу руководства военной экспедицией. С Я.В. Ханыковым он, очевидно, был в недружеских отношениях, и это чувствуется в его изложении событий, не всегда объективном [80; 190].

Хивинский поход, начавшийся в ноябре 1839 г., завершился печально из-за небывало холодной и снежной зимы. Вызванная бескормицей массовая гибель верблюдов – основного транспортного средства при передвижении по степи – заставило отряд, перезимовав у реки Эмбы, вернуться в Оренбург, не дойдя до Хивы. Много участников похода погибло от мороза и болезней – прежде всего цинги. Неудача, однако, не изменила планов Перовского, и он начал готовиться к новому походу. Яков Ханыков, ставший к этому времени его ближайшим помощником, принимал непосредственное участие в разработке проекта этого предприятия. В его формулярном списке⁵⁸ значится, что 27 мая 1840 г. он “составил отчет о снаряжении Хивинской экспедиции”, а 11 июня “изготовил окончательную редакцию проекта вторичного похода против Хивы”.

Впрочем, в это время выяснилось, что необходимости в этом походе нет, так как хивинский хан выполнил все предъявленные ему условия. В июне 1840 г. он обнародовал указ (фирман), в котором “строго воспрещалось всем подвластным ему племенам, под опасением казни, производить на границах Империи хищничество и держать в неволе ее поданных”⁵⁹. Все находившиеся в Хиве русские пленники были отпущены на волю, причем, по свидетельству В.И. Даля, получили на дорогу по золотому (4 руб. серебром) и на каждого двух человек – по мешку муки и верблюду [21, 165].

В качестве ответной акции в сентябре 1840 г. получили свободу и отправились на родину задержанные ранее хивинские купцы. Им возвратили товары и деньги, которые были секвестированы. В ГАОО обнаружено дело, озаглавленное “О выдаче хивинцам, задержанным в Оренбурге, секвестированных у них денег”⁶⁰, в котором многие документы написаны рукой Я.В. Ханыкова. Это значит, что ему пришлось заниматься сложными финансовыми расчетами, связанными с определением сумм, подлежащих выдаче после учета расходов, которые хивинцы сделали во время пребывания в России.

⁵⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. № 11615/7. Л. 59–61.

⁵⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. № 5026. Л. 9.

⁶⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. № 4762.

Бухарская и хивинская миссии 1841–1842 гг.

В начале мая 1840 г. Я.В. Ханыков, как сказано в его формулярном списке, “по особому предписанию оренбургского военного губернатора изготовил разбор предложений Высочайше утвержденной комиссии для размежевания уральских казаков и Букеевской Орды, равно как губерний Оренбургской, Саратовской и Астраханской”⁶¹, а затем вместе с В.А. Перовским отправился в Петербург.

В столице они пробыли долго – до весны 1841 г. Ханыков выполнял очень ответственную обязанность – “заведывал всей гражданской, военной и дипломатической перепиской при оренбургском военном губернаторе во время нахождения его в Санкт-Петербурге с 20 мая 1840 г. по 1841 г., 21 апреля”⁶².

В этот период он получил новую должность – был “определен чиновником особых поручений VI класса при Азиатском департаменте министерства иностранных дел и откомандирован к оренбургскому военному губернатору для заведования дипломатической перепиской”⁶³, – а затем и следующий чин: 23 февраля 1841 г. он был произведен в надворные советники⁶⁴.

Из документов, хранящегося в ГАОО дела⁶⁵ мы видим, что быстрое продвижение Я.В. Ханыков по служебной лестнице происходило благодаря настойчивому ходатайству В.А. Перовского. В письме к нему от 19 августа 1840 г. канцлер К.В. Нессельроде сообщает: “Согласно изъявленному Вашим превосходительством желанию, состоящий при Вас чиновник особых поручений Министерства внутренних дел г-н коллежский ассесор Ханыков, по предварительному сношению с г-ном управляющим помянутым министерством, определен в ведомство Азиатского Департамента 17 августа чиновником особых поручений VI класса, с жалованием 800 руб. серебром в год... Г. Ханыков может оставаться в Оренбурге до окончания возложенных на него дел”⁶⁶.

14 ноября того же года Перовский обращается к Нессельроде с письмом⁶⁷, в котором сообщает: “Состоящий при мне чиновник Азиатского департамента Министерства внутренних дел коллежский ассесор Ханыков в продолжение двух последних лет, кроме непосредственных обязанностей своих по описанию Орен-

⁶¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. № 11615/7. Л. 60.

⁶² Там же. Л. 62 об.–63.

⁶³ Там же. Л. 61.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. № 11685.

⁶⁶ Там же. Л. 1.

⁶⁷ Там же. Л. 3–3 об.

бургской губернии, исполнял постоянно удовлетворительно возложенные на него поручения и сверх того с мая текущего года заведует всею производимою при мне перепиской”. Поэтому он просит исходатайствовать награждение Ханыкова следующим чином.

В ответном письме от 6 декабря 1840 г.⁶⁸ К.В. Нессельроде извещает В.А. Перовского, что его просьба удовлетворена: получено Высочайшее соизволение на то, чтобы “за особенное усердие к службе и неутомимую деятельность” наградить Ханыкова чином надворного советника. Однако для соблюдения установленного правила он должен дослужить в предыдущем чине до 2-летнего срока, то есть до 23 февраля 1841 г.

Дипломатическая переписка Перовского, находившаяся в ведении Я.В. Ханыкова, касалась российско-хивинских отношений и событий, вызванных возросшей активностью англичан, которые стремились распространить свое влияние в Средней Азии. После возвращения русских пленных и выраженного хивинским ханом стремления к миру русское правительство решило наладить отношения с Хивой. Задержанные хивинские купцы получили свободу, а явившийся в конце сентября 1840 г. в Оренбург посол хана – разрешение отправиться в столицу для переговоров.

Согласно новой программе действий по отношению к среднеазиатским ханствам, в разработке которой деятельно участвовал В.А. Перовский, предполагалось, что наряду с развитием торговли с ними будут налажены и непосредственные политические связи; это должно было упрочить влияние России в Средней Азии и содействовать установлению порядка в зауральских степях [167, 289–293].

О помощи, которую при этом Перовскому оказывал Я.В. Ханыков, свидетельствует составленная им в декабре 1840 г. записка, озаглавленная “Настоящее политическое значение Средней Азии (с точки зрения англо-русского соперничества)” [167, 269–271]. Он проявил здесь основательное знакомство с состоянием торгово-экономических отношений со среднеазиатскими ханствами, которые в то время считались весьма важными для России. Он писал, что возможность расширения этих отношений “подтверждается, во-первых, обширностью рынка, ... во-вторых, возможностью исключительно для России снабжать Среднюю Азию нужнейшими сырыми продуктами: железом, медью, юфтью и пр. и сверх того дешевле прочих европейцев доставлять все другие произведения, приобретая взамен хлопчатую бумагу,

⁶⁸ Там же. Л. 4–4 об.

шелк, индиго, чай и пр., в-третьих, значительностью промышленной деятельности, издревле существующей в Средней Азии” [167, 270]. Ханыков отмечал, что развитию торговли препятствует неизученность региона, опасность путей сообщения, отсутствие взаимопонимания с властями ханства и действия англичан, пытающихся продавать там свои товары по бросовым ценам. Он считал необходимым предупредить их влияние, грозящее не только выгодам торговли, но и безопасности восточной границы империи.

Для реализации новой политической программы было решено отправить к хивинскому и бухарскому ханам “дипломатических агентов”, которые должны были установить личные контакты с ними и обсудить вопросы, интересующие русское правительство. Миссию в Хиву по предложению Перовского поручили возглавить служившему в Оренбурге и участвовавшему в зимнем походе капитану Генерального штаба Прокопию Андреевичу Никифорову (1808–1842). В Бухару отправлялась новая геологическая экспедиция под руководством горного инженера полковника Константина Федоровича Бутенева (1805–1869), которая должна была провести, как планировалось в 1839 г., поиски полезных ископаемых и заодно выполнить дипломатическое поручение.

Я.В. Ханыков, еще находясь в Петербурге, принял деятельное участие в организации этих посольств. Как показано в его формулярном списке, 22 февраля 1841 г. он “по особому предписанию оренбургского военного губернатора изготавил для вице-канцлера проекты инструкций дипломатическим агентам, отправляемым в Бухарию и Хиву”⁶⁹.

В архивном деле ГАОО, озаглавленном “О посылке миссии в Бухару и Хиву под начальством полковника Бутенева и капитана Никифорова”⁷⁰, имеется текст полученных ими инструкций.

В инструкции главе бухарской миссии⁷¹ говорится, что в 1839 г. хан “ходатайствовал о присылке в Бухарию горного инженера для исследования тамошних руд и дорогих камней” и, приняв его просьбу во внимание, правительство отправило туда инженер-капитана Ковалевского, “который однако же не мог достигнуть цели своего назначения по причине начавшихся в это время военных действий противу Хивы”. Теперь представилась возможность выполнить данное хану обещание.

Бутеневу сообщается, что он назначен начальником экспедиции, и перечисляются стоящие перед ним задачи. “Видимый по-

⁶⁹ Там же. Л. 62 об.–63.

⁷⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. № 5240.

⁷¹ Там же. Л. 133–161 об.

вод Вашей посылки в Бухару, – сказано в инструкции, – это исполнение просьбы хана. Но вместе с тем на Вас возлагаются и поручения двоякого рода: 1) собрание положительных и достоверных сведений о ханстве Бухарском и примыкающих к нему землям; 2) постановление с бухарским владельцем некоторых условий взаимных отношений его с Россией”⁷².

Собранные сведения будут служить основанием для дальнейших действий в Бухаре, которая, “по положению своему в отношении к России и по торговым нашим видам, есть одно из тех ханств Средней Азии, в которых должно быть упрочено политическое влияние Империи”⁷³. Особенно важно с этой точки зрения знать об отношении Бухары к другим ханствам и к действиям англичан в Афганистане и Средней Азии.

В деле имеется также дополнительная инструкция, уточняющая первую⁷⁴. В ней указано, в частности, что “ученые занятия миссии” должны состоять “в возможно большем исследовании самой Бухарии и окрестных стран в физическом отношении”, а также в описании политического и промышленного состояния ханства. В качестве руководства для описания к инструкции прилагалась специальная статистическая программа.

По роду занятий миссии срок ее пребывания в Бухаре предполагался длительным – “не менее года”. В Хиву же миссия направлялась для исполнения “временного поручения”, но правительство рассчитывало, что хан согласится на пребывание у него “постоянного агенства”; на эту роль предлагался состоявший оренбургской Пограничной комиссии поручик Аитов.

“Статистическая инструкция временному агенту Российского Императорского двора при высокостепенном хане Хивинском”⁷⁵, датированная 9 января 1841 г., содержит множество вопросов, касающихся “положения и пределов ханства”, “местности”, “климата” и т.д., причем главное внимание уделено Аму-Дарье, ее дельте, притокам, проведенным из нее каналам, а также старому руслу реки, которая, как было принято считать, раньше впадала в Каспийское море.

Именно эти вопросы очень интересовали в то время русских географов. Ханыков, видимо, надеялся получить на них ответы, воспользовавшись представившимся случаем. Однако из письма военного министра Перовскому от 14 января 1841 г. мы узнаем, что о его рапорте и “приложенной к оному статистической инст-

⁷² Там же. Л. 135–135 об.

⁷³ Там же. Л. 136 об.

⁷⁴ Там же. Л. 308–309 об.

⁷⁵ Там же. Л. 44–48 об.

рукции” был уведомлен император, и предлагаемая программа исследования его не удовлетворила. “Его Величество, – говорится в письме, – рассмотрев означенную инструкцию, изволил найти, что она составлена в видах приобретения самых полных и любопытных сведений о ханстве Хивинском, но что столь подробные разыскания о многоразличных предметах, затрудняя временного агента нашего, не могут быть произведены им с надлежащим успехом и точностью. Вследствие сего Его Величеству благоугодно, чтобы инструкция эта была сокращена исключением из оной всех статистических данных, разумение коих особой практической пользы не представляет, но чтоб при том агенту нашему вменено было в обязанность собрать сколь можно подробные и точные сведения о ханстве Хивинском в топографическом и военном отношении”.

Вскоре после получения этого письма “на благоусмотрение” военного министра был представлен “вновь составленный проект военно-топографической инструкции”, состоящей из 44 вопросов – из них 31 относится к топографии, остальные касаются стратегического обозрения ханства⁷⁶. При этом объяснялось, что прежняя инструкция “назначалась для руководства к постоянно-му русскому агенту в Хиве – поручику Аитову, который будет иметь все необходимое время для собрания самых подробных сведений”⁷⁷.

Этот проект инструкции получил одобрение. В письме от 20 января 1841 г.⁷⁸ военный министр сообщил Перовскому, что “Его Величество, прочитав оный и находя его совершенно удовлетворительным в видах собрания сколь можно точных и подробных военно-топографических сведений о ханстве Хивинском, Высочайше утвердить изволил проект этот”.

Одновременно с “изготовлением” инструкций Я. Ханыков продолжал обработку собранных ранее сведений о Хиве, значение которых теперь намного возросло. В феврале того же года им было завершено “подробное описание северо-западной части Средней Азии, или Турана”⁷⁹.

По возвращении военного губернатора в Оренбург снаряжение миссий Бутенева и Никифорова пошло полным ходом. Братья Ханыковы оказались в самом центре событий.

Яков, как свидетельствует переписка о подготовке экспедиции, занимался практической стороной дела. В его ведении нахо-

⁷⁶ Там же. Л. 51 об.–60.

⁷⁷ Там же. Л. 51 об.

⁷⁸ Там же. Л. 64–64 об.

⁷⁹ Там же. Л. 267–267 об.

дились большие материальные ценности – подарки ханам и их приближенным от русского правительства. Так, оренбургская Пограничная комиссия сообщала Перовскому, что “г-н надворный советник Ханыков препроводил к председателю комиссии для хранения тридцать один тюк с вещами, два ящика с ружьями и двое золотых часов с цепочками, назначенные в подарок ханам Бухарскому и Хивинскому”⁸⁰. В документе подтверждалось, что все было передано Бутеневу и Никифорову.

Николай Ханыков стал участником бухарской миссии, в состав которой кроме К.Ф. Бутенева вошли геолог А. Богословский, натуралист А. Леман с чучельниками А. Скорняковым и П. Волженцовым, топограф Я.И. Яковлев, а также штейгер, горнорабочие и небольшой отряд уральских казаков. Перовский включил Н. Ханыкова в отряд для помощи Бутеневу в дипломатических переговорах с эмиром. Он писал вице-канцлеру К.В. Нессельроде: “Я счел возможным придать ему в помощники чиновника, близко знакомого с характером бухарцев и с выгодами и потребностями России в Средней Азии. Продолжительное занятие последним предметом и сверх того практическое знание персидского языка содействуют состоящего в Азиатском департаменте министерства иностранных дел титулярного советника Ханыкова наиболее способным к исполнению вышеуказанной обязанности”⁸¹.

Обе миссии отбыли из Оренбурга 20 мая 1841 г. в сопровождении военного отряда, которым командовал подполковник И.Ф. Бларамберг. Вместе они переправились через Сыр-Дарью, а 15 июня разошлись, двинувшись каждая к своей цели. О том, как проходило путешествие, о полученных дипломатических и научных результатах рассказывают многочисленные архивные документы, в том числе письма членов обоих посольств. Многие из них адресованы Я.В. Ханыкову.

Эти документы, лишь частично опубликованные [150. Т. III] наряду с записками участников событий [37; 170; 194], легли в основу работ И.Н. Захарьина [79], Н.Г. Залесова [76; 78], М.М. Соловьева [156] и др. о русских миссиях 1841–1842 гг. в Хиву и Бухару.

С наибольшим успехом, прежде всего научным, завершилась бухарская миссия, возвратившаяся в Оренбург только в начале июня 1842 г. Замечательным результатом этого путешествия явилась книга Н.В. Ханыкова “Описание Бухарского ханства”, опубликованная в 1843 г. в Петербурге [170]. В ней был дан пол-

⁸⁰ Там же. Л. 267–267 об.

⁸¹ Там же. Л. 232.

ный обзор природы, населения, государственного устройства и всех сторон жизни ханства. Книга получила самую высокую оценку в ученом мире. Академик В.В. Бартольд, отмечая ее исключительные достоинства с точки зрения востоковедения, писал, что они возбуждают еще большее удивление, если вспомнить, как молод был автор во время пребывания в Бухаре и написания книги [34, 440].

Н. Ханыков, А. Леман и А. Богословский были первыми европейцами, побывавшими в древнем Самарканде после Гонзалеса Клавихо, испанского посланника, который посетил этот легендарный город в 1404 г. Они оставили заметки о своих впечатлениях [170; 194], а отличный рисовальщик Леман сделал наброски нескольких замечательных архитектурных памятников Самаркада, которые хранятся в Архиве РАН⁸², но до сих пор не публиковались. Результаты геологических и климатических наблюдений были обобщены в статьях Богословского и Бутенева, появившихся в “Горном журнале”; ими же был дан обзор некоторых бухарских промыслов [39; 40 и др.].

Обширные сведения о растительном и животном мире Бухарского ханства собрал А. Леман, который, к несчастью, 30 августа 1842 г. по пути из Оренбурга в столицу заболел и умер. Оставленные им материалы по поручению Академии наук привел в порядок и издал Г.П. Гельмерсен. Выпущенная им в 1852 г. на немецком языке книга “Путешествие Александра Лемана в Бухару и Самарканд в 1841–1842 гг.”, содержала также составленное Ф.Ф. Брандтом описание позвоночных животных, которых Леман обнаружил во время путешествия [194].

Менее удачно шли дела у П.А. Никифорова. Прежде всего он узнал, что очень серьезно болен: чувствовал себя плохо уже давно, а в пути выяснил, что страдает аневризмом и дни его сочтены. Кроме того, в Хиве ему был оказан далеко не дружеский прием.

В донесениях В.А. Перовскому и личных письмах Я.В. Ханыкову Никифоров сообщил о ходе переговоров с ханом и своих впечатлениях от увиденного в Хиве. В письме от 14 сентября 1841 г. [150, Т. III, 105–109] он описывает Сыр-Дарью, делится с Ханыковым мыслями о хивинцах (у них есть только дух грабежа) и соображениями о новом походе на Хиву. Письмо ему же от 20 сентября [150, Т. III, 109–112] содержит сообщение о трудностях, с которыми столкнулась русская миссия: о разных “стеснениях”, об окружающих их шпионах, о затруднениях с отправкой почты и т.д. В письме от 2 октября, адресованном Перовскому [150, Т. III, 113–119], сообщив о сложностях в переговорах, он

⁸² ПФА РАН. Ф. 56. Оп. 1. № 20.

просит “прилагаемую при сем записку передать Я.В. Ханыкову для отправления к родной маменьке моей”. 18 октября, в письме к Ханыкову [150, *Т. III*, 132–133] Никифоров опять рассказывает о Сыр-Дарье, обсуждает возможность заселения ее берегов и обещает составить проект по этому вопросу. Жалуясь на плохое самочувствие, он завершает письмо словами: “Как ни худо мое здоровье, но я не теряю надежды видеть Вас”. Этой надежде не суждено было сбыться. Больше они не увиделись.

Завершив без особого успеха переговоры, Никифоров 27 октября 1841 г. отправился в обратный путь. Как планировалось, он оставил в Хиве в качестве “постоянного агента” Аитова, но через день тому предложили также вернуться в Россию. Однако вскоре хан снарядил новое посольство к русскому царю с предложением продолжить переговоры.

Когда в начале декабря Никифоров прибыл в Оренбург, оказалось, что Перовский с Ханыковым уехали в столицу. Он отправился следом для личного доклада о результатах своей поездки, но по дороге слег и 27 января 1842 г. скончался.

Я.В. Ханыков опять, как сказано в его формулярном списке, “заведовал всей гражданской, военной и дипломатической перепиской оренбургского военного губернатора во время нахождения его в Санкт-Петербурге с 6 декабря 1841 г. по 4 мая 1842 г.”⁸³. Теперь он стал действительно правой рукой Перовского и непосредственно участвовал в решении сложных вопросов, неожиданно возникавших в хивинских делах.

Из формулярного списка мы узнаем, что он “изготовил из бумаг, оставшихся по смерти капитана Никифорова, отчет о дипломатических отношениях его с Хивинским ханом”⁸⁴. Отсюда же выясняется, что Я.В. Ханыков был автором особой “Записки о среднеазиатской торговле”⁸⁵, которую Перовский представил в министерство иностранных дел, занимаясь отправкой новой миссии в Хиву. Он записал: “По особому предписанию оренбургского военного губернатора изготовил обзор торговых сношений наших через Оренбургскую линию со Средней Азией и проект по улучшению этих сношений”⁸⁶.

Полный текст “Записки...” был опубликован в 1866 г. Н.Г. Залесовым [78, 57–68], который отметил, что она “представляет интерес как статистический очерк нашей торговли с Тураном до 1840-х гг.” [78, 45]. Эта работа показывает, что Я.В. Ханы-

⁸³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 5, № 11615/7. Л. 69–69 об.

⁸⁴ Там же. Л. 68.

⁸⁵ Там же. Л. 69.

⁸⁶ Там же.

ков досконально изучил историю внешней торговли России со Средней Азией и проанализировал ее состояние в конце 1830-х гг. Вместе с тем он выяснил причины, мешающие расширению внешнеторговых операций, и указал, какие правительственные меры могли бы сделать их выгодными для российской экономики.

В первом разделе “Записки...” (“Значение среднеазиатской торговли для России”) Ханыков утверждает: “Среднеазиатская торговля наша по обширности границы, на которой она производится, и характеру рынка, представляемого ею для России, заслуживает несомненно особенного внимания как важное и главное средство для развития капиталов в малопромышленных и бедных восточных губерниях наших и как способ сбыта товаров, не имеющих другого стока” [78, 58].

Во втором разделе сформулированы “цели, которых желательно достигнуть в среднеазиатской торговле”. По мнению Ханыкова, они сводятся к следующему: “1) Возможно большее развитие оборотов; 2) преимущественный вывоз мануфактурных произведений наших и ввоз сырых материалов; 3) предоставление наибольших выгод в этой торговле русскому купечеству” [78, 58].

Относительно рассматриваемых в третьем разделе “обстоятельств, благоприятствующих достижению этих целей”, Ханыков пишет: “Удаленный от всех образованных государств, отдаленный даже от соседних стран – Персии, Индии и Китая – Туран представляет, по-видимому, для России рынок бессовместный. Жители его почти вовсе не имеют мануфактурности; некоторые же племена издревле славились торговой предприимчивостью и, следовательно, могли бы составить деятельных разносчиков фабричных изделий наших; наконец, народонаселение не богато капиталами и разбросано на ничтожные владения, почему и не могло, казалось бы, при преимуществах богатства и силы империи, препятствовать русским купцам к приобретению перевеса в среднеазиатской торговле. Сверх того, перевес этот долженствовал быть, по-видимому, главным и единственным условием усовершенствования среднеазиатской торговли, так как только русское купечество может расширять ее обращением больших капиталов и развивать в Азии новые потребности, а вместе с тем и средства к удовлетворению их, ибо азиатские промышленники, отважные в поездках и путешествиях своих, весьма несмелы в закупках и торговых нововведениях” [78, 59].

В четвертом разделе указаны “обстоятельства, препятствующие достижению означенных целей”. Ханыков отмечает, что, пытаясь завладеть всей торговлей Турана в пользу России, будет нелегко преодолеть “привычки”, издревле сложившиеся в его торговых отношениях с южными и восточными соседями. Кроме

того, “развитие паромства и расширение английского влияния в Средней Азии сближает Туран с европейскими мануфактурными производителями и открывают ему средства получать фабричные изделия чрез Кабул и Персию” [78, 59].

Развивая активность русского купечества, следует учитывать эти обстоятельства. В то же время “не только нельзя и не должно вытеснять вдруг и совершенно изделия туземной ремесленности на среднеазиатских рынках, но необходимо даже допускать их в Россию, так как иначе Туран не имел бы способов платить нам за отправляемые в него продукты и, следовательно, был бы принужден отказаться от значительной части их” [78, 59–60]. По этой причине Ханыков считает, что “вредно было бы доставить купцам нашим решительное преобладание в среднеазиатской торговле, так как они старались бы задавить туземную ремесленность и тем подорвать будущность всей торговли” [78, 60].

Пятый раздел (“Обозрение мер правительства относительно среднеазиатской торговли”) [78, 60–63] содержит подробный очерк истории торговых отношений России со Средней Азией, начиная с указа 1739 г., который повелевал “с бухарских купцов, которые пожелают ехать внутрь России из Оренбурга, взыскивать пошлины по торговому уставу об иноземцах, въезжающих в Россию через Астрахань”. Приводятся сведения о таможенных пошлинах и тарифах, действовавших в XVIII и начале XIX вв. Отмечено недовольство, вызванное установленным торговым порядком у российского купечества, которое “домогалось или совершенного воспрещения азиатцам проезда внутрь империи или взыскания с них при этом гильдийской пошлины” [78, 61–62]. Показано, почему эти требования были признаны несостоятельными, и какие меры приняты правительством для защиты интересов русских купцов.

Анализируя современную ему обстановку, Ханыков напоминает, что в 1841 г. “сделан был новый опыт” в переговорах относительно прав и обязанностей российских купцов в Средней Азии, для чего в Бухару и Хиву отправлены миссии, еще не завершившие свою работу. “Результаты настояний бухарского агента, – пишет он, – еще неизвестны. Что же касается Хивы, то хан объявил, что в его владениях таможенной пошлины нет, но со всего имущества частных лиц мусульманского исповедания взимается раз в год по 2,5%, с иностранцев же по 5%, чему подчинены и русские купцы, ...что поелику это закон религиозный, то и изменен быть не может, и как зякет собирается не только с привозимых, но и с транзитных товаров, то должен быть взимаем и на Сыр-Дарье” [78, 63].

В шестом разделе (“Домогательства русских и азиатских купцов”), отмечая, что положение в торговле невыгодно ни той, ни другой стороне, Ханыков приводит общую сводку показателей, объективно характеризующих “развитие и настоящее состояние среднеазиатской торговли”. Эти подробные таблицы [78, 64–66] должны “определить, в какой степени обоюдные жалобы справедливы и удовлетворение их сообразно с выгодами нашей торговли”.

В седьмом разделе приводятся также общие сведения об убытках от грабежей купеческих караванов и торговых повинностях русских и азиатских купцов.

Восьмой раздел содержит выводы из обзора торговли. Ханыков констатирует, что среднеазиатская торговля с середины XVIII в. постоянно возрастала, и в то же время “баланс предметов привоза и отпуска при настоящем ходе торговли невыгоден для наших мануфактур”, поэтому “нельзя признать преимущества, дарованные азиатцам, выгодными”. Вместе с тем оказывается, что “постоянно возрастает вывоз звонкой монеты нашей”, а “деньги суть единственный предмет отпуска, освобожденный от пошлин” [78, 67–68].

Далее Ханыков пишет: “Будучи невыгодной для мануфактур наших, среднеазиатская торговля в настоящем положении противна интересам купечества, как видно из состава караванов, в которых русские купцы и приказчики составляют самую малую часть. Но они не только не пользуются барышами деятельной заграничной торговли, но сверх того и выгодами от перепродажи азиатских товаров, так как бухарцы и хивинцы большей частью сами ездят на нижегородскую ярмарку” [78, 67–68].

Наконец, в девятой части работы (“Заключение”) Ханыков утверждает, что затруднения в торговле “происходят не от распоряжений хивинского и бухарского владельцев, но от собственных постановлений наших” [78, 67–68] и предлагает внести в существующие торговые правила ряд изменений, которые, как он считает, во-первых, “доставят возможность русским купцам принимать деятельное участие в торговле и расширить пределы ее приливом новых и больших капиталов”, а во-вторых, “будут полезны для мануфактур наших” [78, 69]. В то же время он убежден, что “азиатцы, без сомнения, примут перемену эту с радостью, так как она даст им возможность избежать расчетов и вообще сношений с таможенными” и “право делать обороты не на одних ярмарках, а вообще в империи” [78, 69]. Эта забытая работа Я.В. Ханыкова, представленная на рассмотрение правительства, свидетельствует, что им был сделан весомый вклад в разработку внешне-торговой политики России в Средней Азии в середине XIX в.

За бумагами, которые вез Никифоров, Перовский послал находившегося при нем полковника Г.И. Данилевского, который служил в Оренбурге с 1837 г. и тоже участвовал в зимнем походе 1839–1840 гг. В это время посланник хивинского хана собрался из Петербурга в обратный путь и было решено отправить с ним Данилевского для завершения начатых Никифоровым переговоров.

В состав миссии Данилевского⁸⁷ вошли молодой ботаник, выпускник Дерптского университета Ф.И. Базинер, прикомандированный к ней в качестве натуралиста [49, 203–204], и военные топографы братья Зеленины [79; 80]. Миссия отправилась из Оренбурга 1 августа 1842 г., уже при новом военном губернаторе В.А. Обручеве, и вернулась в середине февраля 1843 г. Г.И. Данилевский помимо официальных рапортов сообщал о хивинских делах и в письмах к Я.В. Ханыкову, который в это время уже находился за границей.

Так, в письме от 20 декабря 1842 г. [78, 71–73] он в самых мрачных тонах описывал свои впечатления. Рассказывая о происходившей в это время войне между Бухарским, Кокандским и Хивинским ханствами, он писал: “Не воображайте, чтобы все эти действия сопровождалось кровопролитными сражениями, творческими маневрами: все высокие соображения ограничивались только безнаказанным грабежом мирных жителей, над которыми эти полководцы изощряли свои способности... Вы не поверите, с каким отвращением я Вам сообщаю все подробности после того, что был свидетелем и действующим лицом в таких случаях, где смешное и глупое невежество самое полное, алчность самая низкая и самая грубая бесчеловечность соединяются вместе” [78, 72]. Переговоры с хивинским ханом Алла-кулом, которые продолжались после того, как он вернулся, “уведя с собой тысячи пленных бухарцев, как мужчин, так и женщин и детей”, Данилевского “морально расстроили”, но все же шли к успешному завершению. Дальше произошло неожиданное. “По особому злополучию, меня преследующему, – пишет он, – хан заболел и через пятнадцать дней умер”. С его наследником Рахим-кулом пришлось вести “неумолкающую борьбу в течение семи недель”, в результате которой хивинцы приняли предложенные условия, а “хан приложил свою печать к акту, составленному согласно намерениям нашего правительства” [78, 73]. Безрезультатно закончились лишь попытки Данилевского добиться, в соответствии с полученным заданием, освобождения персиян, захваченных хивинцами в плен и обращенных в рабов.

⁸⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. № 5241; 5286.

С научной точки зрения миссия Г.И. Данилевского была в высшей степени успешной. Благодаря усилиям ее участников было получено полное представление о Хиве, которая ранее была известна только по “расспросным сведениям”, полученным от освободившихся пленников. Огромную работу выполнили топографы, составившие планы и сделавшие съемку всего пройденного пути, которая легла в основу карты Хивинского ханства. Эта карта появилась в 1845 г. в Берлине под названием “базинеровской” и была также приложена к вышедшему в 1848 г. в Петербурге сочинению Ф.И. Базинера [193].

В 1851 г. было опубликовано обстоятельное “Описание Хивинского ханства” Г.И. Данилевского [63], основанное “на личном обозрении большей части его пространства, на глазомерной съемке пройденных в ханстве путей и на расспросных сведениях, достоверность которых не подвергалась сомнению”.

Результаты, полученные участниками миссий Никифорова и Данилевского, были впоследствии широко использованы в картографических работах Я.В. Ханыкова.

Заботы лета 1841 г.

Помимо отправки русских миссий в Бухару и Хиву лето 1841 г. было для Я.В. Ханыкова до предела наполнено разнообразными делами и заботами. О некоторых можно судить по недавно обнаруженным архивным документам.

Они написаны Ханыковым на “кочевке”, расположенной на речке Белгуш, где В.А. Перовский со своими помощниками проводил летние месяцы. И.Ф. Бларамберг вспоминал об этом времени: “Так как жара летом в Оренбурге почти нестерпимая, то он каждое лето уезжал на кочевку (выражение, взятое из жизни кочевых башкир и киргизов). Вскоре после своего приезда он выбрал в живописном горном районе Башкирии, богатом лесом и водой, в 80–100 верстах от Оренбурга, место для летней резиденции (кочевки); здесь он приказал построить для себя и своей многочисленной свиты дюжину коттеджей и постоянно приглашал к себе гостей обоего пола, которых как щедрый и любезный хозяин прекрасно принимал. Ежедневно совершались поездки или прогулки верхом по великолепным окрестностям кочевки, часто устраивались фейерверки, скачки башкир и другие увеселения” [37, 221].

По-видимому, с организацией таких праздников связана необычная просьба Я.В. Ханыкова, высказанная в письме к Г.С. Карелину, который в это время путешествовал по Восточной Сиби-

ри. Письмо написано 21 июля 1841 г. на кочевке и начинается шутливо: “Если вы еще не забыли о моем существовании или если и забыли о нем совершенно, то все-таки, почтеннейший Григорий Силович, не откажите мне в позволении обратиться к вам с просьбой. Дело в том, что в странах, где вы сейчас кочуете, привозят иногда из царства пупа вселенной, или богдохана, круглые тафтяные фонари на тростниковых пружинах, которые в случае нужды превращают фонарь из шара в эллипсоид. Мне вдруг встретилась крайняя надобность в полдюжине этих фонарей, и с этой-то просьбой именно я решил обратиться к вам. Вместе с тем я хотел выслать к вам деньги, но остановился по совершенному незнанию даже приблизительно цены фонарей, а потому сделайте одолжение, если это не слишком обременит вас, купите мне полдюжины сказанных светочей и, отправив в Оренбург, уведомите о цене, чем бесконечно меня обяжете”.

Далее Ханыков сообщает Карелину о событиях, которыми были в это время взволнованы в Оренбурге, – о бухарской и хивинской миссиях и происках англичан в Средней Азии. При этом имелись в виду действия Дж. Аббота, Р. Шекспира и Ч. Стоддарта [96; 167].

Ханыков пишет: “Путешествие, которое вы теперь совершаете, вероятно, так любопытно, что наши новости едва ли могут интересовать вас. На всякий случай скажу полслова Вам, что дела наши в Средней Азии принимают пока хороший оборот. Вы уже, конечно, слышали о двух англичанах, которые выехали в прошлом году на Ново-Александровск... Теперь получено сведение, что третий англичанин, находившийся нынче в Хиве, изгнан оттуда ханом и отправлен в Кокан. Между тем миссии наши в Хиву и Бухару, вышедшие отсюда, уже достигли места назначения, и мы нетерпеливо ждем от них донесений. По-видимому, все им благоприятствует, потому что в Хиве и Бухаре в прошедшем году отлично приняли наших купцов. Бухарская миссия пробудет в Бухаре целый год, и потому есть надежда, что Леман, который там находится, проведет это время не бесплодно. Если бы вам что было нужно из Бухары, поручите это мне для передачи брату, который туда отправился.”

В заключение Ханыков замечает, что поскольку Коканд, куда отослали из Хивы англичанина “ближе к вам, чем к Оренбургу”, то Карелин “очень бы одолжил Василия Алексеевича”, если бы сообщал ему сведения “о тамошних обстоятельствах”.

Второй документ⁸⁸ рассказывает о работе Ханыкова над ответом на следующее письмо, поступившее 29 апреля 1841 г. на

⁸⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. № 5248/а.

Л.А. Перовский

имя Перовского из военно-цензурного комитета военного министерства: “Милостивый государь Василий Алексеевич! В военно-цензурный комитет поступила статья под названием “Краткий взгляд на экспедицию в Хиву 1839 и 1840 гг.”. Комитет счел необходимым препроводить оную к вашему превосходительству и покорнейше просить приказать рассмотреть ее во всей подробности, не заключает ли она каких ложных сведений и показаний, противных истине. Препровождая при сем означенную статью, покорнейше прошу Ваше превосходительство по рассмотре-

нии приказать возвратить оную и почтить Вашим мнением, может ли она быть разрешена к напечатанию”⁸⁹.

Внимательно проверить факты, приведенные в статье, было поручено Ханыкову. Вероятно, у него возникли какие-то сомнения, так как 8 июня с кочевки была послана в Оренбург записка: “Надворный советник Ханыков по приказанию Оренбургского военного губернатора честь имеет покорнейше просить дежурство Отдельного оренбургского корпуса сообщить при первой возможности справку из дел, сданных генерал-лейтенантом Толмачевым: сколько больных состояло в отряде Хивинской экспедиции при выступлении его из Эмбенского укрепления весной 1840 г.”. Из полученного подробного документа следует, что 19 мая 1840 г. больных было 1196 человек, а 22 мая общее число заболевших достигло 1214.

Очевидно, сомнения были устранены, и цензурный комитет получил ответное письмо Перовского, черновик которого написан почерком Я. Ханыкова: «Честь имею уведомить ваше превосходительство, что я со своей стороны не нахожу препятствий к напечатанию статьи “Краткий взгляд на экспедицию в Хиву в 1839 и 1840 гг.”, доставленной ко мне при отношении вашем».

⁸⁹ Там же. Л. 1.

Забот у Перовского и его окружения в это время было немало. Дело в том, что военный губернатор, здоровье которого после ранения, полученного в турецкой войне 1828–1829 гг., постоянно ухудшалось, собирался оставить свой пост и уехать из Оренбурга. В связи с этим он спешил завершить разработку проектов по реформированию управления краем, которые собирался предложить правительству. В этой работе ведущую роль играл Я.В. Ханыков. В его формулярном списке указано, что летом и осенью 1841 г. “по особому предписанию оренбургского военного губернатора” он изготовил “проект нового устройства управления Внутренней киргизской Ордой с подробной пояснительной запиской”, “подробный исторический обзор управления башкирским и мецзяцким народом в виде пояснительной записки к проекту преобразования управления сим народом” и составил “пояснительную записку к проекту преобразования Уральского казачьего войска”⁹⁰. Последнему вопросу В.А. Перовский уделял много внимания. Он предполагал ввести новое “Положение об Уральском казачьем войске”. Составлением его занимался В.И. Даль, о чем свидетельствует принадлежащий ему рукописный текст этого “Положения...”, который был недавно обнаружен в ГАОО [97].

Планы Перовского заставляли многих работавших с ним людей задуматься о своей дальнейшей судьбе. Свою озадаченность высказал, например, В.И. Даль в письме А. Леману, отправленном в Бухару 13 июля⁹¹. Он писал: “Сейчас нас всех, чиновников, занимает мысль: куда мы должны деться и где окажемся с женами и детьми, когда Перовский уедет, что произойдет наверняка скоро. Бог знает, куда судьба забросит каждого и где уготовлен ему кусок хлеба”⁹².

На кочевке, как видно из этого письма, побывало много гостей, в том числе и столичных. По словам Даля, там царило “великое ликование”. “Гости из Петербурга, – писал он Леману, – прибыли, и мы садимся по 25–30 человек за стол”. Для него это событие имело весьма важные последствия. Среди гостей был брат военного губернатора Лев Алексеевич Перовский (1792–1856) товарищ министра уделов, вскоре занявший пост министра внутренних дел. Он предложил В.И. Далю должность чиновника особых поручений в министерстве, и тот, приняв это предложение, уже в августе приехал в Петербург. Впоследствии с Л.А. Перовским довелось работать и Я.В. Ханыкову.

⁹⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. № 11615/7. Л. 41–42.

⁹¹ ПФА РАН. Ф. 56. Оп. 1. Л. 2–3.

⁹² Там же. Л. 3.

Встреча с Р.И. Мурчисоном

В том же письме В.И. Даль сообщал А. Леману, что на кочевке ожидают со дня на день приезда двух или трех ученых особ – президентов геологических обществ в Париже и Лондоне – и графа Кейзерлинга, естествоиспытателя⁹³. Эти важные гости, по его словам, “должны быть приняты на высоком уровне”, и к их приезду “Ханыков готовит для них французские карты и описания”.

Речь шла о знаменитом английском геологе, председателе Лондонского геологического общества, Родерике Импи Мурчисоне (R.I. Murchison. 1792–1871), который по приглашению русского правительства в 1840 и 1841 гг. совершал научные путешествия по России. Он приехал весной 1840 г. в сопровождении французского палеонтолога Ф.Э.П. де Вернейля (F.Э.Р. de Verneuil. 1805–1873), а в Петербурге к ним прикомандировали молодых ученых А.А. Кейзерлинга и Н.И. Кокшарова. Вместе они побывали в центральных и северных районах России. На следующий год они совершили более длительную поездку, уделив особое внимание Уралу [38, 135–140]. Результаты исследований были опубликованы в 1845 г. в сочинении, которое в русском переводе вышло в 1849 г. под названием “Геологическое описание Европейской России и хребта Уральского” [112].

О поездках по России Мурчисона и его спутников спустя долгие годы рассказал в своих воспоминаниях Николай Иванович Кокшаров (1818–1892), в это время уже крупный минералог, академик Петербургской Академии наук [183]. Он подробно описал в деталях путешествие, которое позволило ему ознакомиться со “способами наблюдения первоклассных геологов” [88].

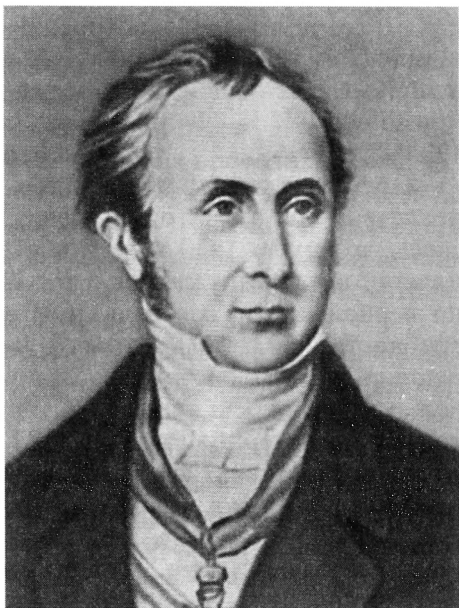
Исследователи проехали от Перми до Екатеринбурга и затем по Уралу – с севера на юг, посетив Орск и Оренбург, откуда выезжали в Илецкую Защиту для ознакомления с соляными приисками. Кокшаров пишет: “Ученые путешественники провели несколько дней в Оренбурге и, осмотрев все его достопримечательности, равно и геологическое строение окружающей местности, отправились к В.А. Перовскому на его кочевку, где он принял их с возможною любезностью и радушием” [88, Т. 66; 23].

К приему гостей готовились давно. В ГАОО сохранилось дело⁹⁴, которое начинается письмом к Перовскому от министра финансов Е.Ф. Канкрин, датированное 29 апреля и полученное в Оренбурге 17 мая 1841 г. Министр извещал, что “производившие в прошлом году геогностический обзор некоторых частей России

⁹³ Там же.

⁹⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. № 11744.

председатель Лондонского геологического общества Мурчисон и вице-премьер Парижского геологического общества де Вернейль изъявили желание продолжать в течение сего лета прежние их изыскания” и получили на это соизволение императора. “Имея честь сообщить Вашему превосходительству, — писал Канкрин, — и препровождая у сего выписку из маршрута, по коему упомянутые иностранные геологи предполагают совершить свое путешествие, я обращаюсь к вам, милостивый государь, с покорнейшею просьбою сделать зависящее распоряжение об

Р.И. Мурчисон

оказании г-дам Мурчисону и де Вернейлю во вверенной вам Оренбургской губернии возможного содействия и законного пособия к успешному выполнению предпринятых ими по Высочайшей воле горных изысканий”. Резолюция Перовского гласит: “Заготовить и разослать заблаговременно предписания земским и военным начальствам по означенному маршруту⁹⁵”. Документы этого архивного дела позволяют проследить за передвижением путешественников по территории Оренбургского края вплоть до 7 октября, когда они отправились из Бузулука в Самару.

В.А. Перовский, ожидая Р.И. Мурчисона со спутником в своей летней резиденции, намеревался познакомить именитых ученых с научными исследованиями, проводившимися на Южном Урале под его непосредственным руководством, и прежде всего с результатами геодезических и картографических работ. Такого рода работы в России в это время находились в ведении Генерального штаба и выполнялись топографами [118], которые были высококвалифицированными специалистами в своем деле, “хорошо сведущими в астрономии и высшей геодезии” [186, VI]. Для составления карты требовалось не только произвести топографическую съемку местности, но и с помощью астрономичес-

⁹⁵ Там же. Л. 1.

ких методов определить координаты достаточного количества опорных пунктов для обоснования этой съемки. Такая методика использовалась еще в XVIII в.: впервые она была предложена и применена И.К. Кириловым в Оренбургской экспедиции 1734–1737 гг.

Оренбургский край во время правления В.А. Перовского представлял с этой точки зрения широкое поле деятельности: здесь “в начале 1830-х гг. имелись лишь сводки землемерских планов” и, как считал военный губернатор, в создании достаточно верной карты состояла “первая ученая и практическая потребность” [123, 127]. Чтобы ускорить достижение цели, было решено снимать инструментально только большие дороги и течение главных рек, а для остального пространства ограничиться только глазомерной съемкой [123, 127; 186, 178–179]. На территории края и в киргизской степи эти работы проводили служившие при Отдельном оренбургском корпусе А.А. Жемчужников, А.К. Тимофеев, Н.В. Балкашин, а позднее И.О. Васильев, И.Ф. Бларамберг и др. Благодаря их усилиям к 1841 г. был получен материал для создания “удовлетворительной карты Оренбургского края” [123, 128].

Часть этого материала легла в основу карты Южного Урала, которую В.Я. Перовский решил преподнести Р.И. Мурчисону. Ее составление было поручено Я.В. Ханыкову, который, как следует из слов В.И. Даля, трудился не покладая рук. С заданием он справился успешно и в срок. В его формулярном списке значится: “По особенному предписанию оренбургского военного губернатора изготовил для объезжающего Россию по Высочайшему повелению председателя Лондонского геологического общества Мурчисона карту и описание Южного Урала”⁹⁶.

Н.И. Кокшаров подробно описал пребывание гостей на кочевке: “В.А. Перовский умел поставить себя наилучшим образом в управляемом им крае: все не только любили и уважали его, но и боялись. Между местным башкирским и остальным населением он пользовался особенной популярностью, так что его называли не иначе как Василий Алексеевич. Он жил роскошно, платил за все с царской щедростью, что также производило впечатление на народ и заставляло смотреть на него как на большого барина. На кочевке В.А. Перовского был выстроен просторный деревянный дом с небольшими деревянными пристройками, в которых жила свита и прислуга. Нас поместили самым комфортабельным образом в одной из построек. В.А. Перовский, как гостеприимный хозяин, умный и благовоспитанный человек, умел

⁹⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. № 11615/7. Л. 65.

устроить все к полному удовольствию иностранцев, которые были от него в восхищении и провели на кочевке несколько дней настолько же приятно, как и разнообразно.

Утром с молотками в руках мы ходили геогнозировать по окрестным горам, а потом большую часть дня проводили в обществе В.А. Перовского и под открытым небом ввиду прекраснейшей погоды. Тем не менее, благодаря такту и распорядительности любезного хозяина, мы находили достаточно времени, чтобы привести в порядок наши путевые заметки и собранные материалы пород и окаменелостей” [88, Т. 66; 249–250].

На Я.В. Ханыкова не могло не произвести сильного впечатления знакомство с крупными учеными, которые к тому же были в высшей степени достойными людьми. Н.И. Кокшаров, говоря о Мурчисоне и отмечая его предупредительность, учтивость и крайнюю деликатность в общении, писал: “Он был высокого роста, не толст и не сухощав, с открытым, доброжелательным лицом, на котором отражалась некоторая гордость или, вернее сказать, сознание собственного достоинства. Всегда одетый во время путешествия с особенною опрятностью (хотя должен был часто действовать молотком, разбивая камни), он неизменно носил на шее лорнет с привешенной к нему лупой и серебряным карандашом, которым записывал все виденное им и слышанное” [88, Т. 66; № 4; 13]. Не менее тепло описал Кокшаров и де Вернейля: как добродушнейшего и естественного в своих проявлениях человека, всецело преданного науке и страстно любившего искусство [88, Т. 66; № 4; 13].

Рассказ В.И. Кокшарова завершается описанием драматического эпизода, происшедшего за день до отъезда гостей во время очередного развлечения, устроенного радушным хозяином: «Перед обедом В.А. Перовский пригласил нас на стрельбу в цель. Запоздав немного, я спешил присоединиться к собравшейся перед целью компании, посреди которой стоял Перовский с пистолетом в левой руке, а правой что-то показывал Мурчисону. В это время последовал неожиданный выстрел; пуля прожужжала мимо моего уха, и я очутился перед Перовским, который стоял с окровавленной рукой и спрашивал: “Не убил ли я вас?” Оказалось, что Перовский, держа пистолет, положил на заряженное дуло указательный палец левой руки, верхний сустав которого уже был отнят у него несколько лет тому назад, вследствие такой же неосторожности на охоте. Теперь он отстрелил себе второй сустав того же несчастного пальца. Несмотря на довольно значительную рану, В.А. Перовский старался принять равнодушный вид и, сделав наскоро повязку, пошел с нами обедать, хотя лихорадка стала видимо одолевать его” [88, Т. 66; № 4; 250].

Ранение оказалось нешуточным, так что Перовский не смог даже проститься с гостями и не успел довести до конца обсуждение карты Южного Урала и статьи Ханыкова об этом регионе, которую Мурчисон решил опубликовать в Лондоне.

Дальнейший ход событий освещают архивные документы, обнаруженные в отделе рукописей Российской Национальной библиотеки. Среди бумаг Я.В. Ханыкова⁹⁷, бережно сохранившего не только письма, но и самые незначительные заметки В.А. Перовского, находится его записка⁹⁸ следующего содержания: “Яшенька, я предоставляю самому тебе написать Мурчисону и поручаю только тебе от меня наговорить ему всяких нежностей”. И далее⁹⁹ следует черновик письма Ханыкова на русском языке, которую затем он перевел на французский.

“По разрешению генерал-адъютанта Перовского честь имею препроводить к вам, согласно с желанием Вашим, орографическое обозрение Южного Урала. Заранее прошу у вас извинения, во-первых, в том, что я изложил его на языке, вам чуждом, а во-вторых, в неполноте и несовершенстве описания, конечно, далеко не соответствующего геологическим исследованиям вашим. Но я предпочел подвергнуть труд свой улучшениям искусного переводчика, чем потерять время в напрасных усилиях выразиться на мало знакомом мне языке, и решился представить лучше бедный эскиз огромного сюжета, нежели отговориться вовсе от работы недостаточностью познаний и материалов.

Генерал Перовский поручил мне засвидетельствовать вам искреннейшую приязнь его и повторить вам, что знакомство его с Вами будет для него всегда одним из приятнейших воспоминаний. Он душевно сожалеет, что не мог исполнить желания вашего относительно ископаемых рыб и непременно сам благодарил бы вас за любезное письмо ваше, если бы продолжающееся нездоровье ему в том не воспрепятствовало.

Не знаю, доставит ли мне судьба лично еще раз видиться с вами, но льщу себя надеждою, что если бы когда-либо мои практические познания могли быть опять полезны вам, то вы почтите меня воспоминанием своим и обяжете, обратиться ко мне непосредственно с вопросами. Письма на имя мое могут быть адресованы в Санкт-Петербург в Азиатский департамент Министерства иностранных дел.

⁹⁷ РНБ. Отд. рук. Ф. 823. № 9.

⁹⁸ Там же. Л. 132.

⁹⁹ Там же. Л. 133–134.

Примите уверение в глубочайшем почтении и преданности вашего покорного слуги”.

Ниже¹⁰⁰ следует тот же текст, написанный карандашом по-французски.

В письме речь идет о разделе опубликованной в 1839 г. работы Я.В. Ханыкова “Географическое описание Южного Урала” [2], посвященной орографии региона. Этот раздел произвел на Мурчисона столь сильное впечатление, что он изъявил желание опубликовать его в “Журнале Лондонского географического общества”. По его представлению статья Ханыкова была принята к публикации, переведена на английский язык и напечатана в 1841 г. [8].

В том же номере журнала появилась статья самого Мурчисона “Некоторые наблюдения об Уральских горах, сопровождаемые новой картой южной части этого хребта” [195], которая содержит подробное описание поездки 1841 г. и анализ результатов, полученных исследователями. Из нее также видно, что карта, составленная Я.В. Ханыковым, была удостоена самой высокой оценки.

Заметив, что “Уральские горы известны меньше, чем другие хребты, доступ к которым сравнительно легок”, Мурчисон ставит задачу – познакомить английских географов с физическими особенностями и природными богатствами этих гор. Вначале он описывает историю промышленного освоения гор Урала со времен строительства при Перте I первых горных заводов и приводит сведения об объемах добычи полезных ископаемых, а также о месторождениях золота, платины, магнитной руды, меди.

Однако, по словам Мурчисона, “несмотря на богатство и важность частей этого региона, до сих пор еще не было опубликовано никакой русской карты” Южного Урала [195, 271]. В своем путешествии он и его спутники основывались на “очень полезной генеральной карте”, изданной в Пруссии “благодаря трудам просвещенных географов, руководимых бароном А. фон Гумбольдтом”, которые проехали по Уралу в 1829 г. Эта карта была приложена к сочинению участника путешествия Г. Розе [196].

Мурчисон добавляет, что он широко пользовался также новыми русскими материалами, собранными после появления карты Гумбольдта. Это прежде всего генеральная карта всей горной среды между Северным и Аральским морями, составленная одним из ведущих геологов России Г.П. Гельмерсеном, и несколько подробных районных карт, напечатанных за прошедшие годы в

¹⁰⁰ Там же. Л. 135–135 об.

“Горном журнале”. Кроме того, для помощи Мурчисону по приказу министра финансов Е.Ф. Канкрин были изготовлены копии минералогических карт, которыми пользовались на горных заводах. Наиболее полезными, по его словам, оказались карты рудной области вокруг Богословска, составленные капитаном Карпинским, и пространства вокруг Екатеринбурга, Златоуста и Миасса, составленное майором Лысенко.

Подробно описав путешествие по Уралу, успеху которого способствовали эти карты, Мурчисон рассказывает, что по приезде на кочевку к Перовскому он получил в подарок еще одну карту – ту, которую готовил Ханыков.

“Совершив экскурсию в южные степи, – пишет Мурчисон – к знаменитым рудникам каменной соли у Илецкой Защиты, мы опять вернулись на Южный Урал, чтобы нанести визит генералу Перовскому... По этому случаю он подарил мне оригинальную карту, снятую с обработанных полевых карт, использованных под его командованием русскими штаб-офицерами” [196, 275].

Мурчисон сообщает, что сразу же высоко оценил ее достоинства. Он пишет: “Вид этой прекрасной карты произвел на меня такое впечатление, что я сразу решил, несмотря на небольшой срок, имевшийся в моем распоряжении, поколесить по проезжим дорогам Южного Урала” [196, 275].

Карту, составленную Я.В. Ханыковым, он передал Лондонскому географическому обществу, для использования ее при составлении А. Арроусмитом новой карты, которая была приложена к его статье. Мурчисон пишет: “Публикуемая теперь карта, на которой мистер Арроусмит воспроизвел верную уменьшенную копию карты генерала Перовского и других русских документов, будет принята, я полагаю, как несомненное усовершенствование опубликованных документов, предшествовавших ей” [196, 275].

Отметив, что публикуемая им карта наименее достоверна в юго-западной части Оренбургского края, Мурчисон сообщает, что составлением карты этого района занимается Я.В. Ханыков, и пишет: «Русская карта этой территории и прилегающих пространств страны, называемой мистером Ханыковым в его мемуарах “западным возвышенным пространством”, находится в процессе изготовления у этого автора, чьей любезности я очень обязан за различные исправления публикуемой теперь карты» [196, 275].

В конце статьи, завершая общий геологический обзор Урала, Мурчисон опять возвращается к “прекрасной карте генерала Перовского”, сожалея, что не уделил ей должного внимания. “Поэтому, – пишет он, – я уговорил мистера Я. Ханыкова, усердного географа, принадлежащего к штату генерала, который изучил

Южный Урал на досуге, предоставить мне его описание” [196, 277]. Статья Ханыкова, по его словам, была бы опубликована уже давно, если бы не сложности, связанные с переводом на английский язык русской терминологии. “Относительно этого мемуара, – продолжает Мурчисон, – я обязан сказать, что он не только специально иллюстрирует карту генерала Перовского и русского Южного Урала, но и является тщательно разработанным описанием физических особенностей обширного окружающего региона” [196, 275].

Статья Я.В. Ханыкова “Орографический обзор Оренбургского края” [8], следующая в журнале непосредственно за статьей Мурчисона, снабжена объяснительной запиской редактора, которая знакомит английского читателя с русской специальной терминологией и особенностями географического описания.

О том, что статья Я.В. Ханыкова вышла в Лондоне позднее отдельным изданием, свидетельствует следующая выписка из протокола заседания Петербургской Академии наук 4 апреля 1845 г.: «Г. Гельмерсен от имени г-на Мурчисона представил печатную книжку под заглавием “Орографическое описание Оренбургской страны. С русского, Ханыков. С некоторыми примечаниями об Уральских горах для объяснения новой карты Южной части этого хребта Р.И. Мурчисона” (London, 1844.) Г. Гельмерсен заметил при этом, что карта Южной части Уральского хребта, приложенная к сему сочинению, есть самая подробная из всех существующих и потому заслуживает особого внимания».

Следует добавить, что Р.И. Мурчисон в сентябре 1845 г. был избран почетным членом Петербургской Академии наук, а императорским указом – “в воздаяние отличных ученых трудов по части геологии и во внимание к многолетним местным исследованиям его в России и в разных странах Европейского материка, обогатившим сию науку новыми наблюдениями и изысканиями” – ему были присвоены права и преимущества ординарного академика с зачислением в действительную службу при Академии наук.

Глава 3

Жизнь и труды 1842–1851 гг.

Поездка за границу

Осенью 1841 г. после отправки русских миссий в Бухару и Хиву Я.В. Ханыкову пришлось немало потрудиться над проектами задуманного В.А. Перовским преобразования системы управления Внутренней киргизской ордой, “башкирским и мещеряцким народами” и Уральским казачьим войском. Эти проекты военный губернатор намеревался представить правительству.

Кроме того, Я.В. Ханыков продолжал работу над составлением карты Оренбургского края, зауральских степей и Средней Азии. В его формулярном списке сказано, что в ноябре “по особому предписанию оренбургского военного губернатора” он “изготовил из материалов, имевшихся в штабе отдельного Оренбургского корпуса, карту Турана”. Эта карта была основана на материалах для карты Средней Азии, которые собрали военные топографы под руководством генерал-майора А.А. Жемчужникова.

Создание карты края В.А. Перовский, который в это время подводил итоги своего 8-летнего правления, считал одной из самых важных своих заслуг. Теперь он имел все основания указать в отчете “довольно верную карту всего края, потребность в которой была крайне ощутительна”¹.

Отчет о деятельности В.А. Перовского за 1833–1842 гг. также писал Я.В. Ханыков, о чем прямо сказано в его формулярном списке (“По особому предписанию оренбургского военного губернатора составил отчет по управлению краем с 1833 по 1842 г.”)². Эта работа была завершена уже в Петербурге, куда они прибыли в начале декабря 1841 г.

В Оренбург Перовский уже не возвратился. Из-за болезни, которая явилась следствием ранения в турецкой войне, он был в мае 1842 г. уволен в отпуск за границу “для поправления здоровья с сохранением получаемого содержания”. Однако до самого отъезда своей должности он не оставлял, и приказы исполнявшие-

¹ РНБ. Отд. рук. Ф. 571. Т. 13. Л. 49 об.

² ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. № 11615/7. Л. 67 об.

му его обязанности генералу П.И. Рокасовскому передавались через “канцелярию оренбургского военного губернатора в Петербурге”. Вся гражданская, военная и дипломатическая переписка велась Я.В. Ханыковым, чья подпись значится на многих документах, хранящихся в ГАОО. Среди них распоряжение о том, как поступить с тиражом напечатанной в типографии штаба Отдельного оренбургского корпуса книги Э.А. Эверсмана “Естественная история Оренбургского края”³, инструкции о завершении устройства “Музеума естественных произведений” для Александра Лемана, который должен был возвратиться из Бухары с миссией К.Ф. Бутенева и др.⁴

Перовский распорядился также предоставить Николаю Ханыкову по возвращении его из Бухары находившиеся при штабе картографические материалы, которые он должен был привезти с собой в столицу для дальнейшей обработки⁵. Это послужило причиной значительных неприятностей для братьев Ханыковых. В ноябре 1842 г. новый оренбургский военный губернатор В.А. Обручев заподозрил, что они готовятся незаконно издать в Лондоне и Париже карту Средней Азии и уведомил об этом военного министра. По рапорту Обручева в отношении Ханыковых было проведено расследование, и только вмешательство самого В.А. Перовского, приславшего из-за границы разъяснения с соответствующими гарантиями, освободило их от несправедливого обвинения [169, 29–33].

Я.В. Ханыков 11 апреля 1842 г. был “с Высочайшего соизволения уволен в отпуск за границу с генерал-адъютантом Перовским”⁶. Он должен был сопровождать своего начальника, ставшего для него к этому времени надежным старшим другом. Перовского беспокоила не столько своя болезнь, сколько слабое здоровье 9-летнего незаконного сына Алеши, который рос при нем и в воспитании которого Ханыков принимал участие. Кроме того, от министра внутренних дел Л.А. Перовского, с которым ему в дальнейшем предстояло работать, он получил важное задание – ознакомиться с организацией статистических исследований в европейских государствах. Надеялся Ханыков и на встречу с известными географами, которых интересовали Урал и Средняя Азия, и прежде всего с А. Гумбольдом.

Восстановить обстоятельства этой поездки, длившейся почти два года, позволяют как архивные документы (письма Я.В. Ха-

³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. № 5110.

⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. № 5240; 5241.

⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. № 5241. Л. 768–770.

⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. № 11615/7. Л. 53–54.

ныкова к В.И. Далю, В.А. Перовского к Я.В. Ханыкову и др.), так и опубликованные воспоминания и письма известных людей, встречавшихся с путешественниками, в том числе А.О. Смирновой-Россет, Н.В. Гоголя, А.О. Россета.

21 мая 1842 г. Перовский, Ханыков и Алеша с воспитателем уже находились в Гамбурге. Отсюда “первые строки из-за границы” были отправлены Перовским в Оренбург Н.В. Балкашину. Сообщив, что “уже несколько раз с Ханыковым вспоминал” приятеля, он пишет: “До Любека доехал я чудесно на казенном пароходе, без качки и без тревог; отсюда хотел ехать морем в Амстердам, но, осмотрев здешний пароход, отдумал и купил карету, в которой устроились все четверо. Завтра отправляюсь сухим путем; из Амстердама в Роттердам, а там опять водой – на пароходе по Рейну, где и проведу лето...”⁷.

Целью поездки Перовского был курорт Боппарт близ Бонна, на котором он собирался пройти курс лечения. Ханыков же отправился в поездку по Германии, Франции и Швейцарии.

О том, что поначалу дела у В.А. Перовского складывались вполне удачно, свидетельствует его письмо к ближайшему другу, поэту В.А. Жуковскому от 28 июня, в котором он, описывая ход лечения и курорт, заметил: “Трудно вообразить такой сброд уродов обоего пола, особенно прекрасного”⁸. Но вскоре выяснилось, что Алеша серьезно болен, так что пришлось взять его в Бонн для консультации с врачами. Один из них сказал, что “одно легкое не в порядке” и “этот ребенок рискует получить чахотку”, а другой заключил, что у него “органический порок – расширение сердца, требующее величайшей постоянной осторожности”. Сообщая в письме от 26 июля о своем горе Ханыкову, он заметил: “О моем лечении не может быть теперь и речи”⁹.

“Я получил твое письмо из Парижа, любезный Яша, – писал Перовский, – и так как оно заключает денежное воззвание, то отвечаю тебе неотлагательно и посылаю 500 франков”. Далее он познакомил Ханыкова со своими планами и добавил: “Ты успеешь объехать Швейцарию и возвратиться сюда”. В конце письма сделана приписка: “Посылаю тебе письмо, которое ждало тебя в Майнце... Уезжая из городов, ты не говоришь на почтах, куда пересылать тебе письма, оттого и остаешься долго без известий”.

Ханыков подробно описал результаты своей поездки по возвращении в Бонн в письме к В.И. Далю, датированном 14/16 сен-

⁷ РНБ. Отд. рук. Ф. 571 (В.А. Перовского). № 11. Л. 1.

⁸ Там же. Л. 8.

⁹ Там же. Л. 13.

тября 1842 г.¹⁰ Он начинает с объяснения своего долгого молчания: “Давным-давно собирался написать к тебе, но доселе оставался при сборах от непрерывных переездов. Много обскакал и пересмотрел я в эти 4 недели, даже, может быть, слишком много для полезного и добросовестного изучения, но я утешаюсь, считая настоящую поездку программой для будущих, если только когда-нибудь сбудутся.

При всей поспешности этой я, однако, отнюдь не забыл приказаний Льва Алексеевича, и исполнение их было почти главной целью моей в Брюсселе и Париже. Я несколько раз хотел письменно донести о результатах его превосходительству, но боялся докучать слишком мелкими подробностями. И теперь отложил общий отчет до возвращения из Мюнхена и Турина, где после Брюсселя, Парижа и Лондона наиболее теперь статистической деятельности”.

Далее Ханыков рассказывает о встрече с крупнейшим в то время специалистом по статистике, бельгийским ученым Л.А.Ж. Кетле (1796–1874), профессором Брюссельского университета, непременным секретарем Бельгийской Академии наук. В 1841 г. Кетле возглавил Бельгийскую центральную статистическую комиссию. Его сочинения, в которых статистические методы начали применяться для исследования социальных и биологических явлений, оказали огромное влияние на развитие теоретической статистики. Из письма Ханыкова мы узнаем, что Статистическое отделение Министерства внутренних дел России, возглавлявшееся К.И. Арсеньевым, проявляло интерес к новейшим достижениям западноевропейских ученых в этой области. Однако обмен с ними российскими материалами осложнялся тем, что статистические данные имели особую государственную важность, а потому большей частью считались секретными.

Я.В. Ханыков пишет: “В Брюсселе я, разумеется, познакомился с знаменитым Кетле. Он не только славный ученый, но и чудесный человек. Ему весьма хотелось бы сблизиться с нашим статистическим отделением, и он спрашивал меня, можно ли для начала сношений послать ему собрание работ брюссельской статистической комиссии, которой он президент. Не быв уполномочен на ответ, весьма щекотливый для нашего и бельгийского правительства, я уклонился от разрешения вопроса. Но если бы ты мог получить на открытие этих чисто ученых сношений согласие Льва Алексеевича, то это было бы весьма полезно для статистического отделения и ограничилось бы с его стороны посылкою двух томов статистических материалов”.

¹⁰ ИРЛИ (Пушкинский Дом). 27.402/СХСVI б. 9. Л. 13–16 об.

Здесь имелись в виду вышедшие в 1839–1841 гг. под редакцией К.И. Арсеньева “Материалы для статистики Российской империи, издаваемые с Высочайшего соизволения при Статистическом отделении Совета министерства внутренних дел”, в которых были опубликованы первые статистические исследования Я.В. Ханыкова [2; 3].

“Говоря о Кетле, – пишет он В.И. Далю, – не могу не сообщить очень любопытный результат одних работ его. Он, как ты знаешь, давно старался из разных частных частей человеческого тела определить среднего нормального человека, или идеальные размеры нашего корпуса, то есть достигнуть посредством статистических отвлечений того, что Альберт Дюрер хотел разрешить теоретически. Выводы были наконец окончены, оставалось приложить их на практике. В это время одному скульптору, приятелю Кетле, заказали женскую статую, и он решил воспользоваться в ней вместо модели размерами Кетле. Ныне статуя окончена и под названием *La fille au bouquet*¹¹ служит предметом удивления всего Брюсселя как образец пластической красоты”.

О статистиках, встреченных в Париже, Ханыков отзывается с некоторым юмором и называет одного из них представителем “философской лженауки статистики”, другого – “статистическим дельцом”, а третьего – Моро де Жонеса – “чиновником, преисполненным своей важности”.

Гораздо больше внимания в письме уделено географам и картографам, что вполне понятно, поскольку Ханыков, как он пишет, был приглашен на заседание Академии наук для сообщения о его карте Южного Урала.

Ханыков рассказывает Далю, что, ознакомившись с корректурными листами готовившегося к печати сочинения А. Гумбольдта “Центральная Азия”, он обнаружил в нем существенные ошибки, допущенные при описании Урала и зауральских степей. Они были бы исправлены, если бы автор учел результаты исследований Я.В. Ханыкова. Из письма мы узнаем, что В.А. Перовский нашел возможность довести эти результаты до сведения Гумбольдта, переслав ему карту Турана, составленную Ханыковым в Оренбурге.

“Разными кознями, – пишет Ханыков, – удалось мне достать в Париже корректурные листы нового сочинения Гумбольдта о Средней Азии и карту к нему литографированную. Труд этот есть настоящий гигантский свод всего, что было известно доселе об этой части земного шара, но именно поэтому самому все сведения об Урале и степях Киргизских большею частью оши-

¹¹ Девушка с букетом.

бочны, так как исследования о них, в последнее время сделанные, относятся к неизвестным для Европы. Указания на эти исследования и частью результаты их могли бы дойти до Гумбольдта посредством коротеньких замечаний, представленных мною Парижскому географическому обществу, и перевода Орографии моей Южного Урала, который Мурчисон печатает на английском в журнале Лондонского географического общества. Но Василий Алексеевич дал всему делу практический ход. При свидании с ним в Кёльне Гумбольдт просил его сообщить ему для собственного лишь сведения карту Турана. Генерал на днях отправил ее к нему, только присовокупив несколько письменных замечаний, которые решительно уничтожают всю западную половину карты Гумбольдта. Между тем карта эта и пояснения к ней уже отпечатаны, а поэтому ученый министр, вероятно, проведет довольно неприятные минуты при чтении письма Вас[илия] Ал[ексеевича]... Конечно, эти маленькие промахи не уронят цены всего сочинения, но все-таки это урок Гумбольдту – не ездить вперед собирать сведения вместо Петербурга в Париж”.

Во введении к изданной в 1843 г. “Центральной Азии” Гумбольдт, перечисляя источники для своей карты, которая приложена к этому сочинению, подтвердил, что им были использованы оренбургские материалы. Он пишет: “Я обязан... для описания извилин северной оконечности Аральского моря, Туркменского перешейка... и для нового форта Александровска рукописной карте, которая недавно была мне благосклонно представлена генерал-лейтенантом Перовским... И для южной части Урала... – карте, имеющей быть приложенной к великолепному геологическому сочинению Мурчисона, Вернейля и Кейзерлинга, и в основание которой для этой местности положены работы русских инженеров-географов” [58, 25–26].

Далее Ханыков рассказывает, что приобрел карту, отгравированную в Лондоне тем способом, “возможность применения которого к планам так жарко оспаривали у меня в Оренбурге”. Он описывает метод изготовления выпуклых карт, который использует “бавар Келлер, человек очень замечательный в картографическом отношении”. Полагая, что этот метод можно с успехом применить для составления модели Южного Урала, Ханыков заключает: “И тогда Урал будет, может быть, точнее известен Европе многих внутренних частей России”.

В заключение Ханыков пишет, что “Василий Алексеевич мало воспользовался водолечением, потому что нездоровье Алеши принудило прервать курс”, и что вскоре они отправляются “через Мюнхен в Италию, где генерал предполагает пробыть зиму”.

Ответ на это письмо В.И. Даль отправил 7 октября 1842 г., но дошел он до адресата, постоянно переезжавшего с места на место, только через три месяца. Следующее письмо Дально Ханьков написал 24 января 1843 г. в Риме¹².

“Со времени последнего письма моего, – сообщает он, – произошло для меня многое: побывал опять в Боссарте, Майнце, Франкфурте, Нюрнберге, Рейнсберге”. Особенно сильное впечатление произвел на него Мюнхен, который, по его словам, “несмотря на молодость свою, – один из красивейших городов не только Германии, но даже Европы”. Много внимания Ханьков уделяет строительству, которое велось в Мюнхене и сделало город “памятником сумасбродства Людовика Баварского”. Он пишет: “Стоит выйти на главную улицу – везде дворцы огромные, великолепные, видно, что вот они вчера только окончены или еще вовсе не довершены; между тем каждый принадлежит к особенной архитектурной эпохе, нисколько не гармонирует с соседом, но чаще противоречит всему... И все эти здания казенны, все они построены не вследствие какой-нибудь потребности – нет, назначение им приискивано после. Возникли ж они только для удовлетворения страсти короля к постройкам, для доставления ему случая произнести речь о единстве Германии”.

После рассказа о политической жизни Баварии, сопровождаемого весьма едкими замечаниями, Ханьков утверждает, что “Мюнхен составляет ныне одну из столиц германского художества”, где “все отрасли живописи, архитектуры и скульптуры имеют своих представителей”, и подробно описывает поразившие его произведения искусства.

“Мюнхен, – пишет он далее, – служит достойным преддверием Италии: уже в нем начинаешь чувствовать ту художественную жизнь, которая поглощает тебя за Альпами и в особенности за Апенниннами”. В Италии, по его словам, “нельзя не забыть мелочно меркантильное настоящее при вечных образцах прекрасного”. Однако он замечает, что, “к сожалению, все эти образцы относятся к давно прошедшему; в нынешнее время итальянское искусство гораздо ниже, чем в других странах Европы”.

Так, он считает, что лучший из певцов – “не итальянец, а русский Иванов”. К тенору Н.К. Иванову, выступавшему в Европе, Ханьков относится критически и пишет: “Я слышал его во Флоренции; голос – как инструмент божественный, но никакой жизни, никакого выражения. Иванов теперь в Палермо, ангажирован на три месяца за 40 тыс. франков. Соперник его в Италии – Морсони, он теперь в Риме; голос его не такой блестящий, как у

¹² ИРЛИ (Пушкинский Дом). 27.402/СХСVI б. 9. Л. 7–12 об.

Иванова, но имеет гораздо больше игры, несмотря на то что в последнее время Иванов еще, как говорят, усовершенствовался у Россини”.

Ханыков рассказывает о композиторе Россини, с которым они с Перовским познакомились в Болонье и который оказался “весьма добрым и простым человеком”, и о его музыке. Вообще же, как он пишет, “инструментальной музыки в Италии решительно нет, да и не понимают ее”, в опере “так шумят, что ничего не различишь”, но “что еще в тысячу раз хуже оркестра – это балет”. Он считает также, что “архитектуры нынче в Италии не существует”, а из изобразительных искусств единственные, которые в последнее время сделали успехи, – это скульптура и мозаика. Им Ханыков уделяет много внимания.

Сообщает он и о живущих в Италии русских художниках, большей частью “сосредоточенных в Риме”, о встреченном в Венеции Айвазовском и о работах А. Иванова. Хотя в его мастерской он еще не бывал, но слышал о картине, на которой изображен “Иоанн Креститель в минуту, когда указывает ученикам на проходящего Спасителя”, и о которой “говорят, что будет нечто превосходное”.

Заканчивая письмо и попрощавшись, Ханыков вдруг вспомнил: “Вот что значит болтовня – исписал целых три листа, а о главном деле ни слова”. Затем он сообщает об организации статистических исследований в Мюнхене, которая произвела на него сильное впечатление. Он пишет, что если “в Брюсселе в особенности блестяща статистическая теория”, то “в Мюнхене статистика получила полное практическое значение свое – вошла совершенно как должно в административную жизнь”. Здесь “ни одно важное распоряжение не дается без предварительных статистических соображений”, основанных на сведениях, которые “собираются по всем отраслям систематически и подробно” и точно отражают все изменения “с обозначением причин и последствий”.

Ханыков восхищается прекрасной постановкой статистической работы и считает, что такой опыт следовало бы перенять. “Конечно, – пишет он, – пример Баварии нельзя применить в России: что легко для карлы, часто тяжело для великана”, но очевидно, что “в колоссальном царстве”, где приходится иметь дело с огромными объемами различных сведений, усовершенствовать их обработку необходимо. Ханыков признается, что “с удовольствием принял бы участие во всяком предприятии общей административной статистики в России” – труде, по его словам, гигантском, опасном и неблагодарном, но полезном для “наследников”, которые “будут уметь оценить это усилие и,

возводя купол, молвят благодарное слово основателям строения”¹³.

В самом начале письма, объясняя В.И. Далю причину задержки своего ответа ему, Ханыков писал: “Я получил строки твои лишь в начале генваря, то есть в ту минуту, когда начинал знакомиться с Римом, а ты легко поймешь, что при подобном занятии ни для чего постороннего нет места”. Это время принесло ему не только много ярких впечатлений от знакомства с памятниками архитектуры и искусства, но и встречу с людьми, которые в дальнейшем сыграли немалую роль в его жизни.

Центральной фигурой среди лиц, с которыми Ханыков сблизился в Риме, была Александра Осиповна Смирнова-Россет (1809–1882) – одна из замечательных женщин пушкинского круга, оставившая яркий след в истории русской общественной жизни первой половины XIX в. Принадлежавшая к высшему свету, привлекательная, умная и одаренная Смирнова-Россет была мыслящим и тонко чувствующим человеком. О впечатлении, которое она производила на окружающих, говорят посвященные ей стихи А.С. Пушкина, В.А. Жуковского, П.А. Вяземского, М.Ю. Лермонтова, А.С. Хомякова, И.С. Аксакова, Е.П. Ростопчиной.

А.С. Пушкин дал ей яркую характеристику, записав в ее альбоме:

В тревоге пестрой и бесплодной
Большого света и двора
Я сохранила взгляд холодный,
Простое сердце, ум свободный
И правды пламень благородный,
И, как дитя, была добра;
Смеялась над толпою вздорной,
Судила здраво и светло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо набело.

Современников привлекали в А.О. Смирновой-Россет глубокое понимание литературы и искусства, интерес к людям и сочувствие им в невзгодах, необычайное прямотушье и простота в обращении.

Среди ее друзей кроме Пушкина и Жуковского были Н.В. Гоголь, Карамзины, Аксаковы, А.С. Хомяков, Ю.Ф. Самарин. Познакомившись с ней через В.А. Перовского, давно с ней дружившего, Я.В. Ханыков присоединился к ее почитателям, а она впоследствии называла его очень хорошим малым и “своим другом” [151, 147].

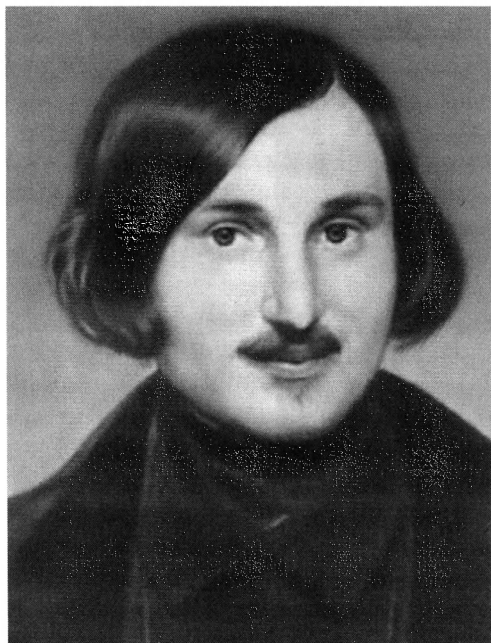
¹³ Там же. Л. 12.

А.О. Смирнова-Россет

Осенью 1842 г. А.О. Смирнова-Россет приехала с детьми в Италию, провела два месяца во Флоренции и собиралась отправиться в Рим. Здесь ее ожидали брат А.О. Россет и Н.В. Гоголь, живший в Риме и взявшийся приготовить для нее удобную квартиру. Гоголь горел желанием показать ей “вечный город”, который хорошо знал и любил. А.О. Россет сообщал сестре во Флоренцию о приезде В.А. Перовского и Я.В. Ханыкова и их намерении сопутствовать ей при первом посещении церкви Святого Петра, “чтоб видеть, какое сделает она впечатление” [152, 296].

В своих воспоминаниях [153] и письмах А.О. Смирнова-Россет не раз возвращается к этому времени и описывает прогулки по Риму и его окрестностям, в которых кроме Н.В. Гоголя и А.О. Россета постоянно участвовали В.А. Перовский с Алешей и Я.В. Ханыков, именовавшийся по причине молодости Яшкой. Она рассказывает, например, о поездке в Тиволи, где они вместе “любовались кипарисами Траяновых времен, остатками храмов с каскадами, которые падали в маленькое озеро, на котором плавали белые цветы” [153, 53], и где вечером Ханыков читал вслух сочинение Жорж Санд, вызвав недовольство Гоголя, не любившего эту писательницу [153, 69]. В другой раз во время прогулки ее маленьких дочек, заплакавших от усталости, “В.А. Перовский и Яшка взяли на руки и снесли с горы; это их утешило” [184, 127].

Н.В. Гоголь

Вспоминается случай, когда Гоголя пригласили для чтения к великой княгине Марии Николаевне, но у него не оказалось фрака, а его мундир, как нашел Перовский, не годился, так как был слишком стар. Ханыков и Россет, бросившиеся на поиски, в конце концов нашли у живших в Риме художников “фрак по росту Гоголя, хотя и немного мешковатый”, и нарядили в него писателя [155, 220].

В Риме Я.В. Ханыков дружески общался также с поэтом Н.М. Языковым (1803–1846), жившим на одной квартире с Гоголем, и с художником А.А. Ивановым (1806–1858), автором знаменитой картины “Явление Христа народу”. Эти отношения не прерывались и в дальнейшем.

В начале мая 1845 г. Перовский, оставив Алешу с Ханыковым, совершил поездку в Неаполь и Сорренто, откуда прислал несколько коротких записок¹⁴. В них он делится впечатлениями (“Три дня я прожил в Сорренто – все ждал погоды, чтобы съездить в Капри посмотреть грот” и т.п.) и пишет, что после его возвращения в Рим они пробудут там еще 4–5 дней, а затем отправятся в путь. Сам он спешил вернуться в Петербург, а Ханыкову предстояло пройти курс лечения в Греффенберге, где

¹⁴ РНБ. Отд. рук. Ф. 823 (Ханыковых). Оп. 1. № 1.

основоположник гидротерапии доктор В. Присниц (1790–1851) открыл лечебницу, пользовавшуюся в это время славой модного курорта.

В Греффенберге уже лечился уехавший из Рима раньше А.О. Россет. Поначалу он был доволен и в письме к Н.В. Гоголю от 14 мая 1843 г., подробно описав оригинальные методы доктора Присница, утверждал: “Вообще, он владеет водой, как аллопат микстурами, и истинно удивительно разнообразие средств, им придуманных, верный взгляд и удачное применение лечения... И все это не шарлатанство, ибо оправдывается успешным опытом и им произносится с уверенностью и верою несомненною, а в больных вселяет доверие неограниченное” [185, 245–247]. Однако впоследствии он резко изменил свое мнение и в 1845 г. советовал Гоголю, собиравшемуся в Греффенберг, быть предельно осторожным. “Окунувшись в воду, – писал он, – я вышел не запачканный энтузиазмом; не принадлежу не только к отчаянным гидропатам, а скорее – к противникам” [185, 339].

Я.В. Ханыков, по-видимому, наоборот, пройдя курс лечения у Присница, стал верным почитателем его методов. В большом письме к Гоголю¹⁵, которое А.О. Смирнова переслала адресату 24 марта 1845 г. [185, 336], он в самых восторженных тонах отзывается о водолечении и защищает Присница от нападок недоброжелателей, требующих, “чтобы он почти был богом”. “Обыкновенно, – пишет Ханыков, – упрекают его в неучености и бессилии отдать отчет в своих действиях. Но, не возражая уже на первое, что гений нередко мгновенным соображением опережает многолетние школьные усилия, можно привести в опровержение огромную практику Присница”. Он считает, что как врач-практик Присниц “стоит на высоте недостижимой”. И заключает: “Может быть, многие из нынешних дюссельдорфских живописцев, учеников Гегеля, разовьют на кафедре полнее и отчетливее эстетическую теорию, чем мог бы сделать сам Рафаэль, но “Преображение” не создал еще никто и едва ли создаст когда”¹⁶.

Очевидно, Ханыков убедился, что “пребывание в Греффенбергском заведении чрезвычайно облегчает переход к правильной жизни” и в дальнейшем старался следовать полученному опыту. О водолечении как о верном способе поправить пошатнувшееся здоровье он упоминает и в более поздних письмах.

¹⁵ РГБ. Отд. рук. Ф. 74 (Н.В. Гоголя). Картон 8. № 70.

¹⁶ Там же. Л. 2.

Гоголь, получив его советы, писал А.О. Россету: “Поблагодарите Ханыкова за письмо, скажите, чтобы он не сердился на мое неучтивство, то есть что не отвечаю. Вместо ответа я Вам поручаю обнять его” [51, 165].

Служба в Риге. Женитьба

О служебных делах, которыми Я.В. Ханыков занимался, возвратившись в Петербург, рассказывает его формулярный список¹⁷. Мы узнаем прежде всего, что, еще находясь за границей, он получил следующий чин: 20 апреля 1843 г. он был “именным Высочайшим указом, данным правительствующему Сенату, произведен в коллежские советники”¹⁸.

Первое задание, которое Ханыков выполнил в этой должности еще до возвращения в Петербург, касалось статистических исследований и основывалось на анализе материалов, собранных во время поездки. В формулярном списке сказано, что 22 ноября 1843 г. он “по поручению министра внутренних дел изготовил проект устройства статистической части министерства”¹⁹.

1 декабря того же года Ханыков был назначен начальником отделения в Азиатском департаменте, но следующей весной, 31 мая 1844 г., “по отношению министра внутренних дел уволен из ведомства Азиатского департамента и определен чиновником особых поручений V класса при Министерстве внутренних дел с жалованием 2 тыс. руб. в год”²⁰.

С этого времени Я.В. Ханыков находился в непосредственном подчинении у Л.А. Перовского и занимался вопросами, которые решало Министерство внутренних дел. В течение трех следующих месяцев он замещал ушедшего в отпуск В.И. Даля. В формулярном списке сказано: “По предписанию министра назначен в отсутствие статского советника Даля производителем дел по преобразованию земской полиции – 1844 г., в июне, июле и августе. По возвращении статского советника Даля из отпуска сдал означенную должность – 1844 г., 15 августа”²¹.

В октябре этого года Я.В. Ханыков был назначен делопроизводителем Комитета обустройства быта лифляндских крестьян.

¹⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. № 11615/7.

¹⁸ Там же. Л. 69 об.–70.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Л. 70 об.–71.

²¹ Там же. Л. 71–72.

Он начал вникать в дела Прибалтийского края, которыми ему предстояло заниматься несколько лет.

Хотя служба, к которой Ханыков всегда относился в высшей степени добросовестно, требовала много внимания и времени, он сохранял интерес к научным исследованиям и не прерывал общения с близкими ему людьми.

Вместе с братом Николаем, служившим в 1842–1845 гг. при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, он продолжал обработку картографических материалов, собранных в Оренбурге. В это время ими была составлена “карта земель киргизов Внутренней и Малой Орд”, которая появилась в печати в 1845 г. [9].

Важное место в жизни Я.В. Ханыкова по-прежнему занимал В.А. Перовский. Вернувшись в столицу, он чувствовал себя не у дел, а болезнь Алеши и явно обозначившиеся дурные наклонности характера избалованного мальчика приводили его в отчаяние. Тяжелое душевное состояние этого сильного и мужественного человека тревожило его друзей. А.О. Смирнова-Россет в письме к Н.В. Гоголю от 14 апреля 1844 г. из Парижа просила его написать Перовскому и попытаться помочь ему советом, ибо “в таком состоянии души слово много значит” [184, № 4, 602]. На письмо Гоголя Перовский ответил прочувствованным рассказом о своих переживаниях и об упущениях в воспитании сына [185, 276–278]. Но, по-видимому, обстановка и окружение Перовского в Петербурге не способствовали его выздоровлению. Осенью того же года А.О. Смирнова-Россет писала Н.В. Гоголю уже из Петербурга: “Перовского я не вижу по разным причинам, но Ханыков мне рассказывал весьма огорчительные вещи о нем. Вообразите, что прекрасное религиозное чувство, которое родилось в нем, заглохло в обществе, в котором он живет. Между тем он опять в хандре. Ханыков, кажется, убедился в невозможности перемены нравственной, если он не выедет отсюда хоть в уездный город для перемены жизни” [184, № 10, 57].

О близости Ханыкова с Перовским свидетельствует письмо последнего, написанное 14 июля 1844 г. в Петергофе²². Из этого письма видно также, что Перовский, тяготясь своим придворным положением, скучал по Оренбургу, где у него было широкое поле для активной самостоятельной деятельности. Он пишет: “В Оренбурге творятся большие чудеса; по всем доходящим до меня сведениям, все идет вверх дном. Обручев кутит, продолжает разгонять всех годных чиновников

²² РНБ. Отд. рук. Ф. 823 (Ханыковых). Оп 1. № 9. Л. 136–139 об.

и Бог знает, как все это кончится... Недавно получил он Высочайшее благоволение за усмирение бунта казенных крестьян в Чебеньковском уезде, куда он повел армию, гораздо многочисленнее Хивинской экспедиции, а сюда прислал карту, представляющую театр войны и стратегические свои соображения. Он в такой степени скотина, что мне несколько не лестны общие обо мне там сожаления. Замечательно, что, управляя краем с лишком год, действует явно против меня и, открыто напрашиваясь на жалобы и на доносы, до сих пор он еще не имел удовольствия получить на мое управление ни малейшей жалобы, ни даже ложного доноса; не потому, что я не дал повода на себя жаловаться (в 10-летнем управлении это невозможно), но потому что он такой болван и так себя выказал, что с ним никто не хочет иметь дела”.

Перовский сообщает, что у него недавно “собрались оренбуржцы: Середа, Корф, Чихачев, Данилевский, твой брат”, и что они “много толковали”.

“Но я заболтался, – пишет он далее, – и не сказал тебе ни слова о том, чем хотел начать свое письмо: я показывал Алешу здешним докторам и между прочим Вурму, доктору великой княгини Марии Николаевны, который видел его в Риме. Он нашел, что грудь его в лучшем против прежнего состоянии, но как он, так и другие, видевшие Алешу, говорят положительно, что на зиму ему здесь оставаться крайне опасно, что ему нужно дышать свободным воздухом, что это и только это излечит его поврежденное легкое. Я решил после маневров проситься опять за границу и придумал свезти Алешу в Дюссельдорф и сдать его Жуковскому; нынче же пишу об этом. Не знаю, как я не выдумал этого в бытности в чужих краях, не знаю, зачем я спешил возвратиться сюда, ибо меня не ждали и мне здесь нечего делать. Надеюсь, что меня отпустят”. Эти планы, однако, не осуществились.

Среди дел, связывавших Ханыкова с людьми, с которыми он сблизился в 1843 г. в Риме, были хлопоты о денежной поддержке художнику А.А. Иванову. А.О. Смирнова-Россет писала Н.В. Гоголю: “Я получила письмо от Иванова. Не понимаю, почему он не получает денег. Это дело шло через Василия Алексеевича Перовского, которого я не выдаю по причинам разных обстоятельств. Посредником был Ханыков, но его услали в Ригу по коммисии” [52, Т. 2; 165].

В 1845 г. в круг знакомых Я.В. Ханыкова вошла семья генерала Евгения Александровича Головина (1782–1858), который в это время был назначен генерал-губернатором Остзейского (Прибалтийского) края. Вначале это было связа-

но со служебными делами. Как видно из формулярного списка Ханькова, 23 мая 1845 г. он был “по предложению министра внутренних дел назначен старшим чином комиссии, учрежденной в Риге для составления проекта нового устройства тамошнего общественного и хозяйственного управления”²³.

Вскоре он выехал в Ригу, так как 5 августа был “по предписанию министра предоставлен в распоряжение Остзейского генерала-губернатора для исполнения поручений по всякого рода делам, до Остзейского края относящимся”²⁴. Среди этих дел в формулярном списке перечислены следующие: “изготавливал подробную записку о пасторских доходах в Лифляндии”; “участвовал в производстве следствия над курляндским дворянином бароном Фирксом, обвиненным в оскорблении святыни”; “заведовал отправкой казенного хлеба из Риги в Витебскую губернию и денежными счетами по этой операции”²⁵.

23 октября 1845 г. Ханьков покинул Ригу, так как был “по предписанию министра внутренних дел вызван в Санкт-Петербург с оставлением старшим членом Рижской комиссии”²⁶. В столице он продолжал заниматься прибалтийскими делами в качестве “делопроизводителя приговорительного и высшего комитета по устройству быта лифляндского и эстляндского крестьянства”²⁷. На эту должность он был назначен 3 февраля 1846 г.

В то время в Петербурге находился также Е.А. Головин, так что работа проходила в тесном общении генерал-губернатора с подчиненным. В письме от 3 февраля 1846 г. А.О. Россет сообщал сестре: “Забежал ко мне Яшенька; он... целые дни проводит у Головина, которого очень хвалит и любит” [152, 304].

Генерал Е.А. Головин был человеком заслуженным и весьма своеобразным [161]. Закончив в 1796 г. Московский университет, он выбрал военное поприще, участвовал, отличившись в сражениях, во всех кампаниях 1807–1812 гг. и после войны остался на военной службе. В 1823 г. он стал членом кружка Е.Ф. Татищиной, который по существу представлял собой религиозно-мистическую секту, испытывавшую сильное влияние скопческой

²³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. № 11615/77. Л. 72 об.–74.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Л. 74 об.–75.

²⁷ Там же.

ереси, или хлыстовства. Кружок возник и процветал в послевоенные годы, когда в петербургском великосветском обществе получил распространение пришедший из Западной Европы мистицизм. Приверженцы Татариновой, которая обнаружила в себе дар пророчества, считали себя православными людьми, в поисках духовного совершенства особенно близко приобщившимися к церкви. Они регулярно встречались на молитвенных собраниях с песнопениями и радениями – “движениями в некоем как бы духовном вальсе” [162, 226].

Либерально настроенный Александр I поначалу относился к подобным объединениям вполне благосклонно, но в 1822 г. своим рескриптом запретил “все тайные общества под какими бы наименованиями они ни существовали, как то масонскими или другими” [162, 224]. После этого собрания кружка стали немногочисленными, но деятельность его продолжалась.

Именно тогда Головин, которого Татаринова исцелила от тяжелой болезни, полностью попал под ее влияние. Это послужило поводом для немилости к нему великого князя Николая Павловича, но после событий 25 декабря 1825 г., когда Головин решительно поддержал нового императора, все оказалось забытым. Он был пожалован в генерал-адъютанты, а после турецкой кампании 1828–1829 гг. получил назначение на должность оренбургского военного губернатора и командира Отдельного оренбургского корпуса, “сосредоточившую в себя почти полновластное гражданское и военное управление огромным Оренбургским краем” [161, 21]. Однако от этой почетной должности Головин отказался, и в Оренбург был назначен П.П. Сухтелен [149, 189–190].

Отказ был вызван запретом Татариновой, которая вынудила его выйти в отставку. “Странно, неизъяснимо влияние этой женщины на такого человека, как Головин”, – пишет его биограф [165, 21]. Фанатически верила ей и жена Головина Елизавета Павловна, воспитавшая в том же духе и детей – Павла, Екатерину и Сергея.

Уйдя в отставку, Головин с семьей около года прожил в Нарве, но в 1831 г. с началом польского восстания вернулся на службу, во время похода командовал дивизией, а после его окончания был оставлен в Польше.

Его жена с детьми переехала из Нарвы в Петербург к Татариновой, которая в 1825 г. с несколькими приверженцами основала близ Московской заставы у Обводного канала своего рода колонию. Занимаемые ею три дачи были куплены на деньги Головина, продавшего для этой цели имение жены в Рязанской губернии [165, 27]. Жизнь здесь подчинялась строгим внутренним

Е.А. Головин

правилам с совместными чтениями молитв и радениями. Много внимания уделялось воспитанию детей, их художественному и музыкальному образованию. Биограф Головина отмечает, что все его дети были “одарены талантом живописания” [162, 221].

В 1837 г. по доносу о непозволительных сектантских действиях на дачах был произведен обыск и колония распущена. Генеральшу Головину с детьми отправили к мужу в Варшаву, где он тогда был военным губернатором, а Татаринову и других сослали в монастыри.

На служебной карьере генерала эти события не сказались, так как Николай I проявлял веротерпимость “там, где религиозные убеждения не представлялись ему в виде сопротивления власти” [165, 27]. В 1837 г. Головин получил назначение на Кавказ, где пять лет командовал Отдельным кавказским корпусом, а в 1845 г. был назначен Остзейским генерал-губернатором.

Е.А. Головин пользовался уважением и имел репутацию предельно честного человека. Он был интересным собеседником и, как писал его биограф, в его рассуждениях проявлялись “опытность воина, пытливость ума, внимание к наукам” [161, 61]. Внешность его также производила большое впечатление: “Роста и сло-

Ю.Ф. Самарин

жения, можно сказать, богатырского, он был чрезвычайно статен и даже до конца жизни... отличался какой-то спокойной молодцеватостью в движении” [161, 61].

С таким не совсем обыкновенным человеком столкнула судьба Я.В. Ханькова. Служебные отношения вскоре приобрели личный характер. Ханьков влюбился в дочь Головина Екатерину Евгеньевну, и она ответила ему взаимностью. Однако, посватавшись, он получил от ее родителей решительный отказ. Для него это было тяжелым ударом, который он переживал очень болезненно.

20 июля 1846 г. Я.В. Ханьков был, как сказано в формулярном списке, “командирован снова в Ригу”. Раньше туда уехали Головины.

Вместе с Ханьковым в Ригу отправлялся новый член возглавляемой им комиссии Юрий Федорович Самарин (1819–1876), известный представитель славянофильства, блестящий публицист, в будущем активный политический деятель-реформатор. С 1846 г. он служил в Правительствующем Сенате, а в 1846 г. перешел в Министерство внутренних дел и был назначен в Рижскую комиссию.

Тяготясь службой, Самарин был доволен возможностью покинуть Петербург, хотя предстоящая работа тоже не особенно его интересовала. Он писал Н.В. Гоголю 12 июля 1846 г.: “Сухого, черствого, положительного дела эти два года я имел вдоволь. Составление реестров, записок в сенат, свод постановлений о лифляндских крестьянах в Министерстве внутренних дел и проч. ... Через недели две я еду в Ригу с Ханьковым заниматься ревизией городского управления и статистикой городских доходов – тоже сухо” [50, № 7; 173–174].

Об их предстоящем отъезде А.О. Россет извещал сестру 7 июня: “Яшка был у меня утром. Через неделю едет в Ригу на год. Самарин, может быть, с ним же. Сей последний сейчас от меня вышел и ожил, оставя Сенат” [152, 309]. В следующем письме

он сообщил: “В прошлое воскресенье я проводил Самарина и Яшку; отправились вместе в коляске, которую Яшенька купил за 120 руб. серебром, но видом она была пригожа. Поехали на Псков и Витебск, интереса ради, и в Ригу, где пробудут с год. Самарин очень доволен” [152, 362].

О том, как развивались далее личные дела Я.В. Ханыкова, видно из его писем к работавшему в Министерстве внутренних дел экономисту и статистику Николаю Алексеевичу Милютину (1818–1872), впоследствии занимавшему высокие государственные должности и участвовавшему в крестьянской реформе. Ханыкова сближали с ним как общие служебные интересы, так и совместная работа в Русском географическом обществе, основанном в 1845 г. В письмах из Риги²⁸ он посвящал Милютина во все подробности своих дел, в том числе и интимных. Он писал: “Вы и в Петербурге, после отъезда брата, были единственным человеком, с которым я вполне искренне говорил о себе... В Риге же число подобных мне лиц еще ограниченнее, а потому было бы тяжело, особенно в том расположении духа, в котором нахожусь”²⁹.

В письме от 23 августа 1846 г.³⁰, описывая свой приезд в Ригу, он рассказывает, что на одной из остановок прочел в станционной книге, что недавно навстречу проехала жена Остзейского генерал-губернатора с дочерью. “Хотя я и твердо решил было, — пишет он, — не возобновлять прошедшего, но даже забыть его, однако оказалось, при этом сердце было не заодно с разумом и бессознательно для меня нетерпеливо ждало свидания в Риге; потому что от полученных мною новостей мне стало чрезвычайно грустно”³¹. Подумав, он нашел утешение: “Этот отъезд выгоден для меня во всех отношениях: присутствие дочери в первое время должно было несомненно жинировать нас с отцом...; публика, не зная настоящей причины, приписывала бы это политической размолвке”³². Встреча с Головиным была холодной, но через день после разговора наедине “расстались по-приятельски”.

Генеральша с дочерью вернулась в Ригу 9 сентября, и Ханыков сообщал 17 сентября³³, что Екатерину Евгеньевну он видел только один раз, “разумеется, очень официально”, и это ему “довольно дорого стоит”. Он пришел даже к мысли, что старик Головин прав и что супружество между ними невозможно, но

²⁸ РГИА. Ф. 869 (Милютиных). Оп.1. № 1102. Л. 1–34.

²⁹ Там же. Л. 14.

³⁰ Там же. Л. 1–6 об.

³¹ Там же. Л. 14.

³² Там же.

³³ Там же. Л. 9–10.

Н.А. Милютин

впоследствии выясняется, что встречи продолжались и чувства остались неизменными.

В письме от 8 октября 1846 г.³⁴ после обсуждения служебных дел Ханыхов, заметив, что о себе он не может сказать “ничего утешительного”, пишет: “Я никогда не воображал, что в деле о женитьбе мне придется бороться с религиозным фанатизмом человека одного со мною исповедания. Между тем я почти не могу сомневаться, что это чувство есть главная причина сделанного мне отказа, так как по всем признакам Головин дал обет сохранить свою дочь в девстве. Поэтому

он почти не возражает противу нашего нравственного сближения, но не хочет допустить брачной связи”. В подтверждение своих слов он рассказывает о посещении дома Головиных одним из главных членов секты Татариновой статским советником С.М. Пилецким, который после закрытия ее колонии был отправлен в монастырь [165, 30]. “На днях, — пишет Ханыхов, — приехал сюда из Костромы некто Пилецкий, который провел там более 10 лет в ссылке за сектаторство. Его приняли в доме как учителя, наставника... Между тем, сколько известно, он есть сочинитель книги о необходимости для Христа воздержания от плотской любви. В том же духе написана брошюра самого Головина о скопцах (1819) и рукописное прибавление к ней о новозаветных пророках, которые он на днях сообщил мне для прочтения. Во все время пребывания Пилецкого он очевидно старался устранить мою встречу с ним в доме и раз, когда она нечаянно воспоследовала, это произвело явное смущение. К счастью, он уже в Петербурге”³⁵. Ханыхов уверен, что “дочь не знает о религиозных убеждениях отца”, и полагает, что родители, отказав ему, надеются вообще удержать ее от брака, так как “ей уже 25 лет”.

³⁴ Там же. Л. 14–17.

³⁵ Там же. Л. 15 об.–16.

“Из этого Вы можете догадаться, – жалуется он Н.А. Милютину, – как мне иногда должно быть грустно, и вместе с тем как затруднительно и мучительно мое положение среди подобной семьи, где я не могу не бывать не только по чувству, но и по служебным отношениям”³⁶.

Однако затем все неожиданно изменилось. В следующем письме, датированном 17 ноября, Ханыков сообщает: “Я не писал к Вам с 17 октября отчасти потому, что Вы сами не писали ко мне, – преимущественно же потому, что Головин (говорю пока исключительно для Вашего сведения) 8 ноября согласился пожаловать за меня дочь свою, следовательно, Вы можете себе представить, что мне до и после этого числа было не до переписки”³⁷.

Вскоре новость перестала быть секретом. 30 ноября 1846 г. А.О. Россет сообщал А.О. Смирновой-Россет: “Проездом в Москву и обратно заезжал сюда Самарин, вчера отправился обратно в Ригу и думает там остаться полтора года... Объявил мне новость: Яшенька наш женится на Головиной. Он поздравлял уже отца Яшеньки. Самарин ее не очень подхваливает; Яшеньке надобно бы другой природы... Он просит, чтобы ты ему однако ж о сем не писала: Ханыков влюблен в нее по уши” [152, № 3; 363].

Сам Ю.Ф. Самарин в эти месяцы очень сдружился с Я.В. Ханыковым. В одном из писем, датированном 8 октября 1846 г., он рассказывает об их совместной работе и о своих попытках сделать его славянофилом. Но, хотя по существу Ханыков отнюдь не был по своим взглядам враждебен славянофилам, с крайностями их суждений согласиться он не мог.

Самарин писал славянофилу А.Н. Попову: “Ханыков поручил мне составить историю сословий городских в Риге и обозрение их современных прав, привилегий и обычаев, возможно полное... Предмет сей интересен сам по себе и в особенности в связи с нашей историей, с историей северных городов, которая меня давно занимает... Я предчувствую, что моя работа получит вид ученого исследования, а вовсе не министерской записки; придется по окончании прекращать ее...”

Круг моих знакомых очень ограничен. Кроме семейства Головиных, у которых мы обязаны бывать раза три или четыре в неделю, и членов комиссии, я выдаюсь почти каждый день с Ханыковым и на досуге, понемногу, работаю над его обращением от Запада к Востоку. Я его искренне полюбил и уважаю за то, что в кругу, в котором он воспитывался и жил, при тех

³⁶ Там же. Л. 16.

³⁷ Там же. Л. 19.

занятиях, которые достались на его долю, он сохранил религиозное убеждение и не увлекся в крайности практического направления. Но начала истинные у него как-то сплетены с самым дикими понятиями. Изучая его, я убеждаюсь более и более в невыгоде тона, господствующего в Москве и в некоторых московских изданиях. Доказательства у меня перед глазами. Ханыков, по всему, должен бы был сочувствовать с “Москвитянином”; налегая на единство основных убеждений, можно бы склонить его к полному согласию и не его одного, а между тем выходит наоборот. Появление московской статьи бросает его в жар и в противоположную сторону; имена Аксакова и Хомякова приводят его в содрогание. Я не говорю, что он прав, но во многом виноваты и наши, напрасно поддаются задору” [144, 174–175].

Я.В. Ханыков не стал славянофилом, но и западником он не был. Его убеждения совпадали с патриотическими убеждениями людей, которые создали Русское географическое общество, считая своим долгом всестороннее изучение России. С самого начала существования этого общества Ханыков прочно связал с ним свои научные интересы.

Я.В. Ханыков был избран в конце 1845 г. действительным членом РГО по рекомендации хорошо его знавших В.И. Даля и Г.П. Гельмерсена, которые входили в число членов-учредителей Общества. В 1846 г., несмотря на личные переживания и загруженность служебными делами, он начал активно с ним сотрудничать. Об этом свидетельствуют документы Архива РГО, среди которых имеются письма Ханыкова с обсуждением планов работы начинавшего свою деятельность Общества, предложения относительно тем исследования и материалы, находившиеся в его распоряжении.

Между тем служебные дела Я.В. Ханыкова шли превосходно. Как отмечено в его формулярном списке, “в воздаяние отличноревностной службы и особых трудов” 18 октября 1846 г. он был пожалован в статские советники³⁸.

Наладились и его личные дела: в апреле 1847 г. состоялась его свадьба с Екатериной Евгеньевной Головиной, и брак оказался очень счастливым. 22 января 1848 г. родился их первенец Владимир, а в 1850 г. – второй сын Павел.

В формулярном списке Ханыкова перечислены поручения, выполненные им в Риге в 1847–1848 гг.: 20 декабря 1847 г. “представил изготовленный комиссией проект улучшения Рижского

³⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. № 11615/7. Л. 75 об.–76.

городского устройства”³⁹. 10 января 1848 г. “по предписанию Остзейского генерал-губернатора изготовил разбор предположений Лифляндского и Эстляндского Ландтага об улучшении быта тамошних крестьян”; 7 февраля 1848 г. “по предписанию Остзейского генерал-губернатора составил отчет по управлению Остзейским краем с 1845 по 1847 г.”⁴⁰.

Служба в Риге закончилась летом 1848 г., и Я.В. Ханыков вернулся в столицу. В формулярном списке он записал: “По окончании занятий учрежденной в Риге комиссии возвратился в Санкт-Петербург и представил изготовленный комиссией проект нового устройства Рижской городской общины, равно как отчеты о ревизиях Касса-Коллегии, Квартирной комиссии, цехового устройства, кассиральных протоколов Венде-Коллегии и обзор исторического развития Рижского городского устройства – 17 июня 1848 г.”⁴¹.

“В награду отлично-ревностной службы и полезных трудов” 3 сентября 1848 г. Я.В. Ханыков был пожалован орденом св. Владимира 3-ей степени”⁴². Таким образом, его деятельность в Риге получила самую высокую оценку.

Прекращение работы комиссии, которую возглавлял Я.В. Ханыков, связана с отзывом Е.А. Головина с поста Остзейского генерал-губернатора и переводом его в Петербург с назначением в члены Государственного совета. Причиной послужило недовольство прибалтийских немецких дворян сделанной в это время попыткой ограничить их привилегии, которые они использовали в ущерб интересам русского государства и местного населения. Возникшие в этой связи проблемы нашли отражение в опубликованных в 1848 г. “Письмах из Риги” Ю.Ф. Самарина. Правительство не поддержало политики А.Е. Головина, и он, по словам его биографа, “пал в этой борьбе” [161, 61]. На его место был назначен А.А. Суворов, настроенный пронемецки. По его жалобе Ю.Ф. Самарин был арестован и находился в заключении в Петропавловской крепости с 5 по 17 марта 1849 г. [144, 8; 179; 259].

В Петербурге Я.В. Ханыков продолжал работу в Министерстве внутренних дел, по-прежнему занимаясь прибалтийскими делами. В его формулярном списке указано, что 6 сентября 1848 г. он “по особому предписанию министра участвовал в делопроизводстве при совещании министров внутренних дел и государст-

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. Л. 76 об.–77.

⁴¹ Там же. Л. 77 об.–79.

⁴² Там же. Л. 79.

И.С. Аксаков

венных имуществ о проекте лифляндского дворянина Будденброка относительно устройства быта тамошних крестьян”, а в начале 1849 г. представил отчеты о недостатках “нынешнего цехового устройства и торгового управления в Риге” и дал предложения о “мерах, которые следует принять по их устранению”⁴³.

Его новым сотрудником в министерстве стал Иван Сергеевич Аксаков (1823–1886), сын писателя С.Т. Аксакова, журналист, славянофил, друг Ю.Ф. Самарина и А.О. Смирновой-Россет. В “Письмах к родным” [32], где Аксаков подробно описывает свою жизнь и наст-

роения, встречаются упоминания о Я.В. Ханыкове. Из письма от 5 апреля 1849 г. мы узнаем, что “у Ханыкова умер недавно родившийся ребенок” [32, 488], а 11 апреля он описал торжественный обед в честь пожалования министра Л.А. Перовского графским титулом; в числе присутствующих названы Я.В. Ханыков, В.В. Григорьев, Н.А. Милютин, Н.И. Надеждин, С.Е. Головин, “сын генерала” [32, 499].

Самым важным для Я.В. Ханыкова событием этого времени стало назначение его на должность профессора в Александровский (бывший Царскосельский) лицей. В его формулярном списке сделана запись: “По сношению попечителя Императорского Александровского лицея с Министерством внутренних дел назначен в звание исправляющего должность профессора для преподавания в лицее курса специального приготовления к службе по Министерству внутренних дел с жалованием 715 руб. в год – 1849 г., 1 января”⁴⁴.

Как писал в 1861 г. И.Я. Селезнев в историческом очерке лицея, посвященном его 50-летию [146], этот курс был введен после принятия в 1848 г. нового устава, в котором было указано, что

⁴³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. № 11615/7. Л. 80–82.

⁴⁴ Там же. Л. 80–80 об.

“целью лица является воспитание благородного юношества для гражданской службы по всем частям, требующим высшего образования, преимущественно же для служения по Министерству внутренних дел” [146, 447]. “Сверх подробного учения о делопроизводстве по Министерству внутренних дел” в курсе, должны были излагаться “те из частей свода законов о благоустройстве и благочинии, исполнение которых вверено означенному министерству” [146, 447].

“Для делопроизводства, – пишет Селезнев, – избран чиновник особых поручений Министерства внутренних дел Яков Владимирович Ханыков, бывший воспитанник лица, VII курса”. По его словам, Ханыков понял свою задачу намного шире, чем предполагалось, и “ввел в программу свою, сверх изложения положительных законов по сему предмету, и само историческое развитие каждой части и административную статистику” [146, 447].

Программа Ханыкова [146, 108–113] состоит из тринадцати пунктов.

1. Предисловие, в котором разъясняется польза и необходимость курса.

2. Общее введение. Содержит объяснение различных видов деятельности правительства и историю Министерства внутренних дел.

2. Основные начала распорядительной деятельности правительства. Отмечается “разномыслие по сему предмету, проистекающее из различия в понятии о значении государства”, и дается обзор разных точек зрения на этот вопрос.

4. О состояниях (сословиях), Министерству внутренних дел подведомственных. Рассматривается множество проблем, связанных с сословным подразделением общества. Приводится юридическая история дворянства и исторический очерк городских учреждений в России.

5. Земское и городское хозяйство.

6. Попечение о народонаселении. Указаны узаконенные в России “способы приведения в известность наличного числа народа и законов движения населения” – переписи, метрики и акты состояния. Перечисляются меры, “покровительствующие умножению народонаселения”, “способствующие уравниванию народонаселения в разных частях государства” и т.д.

7. Попечение о народном здравии. Перечислены меры, сохраняющие здоровье населения (надзор за поддержанием чистоты воздуха, безвредностью жизненных припасов, продажей ядовитых веществ, оспопрививанием и т.д.), и “способы пособия” в обычное время (врачи, повивальные бабки, фельдшера, аптекари, аптеки, больницы и т.д.). Отдельно рассматриваются и “осо-

бые меры противодействия повальным болезням”, как меры по их предупреждению, так и меры, принимаемые во время эпидемий. Приводится “Исторический очерк и современное устройство медицинского управления в России”.

8. Попечение о народном продовольствии. В этом обширном разделе программы обсуждаются вопросы, касающиеся производства хлеба, скотоводства, борьбы с дороговизной и т.д.

9. Надзор за ремеслами и различной торговлей. Здесь речь идет о цеховом устройстве в России, о торговой полиции, ярмарках и базарах и т.д.

10. Об общественном призрении. Рассматривается вопрос об организации приютов, больниц и т.п.

11. Попечение об охранении общественной и личной безопасности от противозаконных поступков и от разрушительных действий природы. Предусматривается, в частности, противодействие суеверию и распространению расколов и ересей, вредных идей (“надзор за обращением в пубlique рукописей, их печатанием и книжной торговлей”), противодействие общественному разврату.

12. Попечение о делах веры. Подчеркивается значение веротерпимости и приводится исторический очерк законодательства об иноверцах в России.

13. Техническое учение о службе. Рассматриваются различные формы административного устройства, и дается очерк исторического развития его в России.

Как дополнение к преподававшемуся в лицее гражданскому и уголовному судопроизводству Ханыков ввел в программу курс административного производства, в котором разъяснялось значение административной статистики и излагался порядок ведения дел в уездных и губернских присутственных местах, правила устройства архивов и т.д.

Один из пунктов приведенной программы стал темой исследования Я.В. Ханыкова (“Очерк истории медицинской полиции в России” [16]), опубликованного в 1851 г. в “Журнале министерства внутренних дел”, а затем вышедшего отдельным изданием. Этот обстоятельный обзор истории русской медицины начинается с разделения всех медицинских мероприятий на предупредительные меры и меры, восстанавливающие расстроенное болезнью здоровье. К первым Ханыков относит советы и наставления о правильном образе жизни, предупреждение наследственных заболеваний, забота о здоровье женщин и детей (“попечение о здоровье новорожденных”, “направление общественного воспитания для физического развития детей”, охрана детей бедных родителей от “изнурительного употребления их из видов корысти на

тяжкие работы в особенности на мануфактурах”), надзор за безопасностью пищевых продуктов и воды, за лужением посуды и продажей ядовитых веществ, за чистотой воздуха, проведение медицинских действий, которые предупреждают влияние “повальных болезней” – оспопрививание и учреждение карантинных.

Ко вторым, то есть мерам, “имеющим целью восстановление расстроенного здоровья”, относятся прежде всего “образование и распространение достаточно знающих врачей, для чего учреждаются особые медицинские училища, устанавливаются правила для испытания врачей и повивальных бабок, даются им различные преимущества и определяются обязанности”. Одновременно предполагается “противодействие шарлатанству и невежественному врачеванию”. Далее среди этих мер названы “забота о распространении знающих аптекарей и достаточного числа аптек”, “попечение о надлежащем устройстве общественных бань, купален, целительных вод и грязей”, учреждение врачебно-вспомогательных заведений (больниц, домов умалишенных и т.д.). В случае возникновения эпидемий предусматривается посылка новых врачей и аптекарских материалов, устройство новых больниц и т.д.

Далее Ханыков дает обзор “мер положительного пособия к восстановлению народного здоровья”, начиная с X в. Заметив, что “медицинская полиция в России до XV в. отсутствовала, он указывает на то, что “очевидное существование у наших предков своего рода медицины свидетельствуется сохранившимися донныне сборниками общеупотребительных в народе лечебных способов под названием “лечебников” или “лечебных книг” [16, 9]. Он приводит составленную по данным летописей таблицу “морозных поветрий”, пришедших на Русь с запада с 1090 по 1656 г., и сообщает сведения о врачах-иностранцах, служивших при царских дворах до XVII в. Утверждая, что с приходом к власти династии Романовых начался новый период в истории медицины в России, Ханыков показывает, что в это время была образована “центральная инстанция для заведывания медицинской частью – Аптекарский приказ” и приняты меры по увеличению числа врачей, аптечных и карантинных учреждений. При Петре I и его наследниках эти меры стали более энергичными. Ханыков описывает важнейшие события XVIII в. – открытие больниц и госпиталей, введение прививок против оспы, устройство Медицинской коллегии, учреждение в губернских городах врачебных управ, открытие медицинских факультетов при Московском и Дерптском университетах и т.д. Он отмечает большое значение академических экспедиций XVIII в., “раскрывших сокровища отечественной флоры”, для совершенствования “аптекарского искусства”. Да-

лее следует подробный обзор вышедших в первой половине XIX в. правительственных постановлений об организации медицинской службы в России.

Как заметил В.П. Зубов [84, 484], эта работа Я.В. Ханыкова вызвала критику современников из-за недостаточного внимания к народной медицине. Но она вызывала и интерес, причем не только у медиков, которые выясняли, как влияют на медицину климатические факторы, но и у этнографов, исследователей русского народного быта, ботаников.

Преподавание шло у Я.В. Ханыкова успешно, но подготовка курса лекций потребовала от него напряженного труда. Это видно из его писем к Ю.Ф. Самарину⁴⁵, которого он посвящал во все подробности своей жизни и работы. В письме от 15 августа 1848 г.⁴⁶ содержится набросок программы курса лекций, которую Ханыков составил уже тогда, готовясь занять профессорскую должность. 11 июня 1849 г. он писал Самарину: “Я живу на даче, около Лесного института, рядом с домом, который занимал в прошлом году князь Вяземский. В городе почти не бываю, а потому никого не вижу и не знаю, что в мире делается, занимаюсь исключительно своими лекциями: юридическую историю русского дворянства я кончил, теперь пишу историю развития городских общин. Жалею для многого о вашем отсутствии, а между прочим и для моих занятий”⁴⁷. В письме от 1 октября 1849 г. он говорит: “Я продолжаю свои лекции и, окончив историю дворянства, городских сословий и законодательства о городском и земском хозяйствах, занимаюсь теперь мерами обеспечения общественной и личной безопасности”⁴⁸. 22 августа 1850 г. Ханыков сообщал Самарину об экзамене всего курса”⁴⁹.

Нужно заметить, что эта переписка свидетельствует о сердечной дружбе, связавшей в рижской период жизни Ю.Ф. Самарина с Я.В. Ханыковым и его женой. В письмах она неизменно передает Самарину привет, а многие из них написаны ее рукой. Так, 13 июля 1849 г. Екатерина Евгеньевна сделала приписку: “Писавшая под диктовку это письмо усердно вам кланяется и просит не забывать искренне расположенных к вам”⁵⁰. Письмо от 6 августа 1850 г. кончается словами Ханыкова: “Жена, к перу которой я прибегаю, чтобы избавить вас от труда разбирать мой

⁴⁵ РГБ. Отд. рук. Ф. 265. Картон 206. № 3. Письма (21) Я.В. Ханыкова к Ю.Ф. Самарину (1846–1855).

⁴⁶ Там же. Л. 9–14

⁴⁷ Там же. л. 24 об. – 25.

⁴⁸ Там же. Л. 28 об. – 29.

⁴⁹ Там же. Л. 32–33.

⁵⁰ Там же. Л. 26 об.

почерк, поручает мне передать усердный поклон ее и благодарит за память о нас”⁵¹.

В письме от 27 мая 1849 г., написанном вскоре после смерти их новорожденного ребенка, читаем: “Жена моя, едва лишь оправившаяся, просит передать вам поклон ее и сердечно благодарит вас за участие, принятое вами заочно в семейной потере нашей”⁵².

С Самариным и в дальнейшем Ханыков будет делиться своими переживаниями в самые тяжелые минуты своей жизни [144а]. Но пока все у него благополучно, дела служебные и научные идут успешно и ничто не предвещает беды.

В формулярном списке Я.В. Ханыкова записано, что 30 июня 1850 г. он был “Высочайшим указом, данным придворной конторе, Всемилостивейше пожалован в звание камергера Двора Его Императорского Величества”⁵³, а несколько раньше, 6 января того же года, назначен секретарем совета Александровского лицея⁵⁴ [139, 13, 15–17, 131; 146; 514]. В его обязанности теперь входило заведывание канцелярией и хранение архива, составление журнала заседаний совета, ведение всей переписки на русском и иностранных языках, наблюдение за изданием сочинений, составление записок по истории лицея и годовых отчетов [146, 427].

Все это требовало большого труда, и только удивительная работоспособность Я.В. Ханыкова позволила ему не только успешно выполнять служебные обязанности, но и активно сотрудничать с Русским географическим обществом. Именно в это время наиболее полно раскрываются его научные дарования, а труды по географии и картографии получают всеобщее признание.

1 апреля 1851 г. Я.В. Ханыков был избран секретарем РГО, но оставался в этой должности только восемь месяцев. Как отмечено в его формулярном списке, 6 декабря этого года он был “Высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату..., назначен состоящим в должности оренбургского гражданского губернатора”⁵⁵. Его переход на более высокую ступеньку служебной лестницы был связан с новым назначением в Оренбург В.А. Перовского.

Живя в столице, генерал-адъютант, член Государственного совета и Адмиралтейства Перовский никогда не забывал Оренбурга, считая, что там ему удалось совершить самое значительное из всего сделанного им в жизни [127]. И когда осенью 1850 г.

⁵¹ Там же. Л. 36 об.

⁵² Там же. Л. 22 об.

⁵³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. № 11615/7. Л. 82.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

он тяжело заболел, то на вопрос посетившего его Николая I, что бы он пожелал, последовал ответ: “Ваше Величество! Я желал бы, чтобы меня похоронили оренбургские и уральские казаки”. Описание этого эпизода встречается в воспоминаниях о Перовском, а из архивных материалов видно, что действительно весной 1851 г. он ожидал назначения в Оренбург как чего-то уже ему обещанного.

О том, что Перовский, страдая от обострения старой болезни, добивался этого назначения и очень ему радовался, свидетельствуют записки, которые он писал в Петербурге в начале 1851 г. Я.В. Ханыкову. Бережно сохраненные адресатом, они находятся сейчас в Российской Национальной библиотеке⁵⁶. Из них видно также, что Ханыков – это разумелось само собой – последует за своим старшим другом в Оренбургский край.

В одной из первых записок Перовский не скрывает опасения, что назначение в Оренбург не состоится из-за состояния его здоровья. Он пишет: “Гораздо удобнее бы было для свидания выбрать часы из вечерних: утром я должен ожидать присылки за мною от Государя Императора. До сих пор дело не решается – сомневаются в моем здоровье; советовались с Мандтом и проч”⁵⁷. Обращение к придворному лейб-медику М. Мандту показывает, что сомнения были очень серьезны.

Однако, несмотря на неопределенность, Перовский вместе с Ханыковым готовил проекты по управлению Оренбургским краем. Эта ежедневная работа отражена в обрывочных записках:

“Я сегодня целый вечер дома и прошу тебя на чай”;

“Прочел заключение...”;

“Посылаю тебе переписанную записку на корректуру... В списке чиновников, оставивших Оренбургский край, иные в первой графе показаны прежними чинами, другие настоящими, например Рокасовский и Цуккато генерал майорами, а два Ханыкова статскими советниками”;

“Я заменил статью о конских заводах... Подчеркни, где и что нужно. С заключением я еще не сладился, твое видимым образом написано под впечатлением бальной музыки”;

“О вчерашнем моем посещении тем труднее дать письменный отчет, что сказать почти нечего. Итак, до первого свидания”;

“Писарь сегодня мне не нужен”.

Дело с назначением между тем продвигалось. 9 марта Перовский пишет: “У меня поутру был князь Долгоруков, принес проект моего рапорта; он был подписан и возвращен князю Черны-

⁵⁶ РНБ. Отд. рук. Ф. 823 (Н.В. и Я.В. Ханыковых).

⁵⁷ Там же. Л. 8.

шеву, что уже и исполнено. Готовь записку о генерал-губернаторстве”⁵⁸.

Наконец 14 марта все выяснилось: “Дело еще не гласно, – пишет он, – но решено решительно: я назначен в Оренбург!” Ханыков сразу получает срочное задание: “Итак, без отлагательства и несмотря на говение принимайся за дело. Как относительно записки, так и приисканием лиц. Сегодня вечером я не буду дома, а завтра утром в своем времени не уверен, вероятно, князь Чернышев потребует к себе; сегодня я уже у него был”.

15 марта Перовский пишет: “Яшенька, душенька, ты понимаешь, что мне чрезвычайно трудно назначить тебе верный час свидания; а потому было бы с твоей стороны гораздо благоразумнее самому сказать, какие у тебя есть свободные часы от говенья сегодня, завтра, в субботу и в воскресенье; а я бы из них выбрал по удобности и приехал бы к тебе”⁵⁹.

Он говорит о необходимости выиграть время, которого “остается немного до торжественного часа отъезда”, и обсуждает “Записку о генерал-губернаторстве”. В ней, по-видимому, идет речь об объединении Оренбургской и Самарской губерний, что Перовский рассматривает как “условие, необходимое для пользы всего края”. Что касается присоединения к ним Пермской и Вятской губерний, он усматривает в этом лишь одно неудобство – “расстояние от Оренбурга”.

Перовский советуется с Ханыковым относительно первых шагов по управлению краем. “Я уже испросил, – пишет он – право рыться в делах и требовать все те, с которыми признаю нужным ознакомиться ближе... С чего начать? Если требовать дела, находящиеся в производстве, все без исключения, то между ними большая часть, вероятно, не заслуживает внимания: если обратить внимание на дела прошлых лет, то как угадать те из них, которые бы всего нужнее было исправить?”⁶⁰

В записках Перовского также обсуждаются кандидатуры будущих сотрудников, которых он подбирал в это время. Он стремился приблизить к себе прежних сослуживцев, например бывшего правителя своей канцелярии А.И. Середу. Он пишет: “Мне уже предлагают командующего башкирским войском, по моему разумению, никуда не годного. Могу ли я без предварительного сношения с Середой просить о назначении его в это звание?”⁶¹

⁵⁸ Там же. Л. 30.

⁵⁹ Там же. Л. 32–33.

⁶⁰ Там же. Л. 33.

⁶¹ Там же.

Среди обсуждавшихся лиц был и приятель Ханыкова Василий Васильевич Григорьев (1816–1881), виднейший русский востоковед, служивший в Министерстве иностранных дел и активно сотрудничавший с ним в Русском географическом обществе. Министерство откомандировало его в распоряжение Оренбургского генерал-губернатора, и на него было возложено составление отчетов по управлению краем. В 1853 г. В.В. Григорьев участвовал в качестве правителя походной канцелярии в кокандском военном походе и взятии крепости Ак-Мечеть. В 1854 г. он был назначен председателем Оренбургской пограничной комиссии и оставался в этой должности до 1863 г. В Оренбурге были написаны многие важные труды В.В. Григорьева, за которые в 1854 г. он получил звание члена-корреспондента Петербургской академии наук. Вернувшись в столицу, он стал профессором Петербургского университета, возглавив впервые созданную кафедру истории Востока.

Вслед за В.В. Григорьевым на службу в Оренбург поехал еще один востоковед, тогда только начинавший научную деятельность, а впоследствии академик Владимир Владимирович Вельяминов-Зернов (1830–1904). Он был двоюродным братом Я. и Н. Ханыковых и стал интересоваться Востоком под их влиянием. Изучать арабский и персидский языки он начал во время обучения в Александровском лицее, который закончил в 1850 г. Поступив на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел, Вельяминов-Зернов был откомандирован в Оренбург в распоряжении В.А. Перовского. Здесь он сблизился с В.В. Григорьевым, которого считал своим учителем, называл отцом.

В это же время завершилось чрезвычайно важное для Я.В. Ханыкова дело, решающую роль в котором также сыграл В.А. Перовский. Оно касалось младшего из трех братьев Ханыковых – Александра. Поступив в 1844 г. в Петербургский университет и занявшись изучением экономики, этот талантливый и восторженный молодой человек увлекся социалистическим учением Фурье. Он стал ярым приверженцем и пропагандистом фурьеризма, активным участником собраний у М.В. Буташевича-Петрашевского [70; 147]. Вместе с другими петрашевцами он был арестован и предан суду. Их дело рассматривала специально созданная военно-судная комиссия под председательством В.А. Перовского. Согласно вынесенному ею 16 октября 1849 г. приговору, А. Ханыков был осужден на 4 года каторжных работ. Однако высшей инстанцией, генерал-аудиториатом, решение комиссии было признано слишком мягким, и все осужденные были приговорены к расстрелу. Николаю I, желавшему проявить снисхождение, представили на утверждение и менее жестокий при-

говор. Для А. Ханыкова он предусматривал 10 лет каторги. Царь еще более смягчил наказание, и его приговор был объявлен 22 декабря 1849 г. перед самым началом казни. А. Ханыков приговаривался к 4 годам в арестантских ротах [70, 192–193].

Для его отца и братьев происшедшее с ним было огромным несчастьем, тем более что он не отличался крепким здоровьем. Буташевич-Петрашевский говорил о нем как о “человеке с пламенным воображением и весьма нервным”, на которого заключение “может иметь скорее, чем на других, пагубное влияние”

[147, 53]. Именно поэтому В.А. Перовский незадолго до отъезда в Оренбург, 15 марта 1851 г., обратился с письмом к Л.В. Дубельту, в котором просил заменить арестантские роты ссылкой рядовым в отдаленную крепость. Он писал, что “родные сочтут милостью, если он будет сослан в какой-нибудь гарнизон, где люди скоро умирают от болезни, или даже заключен в дом умалишенных: это будет для них легче, чем видеть его в арестантских ротах и каждый день страшиться нового позора” [117, 171].

А. Ханыков был отправлен рядовым в Орскую крепость. Перовский знал, что там у него будет шанс, отличившись в службе, получить офицерский чин, а с ним и дворянское звание [189, 175]. Однако он очень скоро умер от холеры.

21 марта 1851 г. В.А. Перовский получил Высочайший рескрипт о назначении его Оренбургским и Самарским генерал-губернатором и командующим отдельным Оренбургским корпусом, а 29 мая он уже сообщал о своем прибытии в Оренбург в рапорте военному министру. Назначение Я.В. Ханыкова исправляющим должность оренбургского гражданского губернатора последовало только 6 декабря. В Уфу он должен был прибыть в начале 1852 г.

За оставшееся время он приводил в порядок свои научные дела и одновременно выполнял задания Министерства внутрен-

В.В. Григорьев

них дел. Так, в апреле он “был командирован в Калужскую, Орловскую и Тульскую губернии для обозрения действий находящихся в сих губерниях топографов по съемке городских земель и для принятия нужных мер, по соглашению с начальниками губерний, к продолжению работ по составлению инвентарных описаний городов”. Отчет по этой командировке был сдан 5 сентября 1851 г.⁶²

Как Русское географическое общество, так и Александровский лицей выражали сожаление об уходе Я.В. Ханыкова с занимаемых им постов и высказывали ему благодарность. В отчете РГО за 1851 г. сказано, что он, “исполняя обязанности секретаря в течение восьми с половиной месяцев, успел в это короткое время значительно способствовать расширению круга деятельности общества, оживлению сношений с иностранными учеными и полезному направлению большей части его ученых работ, а в особенности работ картографических” [125, 12]. В лицее 14 декабря 1851 г. вышло важное для его семьи постановление: “В уважение особенных заслуг во время исправления должности секретаря Совета и профессора Императорского Александровского лицея двое детей статского советника Ханыкова, Владимир и Павел зачислены в кандидаты на неплатящие вакансии в лицей”⁶³.

И в это время, когда Я.В. Ханыкову во всем сопутствовал успех и будущее должно было казаться безоблачным, случилась беда: неожиданно умерла его жена. Это произошло 1 января 1852 г. и повергло его в отчаянье. Он не смог присутствовать на заседании РГО 19 января, когда было оглашено письмо А. Гумбольдта о награде – прусском ордене Красного орла – и объявлено о публикации в Париже его карты Аральского моря и Хивинского ханства. Только 13 февраля он появился на прощальном заседании РГО, а через три дня покинул Петербург.

О своем горе он сообщил Ю.Ф. Самарину в письме, датированном 16 февраля 1852 г.⁶⁴ “Вероятно, почти в одно время, многоуважаемый Юрий Федорович, – пишет он, – дошли до вас два грустные известия – о смерти жены моей и супруги Хомякова. Зная дружеское расположение Ваше к нам двум, не сомневаюсь в желании участия вашего в нашей скорби”. Разделяя с А.С. Хомяковым горе в связи с его “сердечной утратой” – кончиной Е.М. Хомяковой (1817–1852), он говорит о своей потере: “Если что еще утешает меня в моем несчастье, то это характер кончины жены моей: она умерла, как жила, – праведницей. Несмотря

⁶² ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. № 13249. Л. 28–29 об.

⁶³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. № 13249. Л. 29 об. –30 об.

⁶⁴ РГБ. Отд. рук. Ф. 265 (Ю.Ф. Самарина). Картон 206. № 3. Л. 40–43.

на то что смерть ее совершилась в минуту, когда мирное счастье неожиданно улыбнулось нам, несмотря на то что жена моя предчувствовала свою кончину и расставалась с жизнью при мучительных физических страданиях, окруженная обожавшими ее родными, она не обнаруживала ни ропота, ни сетования, ни сожаления, молилась до конца, обняла меня еще за 5 часов до кончины и умирала осененная епитрахилью священника во время чтения отходной”. Он пишет, что потеря жены заставляет его скорбеть не только сердцем, но и рассудком: “Она научила меня молиться, она удерживала во мне порывы мелких страстей, она уводила меня от света и заставляла забывать его в семейном кругу – теперь я снова представлен одним своим силам... В продолжение 5 лет нашей супружеской жизни она лишь три раза провела вечер вне круга своей семьи, в окружавшем ее обществе не испытывала желаний нравиться кому-либо, кроме мужа, пренебрегала моими служебными и учеными успехами как соблазнами тщеславия; была тем не менее главной моей помощницей в работах...”

Обращаясь к Самарину, Ханыков заключает: “Сегодня выезжаю из Петербурга и могу пробыть в Москве до 26 февраля. Если бы мы могли свидеться там, какой бы был для меня праздник...”

Так закончился благополучный период жизни Я.В. Ханыкова, к которому относятся его основные научные труды. Ему была 33 года, и он возвращался в Оренбургский край, где 19-летним юношей начинал свою разностороннюю деятельность и где собирался успешно завершить свои исследования, заверив в этом Русское географическое общество.

Работа в Русском географическом обществе

Организация РГО

В то время, когда Я.В. Ханыков, назначенный председателем ревизионной комиссии по остзейским делам, стал значительную часть времени проводить в Риге, произошло важное для русской науки событие: открылось и начало активную работу Русское географическое общество.

Его появление связано с важными качественными переменами, происшедшими в географической науке во второй четверти XIX в.: целью ее теперь стали считать не простое накопление географических фактов, а создание общей теории, объясняющей естественные взаимоотношения человека и природы. Важнейшую роль в изменении географического мышления сыграла деятельность Александра Гумбольдта и Карла Риттера (1779–1859),

**Председатель Русского
географического общества
великий князь Константин Николаевич**

благодаря которым возникла новая наука – землеведение (die Erdkunde) [159]. Хотя ее основу составляла физическая география (учение о формах земной поверхности – твердой, водной и воздушной), но земля теперь рассматривалась как постоянно развивающаяся, особым образом организованная “система природы”, а задача землеведения заключалась в “познании земли в самом широком значении этого слова, со всем миром, на ней обитающем” [148, XVII]. Землеведение исходило из представления о земле как “арене, на которой развивается исторический процесс” [34, 244–246], а поэтому ее неотъемлемой частью стала тесно связанная с гео-

логией и археологией историческая география, которая занимается возможно более точной реконструкцией географических условий прошедших эпох. При изучении отношений природы и человека возник вопрос о значении географических условий как основного фактора, определяющего судьбы отдельных стран и народов. Это объясняет тесную связь землеведения с антропологией и этнографией. Таким образом, “труды Гумбольдта и Риттера привлекали внимание естествоиспытателей к проблемам физической географии, а историков заставляли глубже заниматься выявлением той географической среды, в которой протекают исторические события” [84, 251].

После приезда Гумбольдта в Россию в 1829 г. новые идеи стали завоевывать все большую популярность в русском обществе. Опыт же Парижского и Лондонского географических обществ, которые занимались сбором, обработкой и распространением сведений по географии, картографии, этнографии, снаряжали экспедиции и издавали труды по землеведению, убеждал, что в России такого рода учреждение могло бы принести немалую пользу.

Созданию Русского географического общества (РГО) предшествовала большая подготовительная работа, которая подроб-

но описана П.П. Семеновым (Тян-Шанским) в книге, посвященной 50-летию общества [148]. По его словам, РГО было стягом, воздвигнутым передовыми людьми того времени, “под которым свободно собрались русские люди с высокою целью сослужить России незабвенную службу, способствовать своими бескорыстными трудами познанию русской земли и русского народа, а равно и тех стран и народов, сношения с которыми обуславливают его развитие и благосостояние” [148, XXII].

П.П. Семенов пишет, что идея создания РГО, первоначально возникшая у знаменитого арктического путешественника Ф.П. Литке и К.И. Арсеньева, нашла понимание “в четырех кружках, близко принимавших к сердцу интересы науки и отчества”, представители которых стали членами-учредителями общества.

Первый из упомянутых кружков, объединявший “тех русских мореходов, которые своими плаваниями и открытиями в дальних странах и в то время мало доступных морях покрыли себя громкой славой еще в начале XIX в.”, представляли Ф.П. Литке, И.Ф. Крузенштерн, Ф.П. Врангель и П.И. Рикорд [148, 1–2]. Известный мореплаватель и географ Федор Петрович Литке (1779–1882) занимался, как и К.И. Арсеньев, воспитанием и образованием великого князя Константина Николаевича, которому была предназначена ведущая роль в морском ведомстве. Зная о его интересе к географии России, наставники высказали “мысль об учреждении под председательством вышедшего из малолетства великого князя Русского географического общества” (148, 1). Второй (академический) кружок выделил в качестве членов-учредителей РГО “великого естествоиспытателя К.М. Бэра, знаменитого астронома В.Я. Струве и лучшего в то время в России геолога Г.П. Гельмерсена, а также почтенного и трудолюбивого статистика академика П.И. Кеппена” [148, 2]. Третий кружок составляли офицеры Генерального штаба, который издавна руководил работой по военно-статистическому обозрению и картографированию губерний и областей России; из него в состав членов-учредителей РГО вошли Ф.Ф. Берг, М.П. Вронченко и М.Н. Муравьев. Наконец четвертый кружок состоял из “деятелей по различным отраслям русской науки, которые с серьезной научной подготовкой соединяли несомненную талантливость и горячий патриотизм и могли служить достойными представителями тех свободных сил русского общества, содействие коих должно было принести обширную пользу географическим наукам при всестороннем изучении России” [148, 2–3]. Из них членами-учредителями РГО стали К.И. Арсеньев, А.И. Левшин, В.Ф. Одоевский, П.А. Чихачев, В.И. Даль и

М.Н. Муравьев

В.А. Перовский, которого привлек к этому делу В.И. Даль “своим личным влиянием”.

Члены-учредители составили временный устав РГО, который в основном воспроизводил устав Лондонского географического общества. Затем, собравшись “в Министерстве внутренних дел, в квартире принимавшего самое горячее участие в учреждении общества В.И. Даля” [148, 2–3], они постановили просить согласия Николая I на то, чтобы председателем РГО стал его сын Константин Николаевич. Ходатайствовать об этом просили министра внутренних дел Л.А. Перовского, “к которому Даль стоял близко, за-

нимаемая должность чиновника особых поручений и личного его секретаря” [148].

Согласие было получено, и 19 сентября 1845 г. на квартире В.И. Даля состоялось собрание членов-учредителей, которые назвали Ф.П. Литке помощником председателя, то есть фактическим главой общества, а также избрали действительных членов РГО. На официальном открытии 7 октября 1845 г. был избран совет РГО, в который вошли К.И. Арсеньев, Ф.Ф. Берг, М.П. Вронченко, Г.П. Гельмерсен, В.И. Даль, А.И. Левшин, Э.Х. Ленц, М.Н. Муравьев. Членами совета стали также управляющие четырьмя отделениями общества: 1) общей географии (Ф.П. Врангель); 2) географии России (В.Я. Струве); 3) этнографии (К.М. Бэр); 4) статистики (П.И. Кеппен). Цели и задачи РГО были определены в соответствии с требованиями землеведения, отражавшими теоретические взгляды К. Риттера [159, 89–97]

П.П. Семенов подробно описывает деятельность РГО в организационный период и работу над постоянным уставом, в ходе которой выявились серьезные противоречия между “немецкой” и “русской” партиями. В то время как первая партия “выставляла на первый план занятия географической наукой вообще, ос-

тавляя на втором географическое изучение России” [159, 12], представители второй партии были убеждены, что главное внимание должно быть уделено разностороннему изучению России и сопредельных с нею стран. Центральными фигурами русской партии стали Николай Алексеевич Милютин и его брат Дмитрий Алексеевич (1816–1912), впоследствии военный министр. Они объединили вокруг себя многих молодых и наиболее деятельных членов общества и добились победы своей точки зрения. Согласно принятому в 1849 г. новому уставу, РГО подразделялось на четыре

Д.А. Милютин

отделения: 1) математической географии и картографии; 2) физической географии; 3) этнографии, антропологии и исторической географии; 4) статистики и политической географии. Окончательная победа русской партии ознаменовалась избранием в 1850 г. нового помощника председателя РГО, которым стал М.Н. Муравьев (1796–1866).

Яков и Николай Ханыковы, избранные в действительные члены РГО при его учреждении, были среди тех, кто в ходе обсуждения устава безусловно поддерживал Д.А. и Н.А. Милютиных, полностью разделяя их убеждение в необходимости всестороннего изучения России, ее географии и населяющих ее народов.

Первые исследования

В состав РГО братья Ханыковы были включены по рекомендации, данной им 28 ноября 1845 г. двумя членами-учредителями общества –В.И. Далем и Г.П. Гельмерсеном⁶⁵, которые засвидетельствовали тем самым признание их научных заслуг. Действительно к тому времени они оба получили широкую известность своими исследованиями по географии и картографии Южного

⁶⁵ Архив РГО. Ф. 1–1845. Оп. 1. № 3. Л. 41.

Александр Гумбольдт

Урала, киргизских степей и Средней Азии, которые основывались на материалах, полученных во время службы в Оренбурге.

В 1843 г. вышла в свет книга Н.В. Ханыкова “Описание Бухарского ханства” [170], написанная после путешествия с миссией Бутенева и сразу прославившая молодого востоковеда. Данное в ней подробное обозрение почти неизвестной в то время страны, ее населения, административного устройства и т.д., по оценке академика В.В. Бартольда, было и оставалось до конца XIX в. лучшим описанием Бухарского ханства [34, 440].

Через год в “Журнале Министерства внутренних дел” появилась статья Н.В. Ханыкова “О населении киргизских степей, занимаемых Внутреннею и Малою Ордами” [171]. Он подошел к вопросу с точки зрения общей теории народонаселения, занимавшей тогда европейских ученых, и заметил, что эта теория разработана лишь для “обществ образованных”, но неприменима для “обществ первоначальных”, к которым относится кочевое население Внутренней и Малой Киргизских Орд. Чтобы заполнить этот пробел теории, по его мнению, необходимо было прежде всего исследовать “материальный элемент, то есть содействие почвы и климата к доставлению жителям средств существования” [171, 3]. Поэтому в статье поставлена задача охарактеризовать рельеф, почву и климат земель, занимаемых Внутренней и Малой Ордами. При выяснении причин, породивших “суровости климата степей”, Н.В. Ханыков уделяет много внимания вопросу о географическом строении азиатского материка, который активно обсуждался в трудах Гумбольдта и Риттера.

К статье Н.В. Ханыкова была приложена карта, объяснение которой, принадлежащее Я.В. Ханыкову, помещено в том же журнале в 1845 г. [9]. В редакционной заметке сказано, что это объяснение “доставлено братом автора Я.В. Ханыковым” и извлечено “из письма его к барону Гумбольдту от 27 марта – 8 ап-

реля текущего 1845 г., при котором препроводил он к знаменитому ученому и карту и статью”.

Он сообщил, что карта основывается на всех картах этого региона, составленных ранее, прежде всего на карте А.И. Левшина (1832) [89], и дополнена новыми данными, полученными с 1832 по 1841 г. “Впрочем, – заметил Я.В. Ханыков, – распространение географических сведений об Азии идет ныне так быстро, что и эта карта, несмотря на ее свежесть, не вполне выражает состояние географических познаний наших о степях киргизских, так как в 1843 и 1844 гг. сделаны новые важные исследования” [9, 98].

При составлении карты были сделаны некоторые теоретические выводы, представлявшие немалый интерес для Гумбольдта. Ханыков пишет, что новейшие изыскания “подтвердили и объяснили предположения генерала Генса о доисторическом соединении Северного океана с бассейном Арало-Каспийским, которые вы, милостивый государь, первые сообщили ученому миру в 1829 г., опровергая укоренившееся понятие о мнимом соединении Алтая с Уралом. Но в то время основой гипотезе генерала Генса служило одно присутствие многочисленных озер в лощинах Тургаев, Абуги и Тобола. Между тем достоверно известно не было, продолжается ли эта цепь стоячих вод и на волоке между истоками Тобола, Каберды, Сарытургая и Тереклы... Ныне последние изыскания обнаружили, что в упомянутом волоке не только нет значительных возвышений, но что он... представляет низменность, испещренную днищами высохших вод и доселе существующими озерами... Таким образом, теперь почти нельзя сомневаться, что если Арало-Каспийская и Сибирская низменности были некогда покрыты водой, то и промежуток, их разделяющий, от устья Абуги до последних разливов Тургая, составлял пролив, который связывал Среднеазиатское море с океаном Северным” [9, 98–100].

Определяя границы этого пролива, Ханыков сомневался в правильности сложившегося мнения, что “окраина подводной части долженствовала быть ограничена южным продолжением Муходжар до соединения их с Устюртом и далее восточным чинком последнего, так что Аральское море могло соединяться с Прикаспийской низменностью лишь вдоль южного чинка”. Он полагает, что “между Муходжарами и Устюртом вовсе нет соединения в орографическом смысле, а если бы и существовал ряд высот, то он по незначительности своей не мог бы составлять плотины между двумя огромными водяными массами, покрывавшими Приаральскую и Прикаспийскую низменность. Посему весьма вероятно, что в то время, когда уже Устюрт был осушен, между северным чинком и окончечностью южного уральского

предгорья находился второй пролив, соединяющий Аральское море с Каспием” [9, 103–104].

В начале 1845 г. Н.В. Ханыков получил назначение в Тифлис, в дипломатическую канцелярию Главного управления Закавказского края, а осенью того же года с началом своей службы в Риге и Я.В. Ханыков стал нечастым гостем в Петербурге. Но они не прерывали научных исследований, и с РГО у них обоих установились постоянные прочные связи.

Представление о научной деятельности Я.В. Ханыкова можно составить по отчетам РГО и его изданиям (“Записки Императорского русского географического общества”, “Географические известия, издаваемые Императорским русским географическим обществом” и “Вестник Императорского русского географического общества”).

В первом отчете РГО за 1845–1846 гг [124] имя Я.В. Ханыкова фигурирует в связи с его картографическими работами.

В разделе отчета “Сношения Общества с учеными и любителями просвещения” сказано: “Вскоре по учреждении общества оно получило от многих русских ученых и любителей просвещения, а также от некоторых иностранцев... книги, карты и планы, кои составили в библиотеке его к 6 августа 1845 г. 131 номер различных сочинений” [124, 100]. Среди “особенно замечательных подарков” названа “присланная г-ном действительным членом Ханыковым рисованная подробная карта Южного Урала, составленная в 1844 г. на основании топографических съемок, произведенных при штабе Оренбургского корпуса” [124, 100]. Имелась в виду карта, основанная на обработке картографических материалов, которая была представлена В.А. Перовским в 1841 г. Р. Мурчинсону, а затем А. Гумбольдту.

Здесь же, в разделе, в котором обсуждались планы деятельности РГО, приведены соображения Я.В. Ханыкова о карте Киргизских степей и ее уточнении: “По представлению действительного члена Я.В. Ханыкова о необходимости пояснить карты Киргизских степей и прилежащей части Средней Азии отделение общей географии предположило издать новую карту этих мест с алфавитным разъяснением оной и приступило к собиранию нужных для того материалов. Нынешние карты испещрены непонятными татарскими названиями урочищ, которые в переводе часто ничего не означают. Между тем познание урочищ, то есть мест степи, замечательных по какому-либо признаку, как то: колодезю, холмам, пастбищу, могиле и т.п., чрезвычайно важно для путешественника и в этом-то собственно и состоит география степи.

Для объяснения урочищ могут служить свидетельства чиновников, ездивших в степь, заключающиеся в их журналах и доне-

сениях начальству, рассказы путешественников и купцов, показания пленных, маршруты военных экспедиций и т.п.

По просьбе г-на управляющего отделения просвещенные и благонамеренные начальники Военно-топографического депо и Азиатского департамента дозволили пользоваться для этой работы материалами, хранящимися в богатых архивах этих мест, и некоторые частные лица обещали прислать имеющиеся у них данные. Для совершения же самого труда изъявили готовность работать капитан корпуса топографов г-н Рехенберг и действительный член общества, профессор восточных языков Григорьев” [124, 103].

Профессор В.В. Григорьев, окончивший в 1834 г. Петербургский университет и быстро завоевавший известность как крупный востоковед, с 1844 г. служил в Министерстве внутренних дел и в 1845 г. был избран в действительные члены РГО. С Я.В. Ханыковым его навсегда связали общность научных интересов и искренняя дружба.

В приведенном выше отрывке из отчета РГО передается содержание письма Я.В. Ханыкова к секретарю общества, отправленного из Риги 20 сентября 1846 г., и принятых по его поводу решений. Из этого письма, хранящегося в архиве РГО⁶⁶, видно, что речь шла о присланной им карте Южного Урала и Киргизских степей. “Еще недавно Башкирия и Киргизская степь, – писал Ханыков, – принадлежали к числу весьма мало известных участков Азиатской России, но многочисленные съемки, в последнее время там произведенные, результаты коих или уже изданы или делаются доступными с напечатанием представленной мною карты..., образуют ныне прочную канву для топографии этих стран”⁶⁷.

Говоря о Киргизских степях, Ханыков утверждает, что из-за их особого характера никакие существующие карты “отнюдь не могут удовлетворить ни практических, ни ученых географических потребностей, потому что большая часть названий, испещряющих эти карты, остается совершенно непонятной не только для читателя, но даже для составителей. Под сими иероглифами я разумею названия урочищ”⁶⁸. Он считает, что для урочищ, которым “трудно дать строгое географическое определение”, нужно ввести особые картографические знаки, и вообще “для доставления способов понимать и употреблять с пользой нынешние карты Киргизской степи необходимо издание подробных топографиче-

⁶⁶ Архив РГО. Ф. 1–1846. Оп. 1. № 1.

⁶⁷ Там же. Л. 18.

⁶⁸ Там же. Л. 18 об.

ских объяснений к ним”⁶⁹. Составить такие объяснения можно, ибо “материалы к этому довольно обильны, и нужно только воспользоваться ими”. Далее Ханыков дает обзор материалов, полученных из “показаний чиновников, посылаемых в Киргизскую степь” и “маршрутов военных экспедиций”.

Из документов этого архивного дела видно, что карта Ханыкова и его предложения вызвали немалый интерес. На просьбу сообщить об источниках составленной карты он ответил большим письмом⁷⁰, упомянув в нем, в частности, “Историю Оренбургскую” П.И. Рычкова, описание путешествий И.И. Лепехина (1767–1768) и Г.П. Гельмерсена. О мнении Ханыкова по поводу издания карты вместе с алфавитным списком урочищ и его указании на имеющиеся материалы доложил совету РГО председатель отделения общей географии Ф.П. Врангель 21 октября 1846 г. Он сообщил, что “отделение приступило к собранию этих материалов” и что получено разрешение начальников Военно-топографического депо и Азиатского департамента “пользоваться для этой работы материалами, находящимися в богатых архивах этих мест, а г-да действительные члены В.И. Даль и Я.В. Ханыков обещали доставить имеющиеся у них материалы”⁷¹. Была начата также переписка с канцелярией оренбургского военного губернатора В.А. Обручева о предоставлении обществу интересующих его документов из архивов Оренбурга⁷² и, в частности, записок Г.Ф. Генса⁷³.

Я.В. Ханыков активно участвовал в различных начинаниях РГО. Так, 18 сентября 1846 г. общество обратилось к своим членам с просьбой составить каждому по своей части программу для рассылки лицам, изъявляющим готовность доставлять географические, статистические и этнографические сведения⁷⁴. На заседании Совета 10 января 1847 г. сообщалось, что “действительный член Я.В. Ханыков прислал обществу программы, служившие ему для статистической работы в Оренбургском крае и полагал бы, с предварительного одобрения совета, представить свои мысли о необходимости сличать программы, по коим разные ведомства сообщают статистические сведения”⁷⁵. Далее в архивном деле следует текст программы Я.В. Ханыкова, занимающий 41 лист⁷⁶.

⁶⁹ Там же. Л. 19.

⁷⁰ Там же. Л. 25–38 об.

⁷¹ Там же. Л. 50.

⁷² Там же. Л. 53–53 об., 59–59 об., 93–94 об. и др.

⁷³ Там же. Л. 82–94 об., 122–123 об.

⁷⁴ Архив РГО. Ф. 1–1846. Оп. 1. № 19. Л. 1.

⁷⁵ Там же. Л. 3.

⁷⁶ Там же. Л. 6–47.

В 1847 г. он стал одним из инициаторов постановки вопроса в отделении этнографии о разработке русской географической терминологии.

О его выступлении по этому поводу на заседании 5 февраля 1847 г. сообщалось в “Журнале Министерства народного просвещения” за этот год [1847; N 20; 43–44]: “Действительный член Я.В. Ханыков изложил изустно мысли свои о необходимости установить в русском языке географическую терминологию, то есть условиться в значении родовых и видовых названий географических понятий, например, слов: *долина, хребет, ключ, бор, мочажина, степь, гора, ущелье, лощина, ложбина, залив, губа, бухта, река, русло, ручей* и др. и дополнить ученую терминологию, усвоив ей слова, имеющие местное употребление, но не получившие еще ученого характера по своей неопределенности или малоизвестности, например, *сырт, буран, пал, копань, ерик, отпрядыш* и др., не касаясь, впрочем, имен собственных, составляющих географическую номенклатуру, и не имея вовсе в виду составлять слова новые, для замены общеупотребительных”.

Он предложил также составить “Словарь географических терминов”. “Подобное издание от имени общества, – говорится далее, – в коем соединена большая часть лиц, пишущих у нас по географии, получило бы достаточный авторитет, чтобы принятое в словаре определение названия вошло во всеобщее употребление”. Ханыков добавил, что из-за несовершенства географической теории многие слова еще не получили постоянного значения, так как сами понятия, которые ими выражаются, пока точно не определены. Поэтому “при составлении словаря необходимо разрешить некоторые вопросы, касающиеся ближайшего определения этих понятий, и, следовательно, в труд составления словаря входит не одно языкознание”.

Предложение Я.В. Ханыкова вызвало оживленную полемику. Была назначена комиссия, в которую вошли Н.И. Надеждин, М.Н. Богданов, В.В. Григорьев, П.С. Савельев, Д.А. и Н.А. Милютины. Она составила инструкции о том, как “собирать местные географические выражения, долженствующие служить материалом для установления русской географической терминологии”. В 1848 г. было разослано по всей России 3 тыс. экземпляров этих инструкций и ответы дали более 8 тыс. географических и этнографических выражений.

П.П. Семенов в очерке истории РГО писал, что “материал этот, впрочем признанный комиссией еще недостаточным для окончательной его разработки, был передан советом только в 1851 г. Я.В. Ханыкову, на которого по предложению комиссии был возложен труд разработки собранного материала” [148,

39–40]. Однако обстоятельства не позволили Я.В. Ханыкову выполнить эту работу. Есть мнение [42, 185], что находившийся в его распоряжении материал впоследствии использовал В.И. Ламанский при составлении картотеки народных географических терминов, которая сохранилась в архиве РГО.

В докладе на заседании 5 февраля 1847 г. Я.В. Ханыков затронул и другие вопросы, интересовавшие многих географов, в частности вопрос о том, является ли Устьюрт продолжением Муходжар. Узнав, что его утверждения вызвали возражения, Ханыков повторил свои доводы в письме к Н.А. Милютину, отправленном из Риги 28 марта 1847 г.⁷⁷ Оно интересно тем, что содержит сведения о личной встрече Ханыкова с Гумбольдтом весной 1844 г.

В письме говорится: “Прежде всего я должен повторить сказанное мною относительно Устьюрта в собрании общества 5 февраля. Излагая превосходство теории классификации гор Гумбольдта сравнительно с системами Бюнша, Бюфона и Палласа, я присовокупил, что и она однако же не вполне удовлетворяет требованиям географии как науки, ибо ведет иногда к соединению в одну группу гор, возвышенностей, географически совершенно разнородных, и в доказательство привел известное сочинение Гумбольдта *Asie Centrale*, где к системе Урала причислены высоты, к востоку и к югу от Яика лежащие, а именно Уркач, Карайдыр, Джамбулка-Каратан, Муходжар и Устьюрт, которые совершенно отличаются, по моему мнению, от Уральского хребта наружным образованием, равно как своеобразным влиянием на историческое развитие народов, и должны составлять особый разряд исхолмлений”.

“В 1842 г. находясь в Париже, – пишет далее Ханыков, – я благодаря снисходительности одного члена института успел прочесть корректурный лист печатавшегося сочинения. Удостоверясь при этом, что некоторые из имевшихся у меня сведений могли хотя в мелочах быть полезны г-ну Гумбольдту, я посетил Бонн, где он находился тогда. Но, к крайнему прискорбию моему, в день приезда моего туда г-н Гумбольдт выехал в Париж, и потому я вынужден был сообщить заметки мои письменно, что и сделал через посредство одного из членов-учредителей В.А. Перовского. За этим письмом, о котором упоминается в *Asie Centrale* (Т. II, С. 536), значительное место посвящено объяснению географической разнохарактерности Урала и Устьюрта, соединяемых г-н Гумбольдтом в одну систему гор.

Когда потом в апреле 1844 г. я имел честь представиться знаменитому ученому в Потсдаме и говорить с ним об означенном

⁷⁷ ГИА. Ф. 869 (Милютиных). Оп. 1. № 112. Л. 29–35.

письме, он не только не отвергал строгости понимания мною его статьи об Урале, но даже удостоил меня некоторых словесных пояснений, почему соединил в одну систему Урал и Устьюрт”⁷⁸.

В 1847 во второй книжке “Записок РГО” вышла статья Я.В. Ханыкова “Очерк состояния Внутренней Киргизской Орды в 1841 г.” [10], переизданная в 1849 г. во втором издании этой книжки. Статья, к которой была приложена карта Внутренней Орды, написана в соответствии с установленными в то время правилами экономико-географического описания.

Она состоит из трех разделов. В первом (Географическое обозрение) дано описание местности, климата и топографии. Заметив, что “по недостатку жилищ во Внутренней Орде невозможно сделать подробного топографического описания”, Ханыков пишет, что “население делится по родам, кочевья же их обозначаются бесчисленными разноименными урочищами”, и перечисляет роды, отделения и места кочевья. Второй раздел содержит историческое обозрение. Здесь сообщается, что “с 1771 г., времени бегства калмыков в Китай, по 1801 г. степь оставалась необитаемой”, а 11 мая 1801 г. последовало Высочайшее согласие “на поселение киргизцев между Уралом и Волгой”. Затем следует подробное описание событий, происшедших во Внутренней Орде с 1801 по 1842 г.

В Третьем разделе, посвященном статистическому обозрению, дается характеристика народонаселения, и приводятся сведения “о народном богатстве” – поголовье скота, поземельных угодьях, торговле. Приводится таблица, показывающая торговый оборот постоянной ярмарки при ставке хана Внутренней Орды Джангера Букеева.

“Землеведение Азии” К. Риттера

В 1850 г. в РГО произошли серьезные изменения: его вице-председателем (председателем неизменно оставался великий князь Константин Николаевич) был избран М.Н. Муравьев, сменивший на этом посту Ф.П. Литке. Новый руководитель “не щадил ни своих, ни чужих сил на служение интересам общества” [148, 60], деятельность которого при нем заметно оживилась.

Тогда же началось обсуждение важного предприятия, во многом определившего направление географических исследований в последующие десятилетия – перевода на русский язык прославленного труда Карла Риттера “Землеведение Азии” и составление дополнений к нему, которые касались “стран, принадлежав-

⁷⁸ Там же. Л. 33–34.

ших России или с ними сопряженных” [159, 98]. Их следовало внести в новое издание, поскольку со времени выхода сочинения было получено – прежде всего русскими путешественниками и исследователями – много новых фактических данных. Инициатива исходила от предпринимателя П.В. Голубкова (1786–1855), который пожертвовал на издание перевода с дополнениями и на составленные карты Азии крупную сумму (20 тыс. руб. серебром).

Было ясно, что работа предстоит нелегкая, так как основанные на новых материалах дополнения иногда должны были принять “характер опровержения переведенного текста” [34, 355]. Поэтому решение вопроса принималось с большим труд.

В мае 1850 г. в его обсуждение включился Я.В. Ханыков, в то время признанный “самым ревностным поборником необходимости изучения сопредельных с Россией стран Внутренней Азии” [148, 89].

В обширной “Записке”, сохранившейся в архиве РГО [159, 99–100], он поддержал предполагаемое издание, оценив сочинение Риттера “как образец географической методы, или географического способа изложения вообще, и как свод всего, что до издания его книги было написано об Азии” [159, 99]. По его мнению, русский перевод чрезвычайно важен для преподавателей географии, “чиновников, служащих в окраинных губерниях и собирающих сведения об азиатской части России” и особенно для исследователей Средней Азии, для которых труд Риттера “есть лучшее и, можно сказать, полное руководство” [159, 99–100]. Из 12 томов “Землеведения Азии” Я.В. Ханыков предложил – учитывая реальные возможности РГО – издать в русском переводе только те, в которых речь идет о владениях России и государствах, сопредельных с ней. Он наметил для описания территории Южной Сибири, Китая, Турана, Афганистана, Хорасана и Персии. За редактирование должны были взяться, как он полагал, ученые, хорошо знакомые с этими регионами, а составленные ими дополнения отразить все работы, которые остались вне поля зрения Риттера. Я.В. Ханыков считал также необходимым, чтобы для каждого раздела была составлена новая карта.

Эта записка легла в основу предложений, внесенных отделением физической географии вместе со сметой издания в Совет РГО. В качестве особо важной, самостоятельной задачи было указано “составление дополнений – по новым источникам – к тексту Риттера, первые тома которого составлялись почти четверть века тому назад” [148, 91]. Как сказано в протоколе заседания Совета, опубликованном в “Географических известиях” 1850 г. [133, 494–495], “Совет, одоблив главные основания предположений г-на Ханыкова и найдя смету отделения вообще

удовлетворительною, остановился только относительно решения вопроса о способе составления дополнений к означенному труду”. Вопрос был передан председателю отделения физической географии Д.А. Озерскому для обсуждения “совместно с действительными членами Я.В. Ханыковым и В.В. Григорьевым, изъявившими готовность принять на себя редакцию некоторых разделов”.

Я.В. Ханыкову было поручено описание Турана, а также составление карты Турана и Ирана. В.В. Григорьев взялся описать Персию, Хорасан и Афганистан, А.П. Болотов – Южную Сибирь, а А.К. Гирс и П.П. Семенов – всю Центральную Азию [148, 91]. В дальнейшем планы менялись. Издание растянулось на долгие годы и основными авторами дополнений к русскому переводу “Землеведения Азии” К. Риттера стали П.П. Семенов, В.В. Григорьев и Н.В. Ханыков. Эти дополнения придали переводу значение самостоятельного труда, сыгравшему важную роль в истории географической науки в России.

Заслуга Я.В. Ханыкова, который по существу разработал программу издания, в осуществлении этого огромного научного предприятия по достоинству оценена современными исследователями. Так, Н.Г. Сухова пишет: “Я.В. Ханыков, убежденный в важности издания труда Риттера на русском языке, вряд ли мог предположить, что работа приобретет такой размах, растянется на столь долгий срок, хотя именно на основе его программы было намечено 8 томов русского перевода. Свет увидели 7, но, кроме того, составлено 4 тома дополнений, ставших существенным вкладом в географическую литературу как о южных частях Сибири, так и о некоторых территориях Азии, соседних с Россией” [159, 105].

Картографические работы

Особый интерес представляла карта северо-западной части Средней Азии, то есть соседних с Россией регионов азиатского материка, которые, как сказано в отчете РГО за 1851 г., “находятся в ближайшем к ней отношении и по географическому своему составу, и по связям их с нашим отечеством”; поэтому исследование этой обширной и еще мало известной территории “европейский ученый мир ожидает преимущественно от русской науки” [125, 50]. “До сих пор, – говорится в отчете далее, – важнейшие приобретенные об этом пространстве сведения были добыты путешественниками русскими. Ими, особенно в последнее время, собран был обильный запас в высшей степени драгоценных материалов, к сожалению, до сих пор не сведенных в одно

целое и даже не вполне обнародованных. Желая окончательно присвоить науке эти материалы, общество наше... решило приступить к составлению карт важнейших мест Средней Азии на основании как прежних трудов, так и новейших сведений. Эту обширную работу принял на себя один из деятельнейших сочленов наших... Я.В. Ханыков” [125, 50].

Это было вполне естественно, так как именно северо-западную часть Средней Азии Я.В. Ханыков очень хорошо знал со времени службы в Оренбурге. С теми, кто в 1835–1842 гг. совершал поездки в Хиву и Бухару, исследовал Каспийское море, производил топографические съемки в зауральской степи, он общался лично и имел возможность основательно изучить доставленные материалы. Поэтому работа сразу пошла успешно.

В Архиве РГО, в деле “О составлении действительным членом Я.В. Ханыковым карты северо-западной части Средней Азии и об издании списка пунктов, определенных астрономически на этом пространстве”⁷⁹ имеется записка⁸⁰, поданная им на имя М.Н. Муравьева 14 мая 1850 г. Она написана в связи с тем, что Совет РГО назначил Ханыкова редактором “Географической карманной книжки”, куда должна была войти его статья с обозрением северо-западной части Средней Азии, а также карта. Ханыков указывает, что изготовление такой карты “составит само по себе значительный труд”, поскольку “нет удовлетворительной карты ни на русском, ни на иностранных языках”, так что ее “нельзя просто перепечатать”. Поэтому составление этой карты следует рассматривать как “дело особое и самостоятельное”⁸¹.

Далее приводятся соображения о необходимости такой карты и о реальной возможности изготовить ее. Ханыков перечисляет иностранные и русские карты, которые могут быть при этом использованы, и отмечает, что большинство из них “не объемлет всего пространства, которое должно быть изображено”, и они “далеко не соответствуют полноте материалов, имеющихся ныне”⁸². Наиболее полной является карта Турана, изготовленная Николаем Ханыковым в 1841 г., которая “не напечатана, а хранится в секретном архиве Азиатского департамента”⁸³. В нее вошли “все бывшие до того времени рекогносцировки в степи Оренбургских киргиз, съемка кочевьев Сибирских киргиз и восточного берега Каспия (Карелин, 1836), астрономические пунк-

⁷⁹ Архив РГО. Ф. 1–1850. Оп. 1. № 26.

⁸⁰ Там же. Л. 1–14.

⁸¹ Там же. Л. 1 об.

⁸² Там же. Л. 3.

⁸³ Там же.

ты, определенные Леммом в Средней Персии в 1839 г., маршруты Никифорова в Хиву и обратно (1840)”⁸⁴.

Однако с тех пор были получены новые данные, которые должны быть учтены. Ханыков отмечает также карту К. Циммермана (1841), составленную, чтобы “служить руководством при чтении географического труда Риттера”, но считает, что она требует уточнений.

Принимаясь за составление карты северо-западной части Средней Азии, Ханыков ставил перед РГО ряд условий и выражал надежду на содействие в получении необходимых материалов. В частности, он просил обратиться к оренбургскому военному губернатору В.А. Обручеву за уточнением барометрических данных из Раимского укрепления, чтобы выяснить, “действительно ли Аральское море, как и Каспийское, ниже уровня океана”; ибо данные Анжу 1825 г. о том, что оно выше Каспия, “справедливо признаются Гумбольдтом сомнительными”⁸⁵.

Ханыков просил также выяснить у Обручева, “не примыкают ли Мугоджарские горы в виде гребня к Устьюрту”⁸⁶. В рассматриваемом архивном деле имеется набросок текста послания РГО к оренбургскому военному губернатору: “Александр Гумбольдт в своих исследованиях о Южном Урале предполагает, что Мугоджарские горы на юге примыкают в виде горного гребня к Чинку и, сливаясь таким образом с Устьюртом, разделяют низменность Барсуков от низменностей, прилегающих к левому берегу Эмбы. Напротив того, Мурчисон, основываясь на показаниях покойного капитана Романова, думает, что Мугоджарский гребень оканчивается, не достигая Чинка, и что между сим последним и Мугоджарами лежит низменная лощина, соединяющая Барсуки с Эмбинской долиной. Весьма важно было бы для географии, если главное оренбургское начальство сооблаговолило поручить кому-либо из офицеров, бывших близ Устьюрта, разрешить по возможности этот спорный вопрос”⁸⁷.

Как следует из сообщения в “Географических известиях РГО” (1850. Вып. 3. С. 318–319), запрос Обручеву был послан, и вскоре получен ответ с разъяснением вопросов, поставленных Ханыковым.

Члены РГО, в том числе В.В. Григорьев, редактировавший в 1850 г. “Географические известия РГО”, были хорошо осведомлены о планах Ханыкова и ходе его работы. Об этом свидетель-

⁸⁴ Там же. Л. 7–7 об.

⁸⁵ Там же. Л. 13.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же. Л. 15.

ствуется появившаяся во втором выпуске этого издания (1850. Вып. 2. С. 291–302) статья “О картографических и географических трудах Я.В. Ханыкова” [122]. В ней говорится: “Действительный член Императорского русского географического общества Я.В. Ханыков, известный в географическом мире преимущественно статьею своею “*Orographical Survey of the Country of Orenburg*”... и замечательными статистическими работами о том же крае, около 12 лет уже занимается собиранием и разработкой географических материалов о северо-западной части Средней Азии... В течение последнего времени г-н Ханыков нашел возможность приступить к приведению в порядок и обработке собранных им богатых материалов. При этом для систематического размещения многочисленных дробных и отрывочных сведений необходимо было иметь предварительно канву из данных, достоверность которых не подлежит сомнению” [122, 291–292].

Далее отмечается, что источники для картографии означенного пространства Средней Азии весьма разнокачественны: одни состоят в астрономических определениях мест и сплошных съемках, другие – в маршрутных съемках и подробных или общих описаниях путей и пройденной местности, третьи – в данных, приобретенных расспросами, либо почерпнутых у древних или арабских писателей, либо, наконец, выведенных путем соображений и догадок” [122, 291–292]. Этим определяются особые трудности, которые приходится преодолевать картографу.

Чтобы справиться с ними, “г-н Ханыков начал этот труд с определенных астрономических наблюдений пунктов и соединил все разбросанные в разных сочинениях данные в одну таблицу... Приведя таким образом в известность число астрономически определенных доселе для исследуемого им пространства пунктов, он нанес их на меркаторскую проекцию, составленную в масштабе 1,5 английских дюйма в градусе экватора. Таким образом ясно обозначилось, для каких частей северо-западного отдела Средней Азии имеет картография уже прочные основы, и где их еще недостает. Обнаружилась... и необходимость многих значительных исправлений в общепринятых ныне изображениях местности, рассматриваемого пространства. Затем оставалось определить какие полосы между астрономическими пунктами могут быть представлены на основе заслуживающего доверия источника. Для этого г-н Ханыков обозначил первоначально пространство, уже подвергнутое сплошной съемке, а в остальной части указал направление путей, исследованных европейцами” [122, 294–296].

Далее предлагается план “пространного рассуждения”, над которым работает Я.В. Ханыков.

1. Разбор всех указаний об астрономических наблюдениях над широтою и долготою мест в северо-западной части Средней Азии.

2. Обзор путешествий, совершенных в означенном пространстве с древнейших времен до XVIII в.

3. Указание пространств и путей, географически исследованных в означенной части Средней Азии.

4. Очерк картографических данных об этом пространстве, приобретенных посредством расспроса туземцев и учено-критические соображения” [122, 298].

Далее говорится: “К этому присоединен будет свод указаний, под какой широтой и долготой означены 112 важнейших пунктов рассматриваемого пространства на следующих картах”, а затем следует перечисление 50 карт, опубликованных русскими и иностранными исследователями начиная с XVI в., которые будут изучены автором.

Статья завершается оценкой работы Я.В. Ханыкова, которая уже в значительной мере была выполнена: “Из представленного обзора все понимающие дело могут видеть, что труд его принадлежит к числу замечательных учено-критических работ не только в отечестве нашем, где кажется ничего в том же роде не было доселе и предпринимаемо, но и в целой Европе, где, несмотря на всеми сознаваемую и высказываемую необходимость критической переработки существующих картографических произведений, сделано еще по этой части весьма мало. Полагая прочную основу будущим оро-, гидро- и топографическим картам западной части Средней Азии, представляя драгоценное руководство для новых путешественников в ту сторону и образец для подобного рода исследований о других малоизвестных частях земного шара, труд г-на Ханыкова раскрывает вместе для глаз наших и целые рудники положительных сведений, ибо знакомит с источниками, которые до него были недоступны, но частью даже вовсе неизвестны. План работы его превосходит, а прежние труды, равно как современный взгляд на науку и личное знакомство с корифеями ее в настоящее время, ручаются при том обилии материалов, которые находятся в руках его, что исполнение будет достойным образом соответствовать плану” [122, 301–302].

Я.В. Ханыков предполагал составить следующие четыре карты: 1) Аральского моря и Хивинского ханства; 2) озера Иссык-Куль с его окрестностями; 3) Северной Персии; 4) Каспийского моря.

Относительно этих планов подробно говорится в “Отчете РГО за 1851 г.”: “По поручению совета он приступил к составле-

нию в 50-верстном масштабе 4 карт... Карта Каспийского моря и прибрежных его стран должна представить полный свод результатов, добытых новейшими исследованиями, описями и съемками Басаргина, Бутовского, Берга, Эйхвальда, Карелина, Васильева, Иванина и Жеребцова. Карта Северной Персии заключает точное, сделанное преимущественно на основании трудов Лемма и Бларамберга, изображение пространства между 35° и 40° северной широты и 61° и 81° восточной долготы. На карте озера Иссык-Куль будет изображено, также на основании новейших источников, пространство между 40° и 48° северной широты и между 86° и 102° восточной долготы от Ферро, то есть часть земель сибирских киргизов, Кокан, северо-восточный предел Бухарского ханства, северная часть Китайского Туркестана, область Бурутов и часть Западной Монголии. Наконец, карта Аральского моря и Хивинского ханства, составленная по исследованиям Никифорова, Данилевского, Базинера, Лемма, Бутакова и Поспелова, посвящается пространству от 37° до 47° северной широты и от 74° до 82° восточной долготы” [125, 51].

Карта Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями была готова уже в 1850 г. [20]. Она должна была пояснить публиковавшиеся в “Записках РГО” статьи Г.И. Данилевского “Описание Хивинского ханства” [63] и А.И. Макшеева – участника экспедиции А.И. Бутакова 1848–1849 гг. – “Описание Аральского моря” [92]. Первая из них, написанная после поездки ее автора в Хиву в 1842 г., с тех пор хранилась среди секретных материалов Генерального штаба и еще не была напечатана.

Карта была представлена собранию РГО 18 ноября 1850 г. Об этом событии в “Географических известиях” [467–468] сообщалось следующее:

“Я.В. Ханыков предъявил составленную им по поручению общества карту для пояснения помещенных в V части “Записок РГО” статей г-на Макшеева об Аральском море и г-на Данилевского о Хивинском ханстве и занял собрание изустным изложением оснований, руководивших его при составлении сей карты. Обратив сначала внимание вообще на недостаток географических изысканий относительно Средней Азии и на необходимость составлять общие карты ее из произведенных разновременно отрывочных съемок, рекогносцировок и описаний, при свode которых представляется картографу обширное поле произвола, г-н Ханыков изложил всю важность при таких обстоятельствах подробного указания употребленных источников и способа их применения. Представив затем в беглом и живом очерке политическую судьбу изображенной им на карте страны начиная с XIII в., сношения ее с Россией, торговое значение вообще Средней Азии

в настоящее время и возрастающее значение собственно Хивы при постепенном развитии гражданственности в подвластных России странах, лежащих к юго-востоку от Урала, г-н Ханыков перешел к историко-критическому рассмотрению материалов для картографии Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями и разобрал при сем как сведения древних о сих странах, так и точнейшие сведения, постепенно о них приобретенные преимущественно русскими путешественниками с начала XVII в. В пояснение сего изложения г-н Ханыков представил ряд весьма любопытных старинных карт рассмотренной им части Средней Азии. Войдя после того в разбор карт Аральского моря и Хивы, изданных в настоящее время, г-н Ханыков заключил речь свою указанием на материалы, принятые им главным образом в руководство при составлении своей карты и изложением результатов сделанного им применения этих материалов.

Превосходно исполненный г-ном Ханыковым картографический труд и прекрасное изустное изложение предмета его сообщения, вызвали живейшее одобрение Августейшего председателя Общества и всего собрания, выраженное г-ну Ханыкову самым лестным для него образом, лично его Императорским Высочеством”.

Содержание этого доклада Я.В. Ханыков изложил в большой статье “Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями”, которая была опубликована 1851 г. в “Записках РГО” [21] (отдельный оттиск [22]). Она начинается следующим предварительным замечанием: “В ручном изображении стран, снятом по всем правилам геодезии, достаточно картографу оправдать принятую методу сокращения подробной съемки; гораздо большие критические обязанности лежат на том, кто приступает к изготовлению карты стран, знаемых из частей, не связанных общею сетью; труд этот соответствует тому, что называется в архитектуре восстановлением древних зданий по сохранившимся обломкам, с тою разницей, что от зодчего требуют главным образом ненарушимости общего характера древней архитектуры, картограф же обязан оправдать и малейшие подробности своей работы” [22, 1–2].

По содержанию статья подразделяется на две части: в первой дается общая характеристика пространства, изображенного на карте, включая историю его исследования, во второй – обзор картографического материала, находившегося в распоряжении Ханыкова.

Прежде всего он приводит очерк истории Хорезма, основанный на документальных источниках, в том числе сообщениях путешественников XVIII в., а затем доказывает ошибочность мне-

ния, что “в ученом смысле побережье Арала и низовья Аму-Дарьи не заслуживают... географического изучения” [22, 14].

Исходя из того, что “сопредельность независимых владений возбуждает обыкновенно отношения двух родов: торговые и национальные” [22, 15], Ханыков останавливается сначала на истории торговых связей России со Средней Азией, и особенно с Хорезмом. Он пишет о древности этих связей и показывает, ссылаясь на недавние нумизматические находки, что “торговый путь в Россию с берегов Джейхуна, или Аму-Дарьи, проложен был уже в VIII в.”; “уже в 1364 г. встречаем показания летописцев о присутствии в Нижнем Новгороде многочисленных хивинских и бухарских купцов”; а “с покорением Казани и Астрахани хивинские, бухарские и самаркандские владельцы начали часто отправлять посланцев ко двору Московскому для покровительства своих промышленников” [22, 15]. Однако для России Средняя Азия долго была “не целью, а только средством проникнуть в Индию”, и “деятельные и самостоятельные сношения России с этим пространством начались собственно с половины XVIII в., то есть основания Оренбурга и проложения Оренбургской линии” [22, 20]. Ханыков приводит таблицу данных о торговле России со Средней Азией с 1773 по 1848 гг. (по годам с указанием объемов привоза и вывоза товаров), анализирует ее состояние в середине XIX в. и доказывает ее государственную важность для России. Так как важнейшим условием развития торговли являются торговые пути, то очевидно, что Аральское море следует рассматривать как возможный водный торговый путь.

Переходя к государственным отношениям России со Средней Азией, Ханыков рассматривает вопрос о колонизации русскими завожских земель. “Большая часть главных переворотов в древних и средних веках Европы, – пишет он, – произошла вследствие движения народов изнутри Азии” [22, 26]. Последним из этих “движений многих разрушительных племен” было монгольское и, “выдержав первая в Европе натиск его, Россия 200-летним данничеством искупила Запад от нового губительного потрясения. В XVI в. покорение Казани, Астрахани и распространение русского владычества в Сибири открыло нам возможность менее страдательно противодействовать азиатскому влиянию на Запад; мы начали колонизировать Заволжье до берегов Камчатки, чтобы тем поставить оплот против дальнейших натисков среднеазиатского варварства на образованный мир. Эта колонизация, вполне оправдываемая обязанностью самосохранения, имела сверх того еще другое отличие от всех нерусских колонизаций: последние большей частью сопряжены были с истреблением или по крайней мере порабощением туземцев пришельцами; у нас,

напротив, колонизация постоянно вела к преобразованию инородцев, преимущественно мирным путем в русских граждан, к возможному уравниению туземцев в правах и выгодах с господствующим племенем. Эта высокая цель составит, несомненно, одно из блистательнейших отличий нашей истории, но она вместе с тем должна была иметь влияние на самый характер колонизации.

Во всех других колониях переселенцы начинали обыкновенно с ненависти и пренебрежения к туземному быту, с совершенного отчуждения от него и насильственного перенесения на новую почву незнакомых и нередко противных ей учреждений. У нас, напротив, колонизирующие первоначально как бы сами подчинялись влиянию туземцев, принимая, по-видимому кочевые привычки в ущерб оседлости... Среди кочевых туземцев совершается также другого рода преобразование: сначала эти племена, следуя первобытной привычке, переходят ежегодно огромные расстояния, останавливаясь на каждом месте лишь по нескольку дней; таковы еще доселе киргизы, зимующие за Сыр-Дарьей, которые между тем летом приходят на менку в Оренбург. Но вскоре круг кочевания целых общин ограничивается небольшими положительно определенными округами, как, например, у киргиз сибирских и букеевских, у волжских калмыков и кундовских татар. Затем возникает потребность проводить по крайней мере зиму в постоянных жилищах, у коих обыкновенно с весны, перед выходом на кочевье засеивается уже несколько хлеба, как у всех кочующих башкир. Наконец кочевка обращается лишь в кратковременную роскошь, в замену душных изб кибитками только на скоропреходящую безработную пору, как у некоторых башкир и мещеряков, вслед за тем совершенно забывается, и потому бродящих пастырей становятся полезными земледельцами, каковы большая часть племен, населяющих западное предгорье Южного Урала” [22, 26–28].

“Этот постепенный безнасильный процесс, – продолжает Ханьков, – совершается в Заволжье начиная с XVI в... Однако в истории русской колонизации на северных пределах Средней Азии есть замечательная эпоха, разграничивающая два разнотипных периода: до XVIII в. мы преимущественно заботились об ограждении своих пределов, действовали главным образом отрицательно; а с Петра Великого и в особенности со времени Анны Иоанновны начинается период положительной колонизации инородцев. Петр Великий ясно понял необходимость для обеспечения азиатских рубежей России и для пользы образования вообще не ограничиваться одной постройкой крепостей на окраинах Империи, а стараться о развитии гражданственности у соседей” [22, 28–29].

Упомянув о переходе Малой Киргизской Орды в подданство России и рассказав о постепенном “перенесении начал гражданственности русскими в глубь Средней Азии”, что выразилось в строительстве в 1820–1830 гг. военных укреплений в степи, Ханыков заключает: “Таким образом, в течение не более века Россия распространила зародыши оседлости и благоустройства на пространстве между 70° и 100° долготы и 45° и 55° широты и достигла этой цели без истребления туземцев, с весьма слабыми военными усилиями и, можно сказать, одной только административной распорядительностью. Все это постепенно придвигало нас с трех различных сторон к берегам Арала и к устьям Сыра и Аму-Дарьи, а потому естественно возвышало для нас значение оседлых, расположенных там владений” [22, 32].

Однако интерес к изучаемому пространству, по словам Ханыкова, не ограничивается торговыми и государственными интересами. Он указывает, что “приаральское пространство достойно в высшей степени любопытства метеоролога как место проявления наибольших крайностей материкового климата, относительно которого наблюдения, производимые по просьбе Академии наук в Раимском и Петровском укреплениях, скоро прольют несомненно большой свет”. Ученых привлекает и проблема перемены русла Аму-Дарьей, которая, по-видимому, прежде впадала в Каспийское море: “Замечательное отклонение Аму-Дарьи к Аралу после многовекового впадения Каспий не может не составить важного предмета изучения для геолога” [22, 32]. Большой научный интерес представляют также многочисленные археологические памятники в степи, клады древних монет, могильные украшения и т.д.

Во втором разделе статьи, посвященном обзору картографического материала, Ханыков описывает все известные путешествия в Среднюю Азию, благодаря которым был получен этот материал, приводит обзор всей существующей литературы по исследуемому вопросу и дает подробный анализ карт, находившихся в его распоряжении.

В дополнение к карте Аральского моря и Хивинского ханства Я.В. Ханыков вместе с Ю.В. Толстым опубликовал в 1850 г. “Список мест северо-западной части Средней Азии, положение которых определено астрономически” [11]. В этой работе приводятся таблицы 456 таких пунктов с указанием имени наблюдателя, года и способа наблюдения, а также значений полученных им широты и долготы. Были проанализированы все имевшиеся к тому времени источники и после критической оценки разных определений выбраны наиболее достоверные. “Книжка эта, – писали в связи с ее выходом “Географические известия” (1850. Вып. 3.

С. 671), – краеугольный камень, полагаемый в основание велико-лепного памятника, который воздвигается на пользу географии и картографии сочленом нашим Я.В. Ханыковым”.

В 1851 г. было опубликовано дополнение к этой статье, содержащее некоторые уточнения прежних данных и новые определения географических пунктов [17]. В “Отчете РГО за 1851 г.” сказано: “Двумя последними трудами доставляется в высшей степени полезное пособие всем занимающимся географией Средней Азии. Списки содержат в себе полный свод астрономических определений, сделанных как в прежнее, так и в новейшее время на пространстве от 34° до 55° северной широты и от 63° до 102° восточной долготы от Ферро. Чтобы сделать пособие это еще более полезным, г-н Ханыков составил в виде приложения к нему особую уже представленную Совету карту всех астрономически определенных пунктов Средней Азии с обозначением пространств и путей, исследованных европейцами” [125, 52].

В 1850 г. Я.В. Ханыков опубликовал также две работы о старинных картах, составленных в XVIII в. в Оренбурге после путешествий в Среднюю Азию: “Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740–1741 гг. поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным” [12], и “О карте Миллерова маршрута от Орска до Зюнгорских владений и обратно” [13]. В 1851 г. этот цикл работ был дополнен статьей “Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г.” [15]. Примечания Я.В. Ханыкова к публикуемому документу, по словам известного востоковеда Н.А. Халфина, “играют самостоятельную роль, ибо составлены одним из крупнейших в те годы знатоков истории и географии стран Средней Азии” [167, 60].

Работа Я.В. Ханыкова, основанная на огромном документальном картографическом материале, произвела большое впечатление и вызвала отклики, не всегда доброжелательные. Об этом свидетельствует его письмо к Д.А. Милютину⁸⁸, из которого видно, что в военном министерстве было начато дело о якобы незаконном использовании им “многих казенных материалов”, то есть карт, хранившихся как секретные документы. Он сообщает, что в связи с этим “было велено вызвать из архивной пыли рапорт Обручева военному министру от ноября месяца 1842 г.” с жалобой на “бывшего в Оренбурге Ханыкова” по такому же поводу, и просит Д.А. Милютину передать объяснения, состоящие в следующем:

1. “Ханыков, упоминаемый в рапорте, не я, а брат мой Николай; в этом легко удостовериться уже из того, что он именуется

⁸⁸ РГБ. Отд. рук. Ф. 169 (Милютиных). Картон 77. № 10.

титulyарным советником, тогда как я был в 1842 г. уже надворным советником. Сверх того, Обручев в рапорте пишет о Ханькове, недавно выехавшем из Оренбурга, а я окончательно оставил Оренбург в декабре 1841 г.; 14-го же мая 1842 г. находился за границей.

2. Сверх того, и брат мой был совершенно оправдан рапортом военному министру генерал-адъютанта Перовского от 3 февраля 1843 г.; было доказано, что Н. Ханьков составлял карту не секретно и не произвольно, а по представлению корпусного командира и не для себя, а для вице-канцлера, у коего эта карта находится доньне.

3. Вследствие этого сам военный министр... велел возвратить задержанные материалы и выпустить из тюрьмы чертежника, посаженного туда Обручевым.

4. Уже из этого очевидно, что воскрешенный из пыли рапорт к настоящему делу не относится. Но еще более подтверждает это следующее: если бы я и приобрел какие-либо материалы до 1842 г., они не могли бы мне послужить для карты, ибо она вся основана на исследованиях гораздо позднейших: изображение Хивы на рекогносцировках Данилевского 1843 г., изображение Киргизской степи на съемках 1844–1847 гг., изображение Аральского моря на рекогносцировках Бутакова 1848–1849 гг.

5. Всеми этими материалами я был вправе воспользоваться, так как они или уже обнародованы, или разрешены на обнародование...”

Продолжая работу над картами, Я.В. Ханьков на заседании РГО 23 января 1851 г. представил выполненную им карту озера Иссык-Куль и его окрестностей [30]. Завершить другие ему не удалось из-за отъезда в Уфу. Начатая карта Северной Персии была передана для окончания Н.В. Ханькову, служившему на Кавказе и активно участвовавшему в работе Кавказского отделения РГО. Однако он убедился в недостаточности материала, и это навело его на мысль о необходимости Хорасанской экспедиции [148, 327], которую ему удалось осуществить в 1858–1859 гг. [175].

Картами отдельных регионов Средней Азии, которые составлял Я.В. Ханьков, не исчерпывалась поставленная перед ним задача. В “отчете РГО за 1851 г.” говорится: “Независимо от частных карт Средней Азии, изготовляемых или изготовленных г-ном Ханьковым, Общество, как известно, приступило еще к составлению и изданию общей карты северо-западной части азиатского материка. В этой карте, на которой сведены будут в одно целое результаты всех обнародованных в последнее время исследований, изображено будет на 6 листах, в масштабе 50 верст в дюйме, по проекции Гаусса, пространство Азии между 33° и 55°

северной широты и между 65° и 100° восточной долготы от Ферро [125, 52].

Решение этой задачи было возложено на Я.В. Ханькова и крупнейшего геодезиста А.П. Болотова (1803–1853) [146а]. Они немало потрудились над ее составлением, и в 1851 г., как говорилось в отчете РГО, были совершенно готовы четыре листа; ожидалось, что “два остальные будут приведены к окончанию в течение нынешнего же года” [146а]. Однако эта надежда не оправдалась: отъезд Ханькова в 1852 г. и смерть Болотова в 1853 г. остановили работу над картой. Попытки Совета РГО найти желающего продолжить “такой обширный и сложный труд” не увенчались успехом, а “затем прошли годы, сделанная работа устарела, а постепенное занятие Туркестана и масса совершенных там съемок и геодезических работ постепенно вывели картографию Средней Азии из того гадательного положения, в котором она находилась в рассматриваемый период, и в издании устаревшей карты уже не было надобности” [148, 89–90].

В отчете РГО за 1851 г. приводятся сведения еще об одном неудачном картографическом проекте – составлении генеральной карты всей Азии на средства, пожертвованные для этой цели П.В. Голубковым. В 1849 г. был заключен контракт на ее изготовление с немецкими картографами из Веймарского географического института, а в 1850 г. получен корректурный экземпляр карты [125, 53]. Он был передан для рассмотрения “лучшим в то время в среде Общества знатоков картографии Азии – А.П. Болотову и Я.В. Ханькову” [148, 88], которые его забраковали [23]. Карта была возвращена для исправления ошибок и дополнения ее новыми результатами, полученными к этому времени. Последовали переписка и конфликт с составителем, а в 1858 г. карта была признана бесполезной, и от нее отказались. “Так неудачно, – пишет А.А. Семенов, – кончилась попытка разработать русскую картографию через посредство лучших иностранных картографов” [148, 88].

Итоги работы

Картографические работы Я.В. Ханькова получили у современников самую высокую оценку. В 1850 г. в “Географических известиях” (Вып. 4. С. 672) говорилось: “Количество трудов, предпринятых и уже совершенных г-ном Ханьковым для Императорского Русского географического общества в течение последнего времени, может изумить самых ревностных и деятельных тружеников науки, тем более что основательность и ученое достоинство этих трудов удовлетворяют самым строгим требова-

ниям. Если бы подобной деятельностью, сведениями и талантом обладало бы, на пользу Обществу, еще несколько членов, то нет сомнения, что в самое короткое время далеко бы оставило оно за собой все однородные учреждения, существующие за границей уже десятки лет”.

В отчете РГО за 1851 г. отмечалось признание заслуг Я.В. Ханькова зарубежными учеными: “Важное значение и польза всех этих трудов оценены по достоинству европейским ученым миром. Знаменитейший из представителей современной науки барон Александр Гумбольдт приветствовал нашего даровитого сочлена в высшей степени лестным для него письмом; Парижское географическое общество издало на свой счет на французском языке карту Аральского моря, а его величество король Прусский прислал г-ну Ханькову вместе с милостивым рескриптом орден Красного Орла второй степени” [125, 52].

Текст письма Гумбольдта к Я.В. Ханькову, датированного 16 декабря 1851 г., был зачитан на общем собрании РГО 19 января 1852 г. и опубликован в “Вестнике РГО” [57]. Письмо начинается с выражения “живейшей и искреннейшей благодарности за драгоценные подарки – описание Аральского бассейна (по словам Гумбольдта, “истинной *Terra incognita*”) и приложенную к отчету генеральную карту Северной Азии, “на которой искусно обозначены места, еще не исследованные”. Эта карта, – пишет он, – заставляет “изумиться успехам ваших соотечественников с тех пор, как я оставил эти страны”.

Далее Гумбольдт объясняет задержку с ответом на послание Ханькова. “Так как после вас, – говорит он, – я считаю себя одним из лиц, принимающих наибольшее участие в огромных трудах, которыми русские наблюдатели обогатили в течение последнего двадцатилетия географию северо-восточной Азии, то такое кажущееся равнодушие должно было вам показаться тем более странным, что вы знаете, как еще с 1844 г. высоко я ценю ваши прекрасные труды”.

Он пишет, что его молчание было вызвано желанием получить сначала от короля Пруссии распоряжение о награде для Ханькова: “Я должен был замедлить ответом, чтобы быть более уверенным в возможности оказать вам знак моей чувствительной благодарности”. По его словам, он искал встречи с королем, чтобы представить значение “большого и прекрасного труда, исполненного среди стольких других занятий”, и тот достойно оценил “политическую и торговую важность подобной описи Аральского бассейна”. “Привыкнув к поучительным разговорам Риттера”, прусский король “вполне постиг цель проведенных трудов”, а написанный Ханьковым отчет РГО за 1850 г. “доставил Его Вели-

честву тем более удовольствия, что распространение географических исследований в окрестностях озера Иссык-Куль ведет в другой, неведомый мир вулканической цепи Тхан-Шан”.

Гумбольдт сообщает, что “во изъявление знака своего высокого уважения” к Ханыкову король Пруссии пожаловал его званием кавалера ордена Красного Орла второй степени. Далее он дает оценку трудов Ханыкова и перечисляет задачи, которые стоят перед географами, изучающими Среднюю Азию.

Гумбольдт пишет: “Ваш список астрономических пунктов есть один из полезнейших трудов и приводит меня в восхищение. Где бы мог я найти собранные вместе результаты путешествия г-на Федорова в 1832–1837 гг.? Отчего в продолжение стольких лет прекрасный астрономический труд этот не издан еще во всей своей полноте?

То, что вы уже напечатали, и то, что еще собираетесь напечатать из старинных реляций и в особенности из журнала Флорио Беневини (1721–1725), весьма важно

При новом издании моей *Asie Centrale* я воспользуюсь вашим любопытным замечанием об отсутствии соединения между Мугоджарскими горами и северо-восточной оконечностью Усть-Юрта.

Я, как и прежде, желал бы иметь наблюдение широты, сделанное в самой Хиве. Без сомнения, широта южной оконечности Аральского моря определена в точности; но неужели небольшое расстояние от этой оконечности озера до города Хивы все еще так мало достоверно, что по этому поводу существует столько сомнений? Я желал бы также точнейшего определения положения Самарканда, столь важного в истории астрономии, ибо по сему предмету в арабских рукописях существует разногласие от 37°30' до 40°9'... Борнс нашел для Бохары 39°43'40"; на том же остановился в 1841 гг. и ваш брат, тот самый, кажется, который теперь находится в Тифлисе и о котором князь Воронцов в длинном письме, которое ему угодно было ко мне написать, отзываясь с величайшими и вполне заслуженными похвалами.

От всей души желаю, милостивый государь, чтобы вы в скором времени имели возможность окончить предпринятую вами большую карту, обнимающую пространство между 48° и 42° широты и 84°–74° долготы”.

Гумбольдт заключает письмо словами: “Мое здоровье чудесным образом сохранилось в летах столь невероятных, и труд сохраняет его”. В связи с этим примечательны слова, сказанные им в начале письма: “Отчего не могу я дожить до того времени, когда бы мог видеть в геологическом кабинете обломок скалы Тимурту-Таг, из того места, где переходит через Тхан-Шан на дороге в Аксу!”.

Научные успехи Я.В. Ханькова, его растущая популярность в ученом мире и энергия, с которой он брался за дело, принесли ему всеобщее уважение. Об этом свидетельствует избрание его 1 апреля 1851 г. на должность секретаря РГО. Об обстоятельствах, при которых он взял на себя этот нелегкий труд, П.П. Семенов писал: “Особенно много трудов при вице-председательстве М.Н. Муравьева выпало на долю секретарей Общества. Через год по избрании Муравьева (в марте 1851 г.) прекрасно образованный, способный и трудолюбивый А.К. Гирс, утомленный не знавшею покоя и отдыха деятельностью вице-председателя, отказался от своей должности и был замещен талантливым и чрезвычайно преданным интересам географической науки Я.В. Ханьковым” [148, 60].

Как видно из отчета РГО за 1851 г. [125], сообщений в “Вестнике РГО” и книги П.П. Семенова [148], Я.В. Ханьков отнесся к новой должности со всей серьезностью и весьма активно участвовал в руководстве многосторонней работой общества. В 1851 г. он также состоял членом редакционного комитета РГО и был введен в комиссию по обработке сведений о географической терминологии.

Однако вскоре Обществу пришлось выбирать нового секретаря. В отчете РГО за 1851 г. сказано: “Г-н Ханьков, исполнявший обязанности секретаря в течение восьми с половиной месяцев, успел в это короткое время значительно способствовать расширению круга деятельности Общества, оживлению сношений с иностранными учеными и полезному направлению большей части его ученых работ, а в особенности работ картографических. Всемилоостивейше назначенный исправлять должность оренбургского гражданского губернатора, г-н Ханьков должен был оставить звание секретаря, к сожалению всего Общества, изъявившего ему благодарность свою за многочисленные оказанные им услуги” [125, 12].

На заседании 19 января 1852 г. было доложено прощальное письмо Я.В. Ханькова, который отсутствовал из-за происшедшей в это время семейной трагедии. Письмо, адресованное М.Н. Муравьеву, было опубликовано в “Вестнике РГО” (1852. Ч. IV. Кн. VII. С. 20–22). В нем говорится: “Я вынужден покорнейше просить Ваше превосходительство о сложении с меня звания секретаря Императорского Русского географического общества. Искренне сожалею, что по кратковременному исполнению этих обязанностей я не мог оправдать доверия, оказанного мне назначением в должность секретаря и что в настоящую минуту домашние обстоятельства препятствуют мне лично выразить Обществу и в особенности Совету живейшую благодарность за бла-

госклонную снисходительность к моим начинаниям по заведованию производством общества”.

Далее Ханыков пишет, что передаст своему преемнику “в подробности все, что нужно по Обществу”, и дает отчет по “занятиям, лично на него возложенным”. Он сообщает, что “карта озера Иссык-Куль окончена, но издание ее отложено было, потому что она должна была войти в состав общей карты северо-западной части Средней Азии”; теперь ее отсылают в Веймар и “для предупреждения первоначального обнародования очерка на немецком языке” он предлагает “издать литографию этой карты теперь же при одном из номеров “Вестника”.

“Северный лист карты Каспийского моря, – пишет он далее, – мною окончен, остается сделать в нем лишь небольшие исправления; в южном труднейшая часть работы уже довершена и остановилась в ожидании из-за границы карт Персии, Монтейса и Сутерленда; я надеюсь довершить эту работу до отъезда из Санкт-Петербурга”.

“Из составляемой А.П. Болотовым и мной карты северо-западной части Средней Азии, – продолжает Ханыков, – четыре листа почти уже окончены; мне неизвестно, могут ли быть довершены два остальных до 1 февраля, но во всяком случае я оставляю А.П. Болотову все нужные по сему предмету материалы. Основание пояснительному тексту к этой карте положено изданием списка астрономических пунктов северо-западной части Средней Азии. Дополнения и исправления этого списка мною уже отпечатаны; сверх того, составлена новая исправленная к нему карта с обозначениями пространств, исследованных европейцами; начало пояснительного текста к этой карте должно было быть представлено в декабрьское собрание Общества и, хотя я не могу сего исполнить, однако же, если Совету угодно будет разрешить налитографирование моей карты при “Вестнике”, я надеюсь окончить статью до отъезда”.

Относительно карты Персии, еще не начатой, Ханыков пишет: “Карта Северной Персии, следующая к статье Бларамберга, легко может быть составлена по довершении южного листа Каспийской карты, так как вся нужная часть Персии, за изъятием восточной оконечности Хорасана, войдет в означенный лист”.

Следующий пункт отчета касается перевода “Землеведения Азии” Риттера: “К переводу седьмой части Риттера приступлено и уже около трети тома переведено; довершение сего под моим надзором я принимаю на себя и в отсутствии”.

В заключение Ханыков сообщает о работе над географической терминологией: “Выборка географических терминов из Академического словаря уже сделана, но требует еще пополнения.

Если Совету угодно будет предоставить эту работу моему руководству, я буду иметь честь составить по этому предмету особое соображение”.

Таким образом, Я.В. Ханыков надеялся, что ему удастся продолжить научные исследования и в частности завершить начатые картографические работы.

Совет РГО определил: “1) уведомить Я.В. Ханыкова, что он вполне соглашается со всеми изложенными им предложениями и просит его привести их в исполнение; 2) изъявить живейшую благодарность Общества Я.В. Ханыкову за все труды его как по званию секретаря, так и в качестве действительного члена Общества; 3) сообщить ему, что Общество искренне сожалеет о представившейся необходимости лишиться его прямого и непосредственного содействия, ознаменовавшегося в короткое время исправления им должности секретаря и участия в трудах Совета замечательными успехами по всем отраслям занятий Общества и значительным распространением самого круга его действий; 4) просить Я.В. Ханыкова на будущее время оказывать Обществу то же полезное содействие, которым он отличался с самого времени его вступления в число действительных членов Общества”.

На этом же заседании в отсутствие Я.В. Ханыкова был зачитан рескрипт короля Пруссии на его имя, в котором сообщалось о награждении его орденом Красного Орла второй степени.

“Господин Ханыков!

Я получил с живейшим участием важный труд, коим вы недавно обогатили вновь столь несовершенную географию северо-западной части Средней Азии. Обширный бассейн Аральского моря, на котором плавают ныне суда Императорского флота, был страной неведомой. При взгляде на прекрасную карту, которую вы взяли на себя труд начертить с одинаковыми точностью и изяществом, нельзя не проникнуться мыслью, что постепенное основание постоянных поселений, продвигаясь на юг, мало-помалу откроет доступ образованию и более кротким нравам в сопредельные страны, в Хоканд и Бохару. Я весьма ценю, милостивый государь, пожертвование времени, которое, посреди стольких других занятий, вы сделали, чтобы на основании искусно разобранных астрономических наблюдений построить карту, изображающую очертание Аральского моря, островов, на нем находящихся, затопленной дельты древнего Оксуса и части доселе неизвестного персидского Ширвана. Изъявляя вам выражение моей признательности, я с удовольствием жалую вас кавалером второй степени моего королевского ордена Красного Орла. Мой посланник при Императорском дворе вручит вам знаки этого орде-

на. За сим молю Бога, господин Ханыков, да сохранит он вас под своим святым и благим покровом. Шарлоттенбург. 22 декабря 1851 г.”

Это выражение международного признания научных заслуг Я.В. Ханыкова было не единственным в тяжелые для него дни личной трагедии и прощания с РГО. На заседании 15 декабря было зачитано письмо секретаря Парижского географического общества Ларокета, в котором он уведомлял Ханыкова, что составленная им карта Аральского моря и Хивинского ханства “награвирована с французскими надписями на счет Парижского общества и поступила в продажу” [23].

На заседании 13 февраля 1852 г., в котором Ханыков принимал участие, был зачитан рескрипт председателя РГО великого князя Константина Николаевича: “Яков Владимирович! Со времени назначения вас секретарем Императорского Русского географического общества труды ваши на пользу Общества обращали на себя постоянно мое внимание. Я видел с особенным удовольствием развитие деятельности его и ценил вполне степень вашего участия в оной. Ныне с отъездом вашим из Санкт-Петербурга для управления одной из важнейших губерний Географическое общество лишается в вас деятельного и просвещенного секретаря. Искренно сожалея об этой потере, мне приятно выразить вам мою признательность за последние труды ваши и пожелать полного успеха на новом поприще службы” [125, 55–56].

Глава 4

Последние годы

Покидая столицу, Я.В. Ханьков надеялся, что ему удастся продолжить научные последования и завершить начатые картографические работы. Оказалось, однако, что новая должность – даже при его редкой энергии и целеустремленности – возможности для этого почти не оставляла. Сказалось также состояние здоровья, резко пошатнувшегося после перенесенного несчастья. Тем не менее своих намерений Ханьков не оставлял и всегда был уверен, что еще сумеет осуществить намеченные научные планы.

После переезда в Уфу он прежде всего решил оживить научную деятельность в Оренбургском крае и сразу привлек к сотрудничеству газету “Оренбургские губернские ведомости”. В ней и раньше печатались материалы по истории и географии края, а теперь эта деятельность активизировалась настолько, что, по словам историка Оренбуржья П.Н. Столпянского (1872–1938), в 1853–1854 гг. неофициальная часть газеты по богатству содержания представляла собой “редкое, почти беспрецедентное явление в провинциальной литературе” [82, 131].

Уже 19 апреля 1852 г., то есть сразу по приезду, Я.В. Ханьков опубликовал (правда, без подписи) интересный исторический документ – автограф письма А.В. Суворова к князю Потемкину, датированное 1784 г. и хранившееся, как сказано в газете, среди “бумаг одного из проживающих в Уфе любителей отечественной истории”. “Хотя мы и не имеем в настоящей минуту под рукой, – говорится в сопроводительной заметке, – всех нужных материалов для проверки, не вошло ли это письмо в состав обнародованных уже сборниками писем князя Суворова, тем не менее решаемся не отсрочивать напечатания письма, дабы не лишать историкографов великого полководца одного из оригинальнейших произведений его пера”.

О том, что эта публикация принадлежит Я.В. Ханькову, свидетельствует его письмо от 22 апреля 1852 г. к внуку полководца А.А. Суворову, с которым ему довелось общаться в Риге. Это письмо находится в отделе рукописей Российской Национальной

библиотеки¹. Прилагая к нему текст публикации из “Оренбургских губернских ведомостей”, Ханыков писал: “Найдя в семейном архиве нашего рода собственноручное письмо знаменитого деда вашей светлости с пометою на письме князя Таврического, я счел долгом издать этот исторический документ в неофициальной части ведомостей вверенной мне губернии и поставляю себе приятной обязанностью один оттиск этого прибавления представить при сем вашей светлости”.

Ознакомившись с состоянием научных исследований в Оренбургском крае, Я.В. Ханыков сообщил о них в письме секретарю Русского географического общества, которое было опубликовано в вестнике РГО за 1852 г. [26]. Заметив, что “здесьняя географическая деятельность довольно обширна”, Ханыков пишет о топографической съемке, проведенной к востоку от Тургая и на пространстве к югу от половины Устьюрта, которая “обнаружила важный географический факт, что плоские возвышенности на восток от Тургая оканчиваются обрывом, совершенно похожим на Чинк Устьюрта, то есть обрисовывают северо-восточную окраину моря, соединявшего некогда Арал и Каспий”.

Он отмечает исследования в Индерских горах и в устье Урала, которые начал проводить Г.С. Карелин, в 1852 г. поселившийся в Гурьеве [38].

Ханыков пишет, что по распоряжению В.А. Перовского составляются инструкции для “астронома, которому поручено будет определять возможно большее число пунктов в Оренбургской губернии”, и “геолога, который в будущем году приступит к изготовлению геогностической карты Южного Урала”.

Он упоминает также первые научные успехи В.В. Веляминова-Зернова, который “провел все лето в Киргизских степях по Эмбе для филологических и этнографических наблюдений”,

О своей работе Ханыков пишет следующее: “Под моим руководством составляется из ревизских сказок список всем селениям Оренбургской губернии”. Далее замечает: “Генерал-майор Благрамберг изготовлял для Географического общества карту северной Персии по материалам, которые я сообщил ему”, – и сообщает, что решил полностью передать ему окончание этой работы. И.Ф. Благрамберг был автором опубликованной в 1850 г. в “Записках РГО” статьи “Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря от Астрабадского залива до мыса Тюк-Карагана” и в это время готовил к печати свою работу “Статистическое обозрение Персии”, которая находилась в архиве Главного штаба и долго считалась секретной.

¹ РНБ. Отд. рук. Ф. 755 (Суворовский сборник). Т. 15. Л. 82.

Кроме лиц, названных в этом письме, Я.В. Ханыкову были известны и другие местные исследователи, которые изучали историю, этнографию и географию Оренбургского края и систематически печатались в “Оренбургских губернских ведомостях”. Среди них – землемер лесного отдела Оренбургской палаты государственных имуществ В.С. Лосиевский, старшие учителя губернской гимназии В.В. Завялов и П.П. Чоглоков, учитель челябинского уездного училища М.Н. Ястребов, помощник столоначальника оренбургской Пограничной комиссии В. Зефиров и др. Позже в газете начал печататься и В.М. Черемшанский, опубликовавший в 1859 г. замечательный труд “Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении” [181].

Ханыков принял меры, чтобы поощрить уже работающих и привлечь новых исследователей. В номере от 6 сентября 1852 г. в газете появилось сообщение о планах ее издания в 1853 г. Читатели оповещались, что официальная часть “Оренбургских губернских ведомостей” будет прежней, а для неофициальной предложена новая программа.

1. Местные известия.
2. История Оренбургского края:
 - подлинные грамоты и документы;
 - анекдоты, записки современников, воспоминания;
 - отдельные статьи о разных эпохах местной истории.
3. География и статистика Оренбургского края:
 - статистические данные, числовые и описательные;
 - географические известия и указания;
 - географические и статистические описания.
4. Библиография:
 - указание сочинений и отдельных статей, относящихся к истории, географии и статистике Оренбургского края;
 - отчеты о современных сочинениях, русских и иностранных, по означенным предметам.
5. Словесность.
6. Смесь.
7. Известия о прибывших и выехавших.
8. Частные объявления.

Далее следовало пояснение: “Редакция не позволяет себе ругаться в том, что с самого начала выполнит всю предложенную программу с желаемой полностью и точностью; по крайней мере она употребит все зависящие от нее способы к возможному достижению этой цели. Что касается материалов, то редакция имеет уже значительный запас их: источники официальных сведений, предоставленные ей г-ном начальником губернии, богатое

собрание географических и статистических данных приобретенных его превосходительством во время пребывания в Оренбургской губернии с 1836 по 1842 гг., его библиотека, а также библиотека здешней гимназии представляют средства к разнообразным исследованиям”. Таким образом, Я.В. Ханыков открыл всем, кто интересовался историей, географией и статистикой края, доступ к своей библиотеке и богатейшей коллекции документов, которую он собирал долгие годы.

Читатели извещались также, что “принятые меры к получению улучшенных периодических изданий, русских и иностранных, дают возможность следить за современными явлениями науки и литературы, особенно в том, что относится к здешнему краю и соседственным с ним землям Средней Азии”.

“Остается только пожелать, – говорится далее в редакционной статье, – чтобы любители и знатоки местной истории и географии оказали свое содействие в обрабатывании этих материалов, а потому редакция приглашает желающих воспользоваться запасами сведений, состоящих в ее распоряжении”.

В заключение редакция сообщала “об участии, которое примут в ее трудах старшие учителя здешней гимназии В.В. Завьялов по части истории и библиографии и Ф.Ф. Фомин по части метеорологии и физики”.

Этот призыв нашел отклик у исследователей. Для возбуждения интереса к краеведению немалое значение имела работа В.В. Завьялова, который начал в 1852 г. публикацию большой серии статей “Об источниках и пособиях для изучения Оренбургского края и соседственных земель Средней Азии”, в которых приводил “по возможности полные указатели того, что писано о крае”.

Во вводной статье, вышедшей 16 августа, Завьялов пишет: “Оренбургский край по своей обширности, естественным богатствам, разноплеменности обитателей и по историческим судьбам своим есть одна из самых замечательных провинций нашего отечества. Широко раскинувшись на рубеже Европы и Азии, он сделался одним из главных соединительных пунктов между этими частями света и уже издавна привлекал к себе любознательную пытливость ученых, старавшихся познакомить европейскую науку с природой и историей Урала и окружающих его степей. С самых древних времен сюда стекались путешественники и, несмотря на разнообразие своих частных целей, обогащали науку новыми данными... Труды Бернса, Гумбольдта, Мурчисона, Ханыкова, Гельмерсена и Эверсмана, по общему приговору строгой критики, положили начало для будущих исследователей. Только одни исторические судьбы нашего края совсем почти не разрабатывались: то, что написано об этом, большей частью не выдер-

жит самой легкой исторической критики. А между тем и официальные документы, изданные правительством, и записки путешественников, и сочинения восточных писателей представляют богатые материалы для историка”.

В декабре 1850 г. В.В. Завьялов опубликовал статью “Успехи развития азиатской географии в последние 15 лет” [74], в которой привел отрывок из предисловия А. Гумбольдта ко второму изданию его “Центральной Азии”, где еще раз отмечены научные заслуги Я.В. Ханькова. Гумбольдт писал в частности: “Я уже воспользовался многими драгоценными указаниями состоящего при Министерстве внутренних дел статского советника Я. Ханькова, которого продолжительное пребывание в Оренбурге было весьма полезно для ближайшего ознакомления с южной оконечностью Урала и степями, простирающимися на восток и юго-восток к Аральскому морю”.

Среди опубликованных в “Оренбургских губернских ведомостях” работ, в которых реализовались идеи Я.В. Ханькова об изучении края, особое место занимает исследование В.В. Вельяминова-Зернова “Исторические сведения о киргиз-кайсаках и о сношениях России со Средней Азией со времени кончины Абул-Хайр Хана (1748–1765)”. Оно было основано на выписках из дел, хранившихся в архиве оренбургской пограничной комиссии, и печаталось в виде серии статей в 1853–1854 гг.

Для повышения интереса к научным исследованиям использовались конкурсы, которые объявлялись Русским географическим обществом, Академией наук и министерствами, а также распространявшиеся ими анкеты. Так, 30 мая 1852 г. в газете были опубликованы задачи по математической и физической географии, этнографии и статистике, предлагавшиеся на конкурс отделениями РГО, а 7 июня появилась предложенная Академией наук “программа для собирания образцов народного языка и словесности”, в том числе местных наречий, устной и письменной словесности.

Как видно из архивных документов, Я.В. Ханькову приходилось и непосредственно заниматься сбором требуемых материалов. Например, 21 июня 1852 г. он обратился к Оренбургской городской думе и, указав, что она не представила ответов на вопросы анкеты РГО, разосланной еще летом 1851 г. и касавшейся главнейших отраслей торговли города Оренбурга, потребовал, чтобы “сказанные сведения” были предоставлены ему “со всевозможной скоростью и не позднее 1 ноября сего года для предварительной их проверки и отсылки потом по принадлежности Географическому обществу”². А 22 июня им была направлена в

² ГАОО. Ф. 368. Оп. 1. № 422. Л. 3–3 об.

Оренбург программа РГО “О торговле железом” с просьбой сообщить необходимые данные к 1 января 1853 г.³ Из архивного дела видно, что требования гражданского губернатора были выполнены в срок.

Однако, несмотря на стремление Я.В. Ханыкова не прерывать своей научной работы, ее интенсивность неизбежно уменьшилась из-за загруженности административными делами. Уже 22 апреля 1852 г. в одном из писем он писал о своем распорядке дня: “С утра до 3 часов суета приема, непрекращающийся поток донесений и пр. Затем обед, сон и прогулка, а после – чтение журналов губернского правления, копий приказов моей канцелярии, продолжающееся до вечера, потом сон и завтра то же самое”⁴. В дополнение к прочим обязанностям появлялись и новые: 11 июня 1852 г. Ханыков был “утвержден вице-президентом Оренбургского губернского попечительного комитета о тюрьмах”⁵.

По сообщениям в “Оренбургских губернских ведомостях” можно проследить, как много пришлось Я.В. Ханыкову в первые месяцы службы в Уфе поездить по губернии, и как часто он должен был присутствовать на разного рода торжествах и собраниях. Так, 21 июня 1852 г. газета напечатала следующее сообщение из Мензелинска: “7 июня в воскресенье, поутру в 7 часов прибыл в наш город начальник губернии Яков Владимирович Ханыков. В 10 часов его превосходительство при начале благовеста изволил прибыть ранее всех к литургии в Николаевский собор, где и отслушал обедню. После обедни в квартире его превосходительства имели честь представляться ему некоторые здешние дворяне и служащие чиновники. В тот же день после обеда его превосходительство изволил посетить тюремный замок, градскую больницу, осмотрел пожарную команду, казенные и общественные здания, обозрел город, а на другой день изволил ревизовать приственные места”.

24 июня он присутствовал на “публичном акте Оренбургской гимназии за 1851–1852 академический год”. Газета сообщает, что “по прибытии его превосходительства начальника губернии, камергера Его Императорского величества Я.В. Ханыкова, почетного духовенства, гражданских и военных чинов в зал гимназии акт начался пением молитвы..., затем старший учитель Левандовский произнес прекрасную речь “Об отношении наук к человечеству”. После концерта, исполненного архиерейскими певчими, секретарь педагогического совета гимназии старший учитель

³ Там же. Л. 11–14.

⁴ РГБ. Отд. рук. Ф. 169. № 1102. Л. 47.

⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. № 11615/7. Л. 30 аб.

Завьялов прочел отчет о состоянии Оренбургской гимназии за истекший академический год и провозгласил имена переведенных и награжденных учеников”.

В июле торжественно, с вечерней иллюминацией города отмечались дни рождения императора и императрицы, а в августе – день их коронации. На торжествах присутствовали гражданский губернатор Я.В. Ханыков и вице-губернатор Г.С. Аксаков (1820–1891), сын С.Т. Аксакова, назначенный на эту должность 23 апреля 1852 г.

19 июля газета помещает красочное описание праздника, посвященного выносу чудотворной иконы Казанской Божьей Матери на место ее явления в село Богородское. Состоялось шествие, причем “чудотворная икона несена была городом, в предшествовании духовенства и хоругвий, начальником губернии Я.В. Ханыковым, вице-губернатором Г.С. Аксаковым, камер-юнкером двора Его Императорского Величества С.Е. Головиным и другими лицами высшего сословия”.

В сентябре Я.В. Ханыков совершил поездку по губернии, а в августе и октябре ездил в Оренбург.

Однако, несмотря на загруженность служебными делами, в 1852 г. ему удалось написать две научные статьи, опубликованные 1 января 1853 г. в первом номере “Оренбургских губернских ведомостей”. Впервые их рассмотрела в 1971 г. Б.А. Вальская [44], сделавшая вывод, что эти “забытые работы Ханыкова должны занять достойное место в истории географии в нашей стране”[44, 235].

Первая статья озаглавлена “Географические очерки Оренбургского края” [28] и носит подзаголовок “Географическое изучение Оренбургского края”. Она представляла собой лишь вступительный очерк, и Я.В. Ханыков предполагал опубликовать продолжение, но оно так и не последовало. Тем не менее эта работа, в которой рассматриваются теоретические вопросы географии XIX в., по оценке Б.А. Вальской “имеет важное значение для изучения истории развития русской географической мысли”[т44, 233]. Основательный анализ статьи Ханыкова дала Н.Г. Сухова в книге “К. Риттер и географическая наука в России”[159. 143–144].

Приступая к географическим очеркам Оренбургского края, Ханыков стремится определить “начала”, которые ему при этом следует принять к руководству. Он утверждает, что “всякая наука имеет целью определить законы для частных явлений, входящих в область ее исследования”, а поэтому и для землеведения должны быть установлены “верные начала принятой теории”. Без этого “землеведение мало полезно и даже невозможно” [44, 8].

Главным, с его точки зрения, является определение “характеристических черт” отдельных частей земной поверхности и выявление, “на какие подобные участки подразделяется означенная поверхность”, какие географические отличия свойственны каждому участку и какое влияние эти отличия имели “на историческую судьбу его” [44, 6]. Другими словами, главной в землеведении является проблема районирования, успешное решение которой “значительно затрудняется обширностью предмета землеведения и разнообразием признаков, на соображение которых должны быть основаны характеристика и классификация разных частей земной поверхности”.

Ханыков замечает, что безотчетная потребность в такой классификации “замечается в истории развития географических понятий и сведений у всех племен”, но это была случайная и потому неудовлетворительная классификация. Заслуга введения научной классификации, преобразовавшей и усовершенствовавшей землеведение, по его словам, “несомненно, принадлежит бессмертным трудам Гумбольдта и Риттера”; они доказали, что “необходимо было с точностью определить все существенные признаки, могущие иметь решительные влияние на географическое значение страны, затем показать, на каких пространствах разнообразно проявится совокупное действие этих свойств и подтвердить справедливость этих видов частным, подробным исследованием описываемого пространства” [44, 8].

Чтобы составить систематическую географию некоторого пространства, считает Ханыков, описываемое пространство должно составлять “самостоятельное географическое целое”. Иначе, даже если “указать астрономическое положение каждого места, исчислить горы и реки, в нем находящиеся, обозначить или показать географические, ботанические и этнографические отличия его, перечислить важнейшие исторические события в нем”, то при всей добросовестности составления этого труда “он будет только сборником географических материалов, а не географией страны” [44, 8–9].

Ханыков пишет: “Точно так, как нельзя написать истинно художественной истории одного какого-либо случайно взятого года, а необходимо либо указать, какой момент составляет описываемый год в общей жизни народа, либо избрать предметом самостоятельный период или историю целого народа или по крайней мере биографию замечательной личности, точно также легко составить географический очерк любой губернии, но не всякая губерния, то есть пространство, определенное произвольными границами, может иметь свою географию”. Разъясняя сказанное, он замечает: “Можно написать географию Кавказа или За-

кавказья, и невозможна, по нашему мнению, география, например Чебоксарского уезда” [44, 9].

Право выделения самостоятельного географического целого основывается, по Ханыкову, на учете совокупности “всех вышеперечисленных категорий географического описания”, но иногда для этого оказывается достаточным “влияние одного характеристического свойства”, если “оно одно определяет основы географического разграничения”. Например, “преобладание воды в южном полушарии служит поводом к разделению всего земного шара на две главные части – северо-восточную материковую и юго-восточную морскую”. Другой пример: “Одно климатическое свойство полярной полосы составляет из этой местности самостоятельный географический отдел, равно как жар и безводие соединяют в одно географическое целое пустыни Африки”.

Оценивая значение этой работы, Н.Г. Сухова пишет: “Связывая теорию географии с задачей признаков деления территории, Ханыков впервые обратил внимание на однородность как показатель естественного единства. Подобный подход стал не только первым опытом теоретического анализа проблемы районирования в русской литературе, но долго оставался и единственным” [159, 144].

Вторая статья Я.В. Ханыкова носит название “Материалы для статистики народонаселения Оренбургской губернии” и также заканчивается словами “продолжение следует” [29]. В ней обсуждается вопрос “о причинах неудовлетворительности отечественной статистики при кажущемся богатстве материалов по этой части”, а также “о действительных способах к устранению дальнейшей бесплодности статистических работ”. Эти вопросы были поставлены на заседании отделения статистики Русского географического общества А.П. Заблоцким-Десятовским, Д.А. Милутиным и К.С. Веселовским. Ханыков излагает точку зрения каждого из этих “главных представителей статистической науки” и заключает, что все они сошлись в том, что “статистическая деятельность у нас не ведет к той цели, к которой должна вести, то есть не доставляет настоящего понятия о предмете своих исследований”. Причину же этого явления они объясняют по-разному и предлагают разные способы его устранения.

Включившись в дискуссию, Ханыков утверждает, что необходимо выяснить, какие в настоящий момент у разных отделов статистики имеются источники. Под источниками он понимает “первообразные факты, достаточно дробные для употребления их при разрешении статистических задач и достаточно достоверные по способу собирания их”. Затем, по его мнению, следует “обнародовать эти источники так, как издаются исторические до-

кументы, с комментариями, вариантами и критическими пояснениями” [29, 11].

Статьи, публикацией которых для Я.В. Ханыкова начался 1853 г., оказались его последними научными работами. Он писал Ю.Ф. Самарину 30 декабря 1852 г.: «В здешних “Губернских ведомостях”, в первых номерах вы найдете две моих статьи – единственное умственное отдохновение, которое я позволил себе в прошлом году»⁶. В дальнейшем возможностей для такого отдохновения служба уже ему не предоставляла. Широко задуманные исследования остались незаконченными.

10 октября 1852 г. Я.В. Ханыков “за ревностную службу и особые труды” был пожалован в действительные статские советники, а 11 апреля 1853 г. Высочайшим приказом был утвержден в должности гражданского губернатора, которую до сих пор он только “исправлял”⁷. О делах, ежедневно его занимавших и полностью поглощавших внимание, некоторое представление дают “Оренбургские губернские новости”. Они печатали, например, “Таксу, утвержденную г-ном гражданским губернатором, на продажу в Уфе хлеба и мяса”, писали о его присутствии на торжественном акте в губернской гимназии по случаю завершения 1852–1853 академического года и поездках в Оренбург 11–19 марта 8–13 мая.

Необходимость этих поездок диктовалась как делами службы, так и желанием встретиться с близкими людьми – В.А. Перовским, В.В. Григорьевым, В.В. Вельяминовым-Зерновым. Без этого провинциальная жизнь с ее не всегда приятными особенностями была бы в тягость. В провинции, как говорил Григорьев, “если человек по своим понятиям о жизни и службе имеет дерзость не покоряться общему мнению, он непременно, не вмешиваясь даже в чужие дела, наживает себе массу врагов, которые будут наносить ему оскорбления при всяком удобном случае, оскорбления, хотя и мелкие, но зато постоянные, от которых уйти некуда” [146, 111]. Ханыкова не могла спасти от этого даже его высокая должность.

В Оренбурге положение было несколько иным. Этот город, “центральный правительственный пункт обширного и разнообразного во всех отношениях края, представлял в то время, при незначительности помещичьего элемента, наиболее совершенный тип генерал-губернаторского города. Главный начальник края составлял солнце, к которому все тяготело; его личный характер налагал печать на все общество, потому что все оно находилось

⁶ РГБ. Отд. рук. Ф. 265. Картон 206. № 3. Л. 42.

⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. № 13249. Л. 30 об.

в непосредственной от него зависимости. Антураж его давал тон и остальному чиновничеству. Город чиновничий по преимуществу, Оренбург снабжался высшим чиновничьим классом из Петербурга; а потому и чиновничество это не имело никакого местного колорита, обладало достоинствами и недостатками петербургскими” [46, 111].

В мае 1853 г. газета сообщала о передаче генерал-губернаторских полномочий Н.В. Балкашину “по случаю временного отсутствия генерал-адъютанта Перовского”, который возглавил военный поход на Сыр-Дарью к кокандской крепости Ак-Мечеть, построенной на киргизских землях. Назначенный заведовать походной канцелярией, отправился в степь и В.В. Григорьев. А осенью, вернувшись после завершившего поход взятия Ак-Мечети, он был командирован в Петербург, чтобы приобрести книги об Оренбургском крае и Средней Азии для библиотеки, которую Перовский учреждал в своей канцелярии [101].

В связи с летним военным предприятием забот и обязанностей у гражданского губернатора прибавилось, но он по-прежнему интересовался научными исследованиями и всячески их поддерживал. “Оренбургские губернские ведомости” продолжали сообщать читателям “сведения о всех ученых трудах, относящихся к исследованию Оренбургского края”, из номера в номер публиковались статьи В.В. Вельяминова-Зернова, В.В. Завьялова и др., печатались обзоры изданий РГО с выходившими в них картографическими работами Я.В. Ханькова. О поддержке, которую он оказывал исследователям, говорит, например, следующее примечание к статье В.В. Завьялова “Древняя куфическая надпись в Мензелинском уезде Оренбургской губернии”, опубликованной 17 января 1853 г.: “По распоряжению его превосходительства Я.В. Ханькова снимок этой надписи был передан на рассмотрение профессора Императорского Казанского университета И.П. Березина, который восстановил чтение первых семи строк и сообщил перевод их”. В июле газета сообщила об открытии в Уфе метеорологической обсерватории.

В дальнейшем положение осложнилось: 1 июля 1853 г. газета опубликовала манифест Николая I о начале войны с Турцией, а 17 февраля 1854 г. – о вступлении в войну Англии и Франции. В этом манифесте говорилось, что “Западные державы, без предварительного объявления войны, ввели свои флоты в Черное море, провозгласив намерение защитить турок и препятствовать нашим военным судам в свободном плаванье у берегов наших”. Началась Крымская война. Сообщения о военных действиях, ход которых не радовал, героическая оборона Севастополя, манифест о созыве ополчения – все это нашло широкий отклик у

населения и вызвало, как выразился Перовский в одном из писем Ханыкову, общее воодушевление, разделяемое “всеми сословиями Оренбургского края, одинаково без различия племен и вероисповеданий”. Архивные материалы показывают, что на имя гражданского губернатора поступали многочисленные послания от представителей разных сословий, которые, “желая выразить сочувствие свое войскам, сражающимся за Отечество”, собирали для их поддержки большие денежные средства. Через него передавалась и царская благодарность за пожертвования.

В.А. Перовский, здоровье которого постоянно ухудшалось, тяжело переживал происходящие события. По-видимому и у Я.В. Ханыкова настроение было подавленным. Об этом свидетельствует письмо Перовского от 15 января 1854 г.⁸, в котором он поздравлял друга с очередным орденом.

Яков Владимирович! или правильнее, любезный Яша, имею удовольствие поздравить вас с кавалером первостепенным и прошу верить, что вы в моих глазах всегда таковым были.

Помнишь, как в порывах юных мечтаний ты бредил о губернаторстве как о деле трудно сбыточном – и вот ты посвящен во все таинства и облечен всеми доспехами этого высокого сана; и вот мечты твоей юности частью исчезли и ты видишь, что все это, все, не только губернаторство, но (страшно вымолвить) даже генерал-губернаторство – вздор и дрянь. Но что не вздор и не дрянь и дело недюжинное, это невидимое для других, а для нас двух осязаемое отношение, соединяющее нас более 20 лет с первого дня, когда мы сошлись, и до сих пор. Во все это время мы ни одной минуты не остались чуждыми друг для друга, ни одного раза не дали взаимного повода и каждый день даже в разлуке сближались более и более. Этим немногие могут похвалиться, не будем хвастать и мы, в этом не было нашего рукоделия, ни даже старания или намерения, Богу было угодно привить нас друг к другу, возблагодарим Ему. Не знаю, зачем говорю я тебе все это и зачем говорю именно теперь по случаю довольно мелкому.

Моя затея приехать в Уфу, кажется, не сбудется; все это время мне плохо, и подумать не могу пуститься в дорогу, не доехал бы до Сакмарска. Сомневаюсь, чтобы до весны удалось мне наладить мои легкие.

Новостей особых нет. В Петербурге и Москве идут толки о мире; вообще мира бояться – страх понятный и утешительный. Я не знаю, как в настоящих обстоятельствах могли бы мы заключить мир, не говорю славный и [неразборчиво], но даже честный

⁸ РНБ. Отд. рук. Ф. 823. Оп. 1. № 8.

и благопристойный, а между тем, если обстоятельства изменятся совершенно в нашу пользу, то еще менее представляется понятным, на каком основании англо-французы откроют мирные переговоры.

Все же наводит на мысль, что дело войны ведется свыше, а не Пальмерстоном, Нессельроде, Ньюкестелем и Долгоруким, как многие предполагают.

Обнимаю тебя.

В. Перовский.

Письма Перовского к Ханыкову за 1854 г. свидетельствуют, что он чувствовал себя физически все хуже и очень болезненно воспринимал сообщения о ходе войны. 27 сентября он пишет: “Грустно, тяжело на сердце. Вчера еще я надеялся, что не так скоро успеют англичане и французы приблизиться с берега к Севастополю, что Меньшиков задержит их на занятой им позиции, что войска, идущие к нему на помощь с Дуная, успеют подойти вовремя; но нынче получил прилагаемое объявление и потерял всякую надежду. Теперь уже все должны быть в Севастополе и, если Бог не рассеял неприятельский флот, то все кончилось ужасным для нас образом. Последствия, потери в материальном, политическом отношении, для нас неисчислимы”⁹.

Кроме того, его одолевали волнения о беспутном сыне Алеше, доставлявшем ему много горя. 27 октября¹⁰ он писал Ханыкову об отправке его в Казань для консультаций с врачами и о “невыносимой грусти”, испытанной при расставании.

Но одновременно в его письмах начинает проскальзывать беспокойство о самом Ханыкове. Он чувствовал, что приближается неотвратимое несчастье: у его друга стали проявляться признаки наступающей душевной болезни. Как писал Ханыков впоследствии Ю.Ф. Самарину, расстройство его здоровья “началось со смерти жены”¹¹.

В письме от 7 января 1855 г., сообщая Ханыкову о возвращении Алеши “совсем здоровым”, Перовский прямо спрашивал: “О твоём здоровье дошли до меня какие-то гадкие слухи. В чем дело?”¹². А 8 марта он писал самарскому гражданскому губернатору К.К. Гроту как о деле уже известном: “Ханыкову не лучше... Скоро нельзя будет скрывать его положения”¹³.

⁹ РНБ. Отд. рук. Ф. 823. Оп.1. № 9. Л. 241.

¹⁰ Там же. Л. 230–231.

¹¹ РГБ. Отд. рук. Ф. 265. Картон 206. № 3. Л. 43.

¹² РНБ. Отд. рук. Ф. 823. Оп. 1. № 9. Л. 31.

¹³ ПФА РАН. Ф. 137. Оп. 9. № 7. Л. 22 об.

В марте 1855 г. Я.В. Ханыков еще раз побывал в Оренбурге. Перовский писал Гроту 14 числа: “Ханыков приехал вчера и пробыдет здесь несколько дней”¹⁴. Проводив гостя и получив известие о его быстром приезде в Уфу, он с болью писал ему: “Такая скорая езда имеет и свою невыгодную сторону. Не может быть, чтобы неизбежное утомление от пути не отразилось на твоём здоровье, на счет которого находишься ты в совершенном заблуждении. Оно меня тем более беспокоит, что даже из письма твоего я вижу, как мало ты о нем думаешь... Если не остановить этого тотчас, то навлечешь на себя большую беду, а мне доставишь большое, невыразимое горе. Прежде всего надобно тебе не только отдохнуть, но и дать время твоим больным нервам совершенно успокоиться. Это должно предшествовать всякому медицинскому лечению, которое не может быть действительно, доколе раздраженные от умственных напряжений органы не придут в нормальное состояние. Для этого я не прошу тебя, а *требую*, чтобы ты теперь же отстранил себя совершенно от занятий по управлению краем”¹⁵.

Но в Уфе у Ханыкова произошел нервный срыв, и 1 апреля Перовский отправил к нему своего врача¹⁶. Сам Ханыков объяснил это Самарину как результат простуды на обратной дороге из Оренбурга, куда он ездил поздравить Перовского с пожалованием ему графского титула. “Туда я доехал благополучно, но, возвращаясь благополучно же до Общего Сырта на северной стороне, нашел совершенную ростопись и наконец ночью попал с экипажем в зажору, так что его стало заливать; я должен был выйти из него, но для этого нужно было пройти по грудь в ледяной воде до берега зажоры, потом мокрому дожидаться на холодном ветре целый час, наконец, намокшему в мокром экипаже ехать 2 часа до станции. В первую минуту возвращения в Уфу я не почувствовал ничего особенного, и хоть была страстная, начал два раза в день ездить в архиерейскую церковь.

Но в пятницу на выносе Плащаницы со мной сделалась такая слабость, что я должен был, не дождавшись, уехать из собора. С тех пор я слег и пролежал 5 недель, почти не вставая с постели, в сильной горячке. На шестой неделе я стал выезжать и окачиваться холодной водой – это средство как всегда очень помогло мне. Затем Василий Алексеевич взял меня в Оренбург, поместил у себя в доме и действительно смотрел за мной, как за сыном. Вскоре мы переехали на кочевку, там свежий воздух,

¹⁴ Там же. Л. 28 об.

¹⁵ РНБ. Отд. рук. Ф. 823. Оп. 1. № 9. Л. 230–231.

¹⁶ Там же. Л. 216.

беззаботная жизнь, окачиванья поутру, души перед обедом и после обеда, распадаевская примочка и сыворотка на арабских фруктах – приносили мне пользу”¹⁷.

Затем было решено отправить больного на курорт. В.В. Григорьев писал 20 июня в Петербург: “Ханыков не сегодня-завтра едет купаться в Каспийское море на Петровской пристани в Дагестан, а с ним и Вельяминов-Зернов. Не с кем будет и словом перемолвиться” [146, 138]. Самарину Ханыков писал, что до Самары они “доехали сухим путем, а потом до Астрахани и из нее до Петровского, скверной деревни с бесполезной крепостью и бесполезным двадцатитысячным гарнизоном”. Рассказав, что там “море дрянное, но имеет одно хорошее свойство – сильную волну”, он сообщает, что это укрепило ему нервы и в Астрахань он приехал “уже гораздо лучше”¹⁸.

Из Астрахани он написал Перовскому и в ответ получил теплое письмо, датированное 3 сентября, в котором ему предписывалось в Оренбург не возвращаться, а ехать прямо в деревню Вельяминова Корсунское. Перовский писал: “Там ты можешь советоваться с московскими докторами, ехать в Москву, если будет нужно; туда приедет к тебе отец из Петербурга”¹⁹. В письме сообщалось также, что его тетка Анна Яковлевна, мать Вельяминова, выехала с его детьми с кочевки, заедет в Уфу и тоже отправится в деревню. “Жалко мне было, – кончает Перовский, – расставаться с твоими мальчишками, особенно с Павлом”.

В Уфу Я.В. Ханыков больше не вернулся, но новый гражданский губернатор был назначен только 14 июня 1856 г. Из его писем, написанных новым, детским почерком видно, что он так и не смог окончательно прийти в себя, хотя думал, что здоров, и уже в ноябре 1855 г. хотел ехать в Петербург – хлопотать о новом месте службы. От этого его решительно отговаривал В.А. Перовский, в письмах которого чувствуется острая боль от сознания, что разум его талантливого молодого друга угасает. Уговаривая его продолжать лечение, он писал 12 декабря 1855 г.: “Нужно ли мне, любезный друг, говорить тебе, что никто более меня не желает тебе совершенного выздоровления и что никто не нуждается в нем столько, как я... Кто тебя не знал прежде, кто знал поверхностно, тот скажет, что ты говоришь и пишешь не только здраво, но и умно; и это суждение будет основательно и справедливо, потому что действительно и теперь ты несравненно умнее многих, не бывших никогда, подобно тебе, больными; а я, сравнивая тебя с тобою, гово-

¹⁷ РГБ. Отд. рук. Ф. 265. Картон 206. № 3. Л. 42 об.–43.

¹⁸ Там же.

¹⁹ РНБ. Отд. рук. Ф. 823. Оп. 1. № 9. Л. 255.

рю, что далеко еще Ханыкову до Ханыкова, что ему необходимы еще отдых и развлечения, а не служебные занятия, что в нем заметна умственная усталость, отсутствие прежнего взгляда на вещи и прежних светлых мыслей, прежних чувств. Вот, любезный друг, мое мнение. Верь ему и не огорчайся, а напротив того радуйся моим словам. Тому два или три месяца назад я не сказал бы тебе того, что говорю теперь, и моя откровенность должна тебе служить доказательством, что я уверен в твоём совершенном выздоровлении, если последуешь моему совету беречь себя, особенно в умственном и психическом отношениях”²⁰.

Однако Ханыков был очень настойчив и в письмах просил помочь ему в хлопотах с тем, чтобы “остаться в Петербурге на один или два года”. Он надеялся вернуться к научным занятиям и выполнить планы, намеченные ранее. Но ходатайства Перовского, как видно из его писем, результатов не дали. Попытка завершить начатые карты тоже не привели ни к чему.

В Архиве РГО имеется “Дело по предложению действительного члена Я.В. Ханыкова о продолжении предпринятых им картографических работ”²¹. Оно начинается письмом Ханыкова в Совет РГО от 7 июля 1857 г., в котором он просит содействия в доработке трудов, которые находятся в РГО, но “остались без окончания”. Им были названы 4 работы.

1. Карта Средней Азии, начатая совместно Болотовым, в которой есть малая часть неоконченная.

2. Карта Каспийского моря, совершенно оконченная, но которую нужно исправить по новым сведениям.

3. Перевод, сделанный под руководством Ханыкова действительным членом Толстым тома “Географии” Риттера о Хиве, Бухаре и Коканде.

4. Карта озера Иссыкуль, которую по новым сведениям, полученным из Оренбурга, тоже надобно дополнить”²².

В конце сделано примечание: “Дополнением к переводу Толстого о Хиве послужит “Описание Хивинского ханства” Данилевского и моя карта Аральского моря и Хивинского ханства. Дополнением сведений о Бухаре может служить путешествие брата моего Николая Ханыкова. Относительно Коканда есть новейшие подробные сведения у члена Географического общества Вельяминова”. Высказана также просьба “оказать содействие наёмом двух топографов для окончания всех нужных картографических работ”.

²⁰ Там же. Л. 262.

²¹ Архив РГО. Ф. 1–1857. Оп. 1. № 19.

²² Там же. Л. 1–2.

Письмо, написанное детским почерком с грамматическими ошибками, показывает, кроме физической беспомощности автора, также потерю реального представления о положении в географической науке.

В выписке из журнала заседаний Совета РГО от 23 сентября 1857 г.²³ содержится решение в связи с письмом Ханыкова. Совет отметил прежде всего, что “составление карты Средней Азии приостановлено было по Обществу ввиду работ, предпринятых по тому же самому предмету Генеральным штабом, который располагает в этом отношении большими средствами, чем Общество”²⁴. В отношении карты Каспийского моря Совет полагает, что она полезна и необходима. Что касается перевода труда Риттера и комментариев к нему, то его подготовка связывалась теперь с результатами, которые ожидалась от экспедиции А.А. Семенова на Тянь-Шань. В решении Совета говорится, что “Семенов ныне производит некоторые ученые исследования... именно с целью издания русского перевода и дополнений к нему”, а поэтому вопрос будет решен “не иначе, как по возвращении Семенова”.

Совет заключил, что “признает несомненную пользу всех означенных выше ученых работ”, но “денежных способов едва достаточно для удовлетворения многих начатых в Обществе не менее важных для науки предприятий”. Было определено: “Сообщить об этом действительному члену Я.В. Ханыкову, благодаря его от имени Общества за то постоянное и полезное для успеха и деятельности участие, которое он принимал в занятиях Общества”²⁵.

Получив это сообщение, Ханыков 18 октября 1857 г. направил секретарю РГО письмо с просьбой возвратить ему начатую им с Болотовым карту Средней Азии и, кроме того, “поручить кому-нибудь перевести с английского” его статью, вышедшую в 1843 г. в Лондоне, и издать приложенную к этой статье карту Арроусмита. На письме сделана пометка: “Карта Средней Азии возвращена его превосходительству Я.В. Ханыкову 22 октября 1857 г.”²⁶.

Сведения о последних попытках Я.В. Ханыкова приобщиться к научной работе содержатся в его письмах В.В. Григорьеву, отправленных в Оренбург в 1856–1857 гг.

Первое из них²⁷, датированное 24 января 1856 г. и написанное в Петербурге, начинается словами: “Многоуважаемый Василий

²³ Там же. Л. 3–4.

²⁴ Там же. Л. 3 об.

²⁵ Там же. Л. 4.

²⁶ Там же.

²⁷ РГИА. Ф. 853 (Григорьева). Оп. 2. № 199.

Васильевич! По желанию вашему посылаю переписанный с находящегося у меня черногового отчет В[асилия] А[лексеевича] с 1833 по 1842 гг.” Эта просьба Григорьева была связана с тем, что он составлял для готовившегося к отъезду Перовского общий отчет за весь период его деятельности в Оренбурге, и ему был необходим отчет за 1833–1842 гг., составленный в свое время Ханьковым.

Далее следует просьба: “Попросите у В.А. перед отъездом выслать все собственные мои документы, переданные Симонову, и привезти частную переписку”. Оставленные в Оренбурге бумаги были нужны ему для написания “Истории Хивинской экспедиции”, которую он “брался кончить скоро”, поскольку в ожидании нового назначения на службу располагал большой свободой времени. Среди принадлежащих ему “выписок и документов” он называет различные материалы о Хивинском походе, копии “журналов с разновременных экспедиций в степи”, “записку Даля о поездке Виткевича в Бухару”, “коротенькую записку о том же Демезона”, несколько проектов похода на Хиву и др. Кроме того, Ханьков просит Григорьева достать для него в Оренбурге несколько карт, в том числе “новую карту губернии и степи”.

Во втором письме²⁸, высланном 25 апреля 1857 г., повторяется просьба о возвращении его собрания документов, которое, как следует из приведенного списка, действительно имело большую историческую ценность. Обещание прислать их ему Ханьков получил у нового генерал-губернатора А.А. Катенина, выезжавшего в Оренбург на смену В.А. Перовскому. В заключение Ханьков сообщает, что послал Григорьеву свой портрет и надеется, что он “заплатит тем же”.

Кстати, следует заметить, что ни одного изображения Я.В. Ханькова в ходе работы над его научной биографией обнаружить не удалось.

В письме от 23 мая 1857 г.²⁹ Ханьков благодарит Григорьева за присылку карты, повторяет просьбу о документах и сообщает, что брат Николай оставляет Тавриз и перед новым назначением приедет в Петербург, чему он “очень рад”.

В следующем письме³⁰ (4 июля) Ханьков, напомнив о документе, картах и портрете Григорьева, просит уведомить его, “выехал ли Василий Алексеевич в Петербург”. Он пишет, что племянник Перовского поэт Алексей Константинович Толстой

²⁸ РНБ. Ф. 608 (И.В. Помяловского). Оп. 1. № 2625.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

“ждет его со дня на день, и потому я не еду к детям”. По-видимому, он собирался, встретившись с Перовским, уехать в деревню.

Наконец, в письме от 22 августа 1857 г.³¹ Ханыков сообщает Григорьеву о встрече с Перовским, который был тяжело болен и, пробыв в Петербурге совсем недолго, уехал в Крым. “Василий Алексеевич, – пишет он, – 20 августа, вопреки всех убеждений, выехал в 2 часа с тяжелым поездом в своем дормезе”.

Это была их последняя встреча. В.А. Перовский умер в Алушке 8 декабря того же года. Я.В. Ханыков сошел с общественной сцены одновременно с ним. Из немногих встречающихся в литературе упоминаний о нем можно заключить, что в последующие годы его душевная болезнь прогрессировала. Он умер 25 января 1862 г.

В некрологе Русского географического общества было сказано: “Угас после продолжительной болезни один из талантливейших людей нашей среды, бывший (1851) секретарь Общества Я.В. Ханыков... Общество, без сомнения, всегда сохранит благодарную память об этом человеке, сумевшем придать своими счастливыми дарованиями такое одушевление занятиям Общества”.

³¹ Там же.

Основные даты жизни и деятельности Я.В. Ханыкова

1818, 2 марта	– дата рождения.
1829	– окончание Благородного пансиона при Царско-сельском лицее, поступление в лицей.
1835, 31 октября	– окончание Царскосельского лицея.
1835, 20 ноября	– определение чиновником особых поручений “с прикомандированием для занятий к статистическому отделению”.
1836, 6 июня	– прикомандирование к оренбургскому военному губернатору В.А. Перовскому для собирания статистических сведений об Оренбургском крае.
1837, 9 июня	– окончание работы над “Географическим обозрением Оренбургского края” и награждение за нее бриллиантовым перстнем.
1839	– публикация “Географического обозрения Оренбургского края”.
1839, сентябрь	– составление военно-топографического описания Хивинского ханства к предстоящему военному походу.
1841, февраль	– описание северо-восточной части Средней Азии или Турана;
	– составление проектов инструкций для дипломатических миссий в Бухару и Хиву.
1841, июнь	– приезд в Оренбург председателя Лондонского географического общества Р.И. Мурчинсона.
	– Представление ему карты и описания Южного Урала.
1841, ноябрь	– составление карты Турана.
1841, декабрь	– отъезд из Оренбурга в Петербург.
1841	– выход в свет “Обозрения рудного производства частных Оренбургских заводов в 1838 г.”
1842, январь	– составление обзора торговых сношений России со Средней Азией и проекта мер по их улучшению.
1842, апрель	– отъезд за границу.
1842–1843	– путешествие по Европе, встречи со статистиками и географами, в том числе с Л.А.Ж. Кетле и А. Гумбольдтом.

- 1843 – публикация на английском языке статьи “Орографический обзор Оренбургского края” в журнале “Лондонского королевского географического общества”.
- 1844–1849 – служба в министерстве внутренних дел (Петербург, Рига)
- 1845 – избрание в действительные члены Русского Географического общества; письмо А. Гумбольдту с объяснением карты земель Внутренней и Малой киргизских Орд.
- 1847, апрель – женитьба на Екатерине Евгеньевне Головиной.
- 1847 – выход в свет статьи “Очерк состояния Внутренней киргизской Орды в 1841 г.”
- 1848 – рождение сына Владимира.
- 1849 – назначение на должность профессора в Александровский (бывший Царскосельский) лицей;
- избрание секретарем совета лицея;
- смерть новорожденного ребенка.
- 1850 – рождение сына Павла;
- публикация работы Я.В. Ханыкова и Ю.В. Толстого “Список мест в северо-западной части Средней Азии, положение которых определено астрономически”.
- 1851, март – избрание на должность секретаря Русского географического общества.
- 1851, 6 декабря – назначение на должность оренбургского гражданского губернатора.
- 1852, 1 января – смерть жены.
- 1852, 19 января – на общем собрании РГО зачитано письмо А. Гумбольдта с оценкой картографических работ Я.В. Ханыкова и сообщением о награждении его прусским орденом Красного Орла за эти работы.
- 1852, февраль – отъезд в Уфу.
- 1853 – публикация в “Оренбургских губернских ведомостях” вступительных статей к “Географическим очеркам Оренбургского края” и “Материалов для статистики народонаселения Оренбургской губернии”.
- 1853 – публикация карты озера Иссык-Куль и сопредельных с ним стран.
- 1855 – болезнь с последующим отъездом из Оренбургского края и отставкой.
- 1857 – переписка с РГО о завершении начатых картографических работ.
- 1862, 25 января – кончина Я.В. Ханыкова.

Труды Я.В. Ханыкова

1. Статистическое обозрение Австрии // Журнал мин-ва внутр. дел. 1836. Ч. XIX. № 1. С. 156–176; № 2. С. 438–447.
2. Географическое обозрение Оренбургского края // Матер. для статистики Росс. имп., изд. при Стат. отделении Совета мин-ва внутр. дел. СПб., 1839. Т. 1. Отд. II. С. 1–92.
3. Обозрение рудного производства частных Оренбургских заводов в 1838 г. // Матер. для статистики Росс. имп., изд. при Стат. отделении Совета мин-ва внутр. дел. СПб., 1841. Т. 2. Отд. IV. С. 46–118.
4. Настоящее политическое значение Средней Азии с точки зрения англо-русского соперничества (1840) // *Н.А. Халфин*. Россия и ханства Средней Азии. М.: Наука, 1974. С. 269–271.
5. Инструкция главе бухарской миссии [К.Ф. Бутеневу] (1841). ГАОО. Ф. 6, Оп. 10. № 5240, Л. 133–161 об.; 308–309.
6. Статистическая инструкция временному агенту Росс. Имп. двора при высокостепенном Хане Хивинском (1841). ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. № 5240. Л. 44–46 об.; 51 об.–60.
7. Записка о среднеазиатской торговле (1842) / *Н.Г. Залесов*. Посольство в Хиву полковника Данилевского в 1842 г. // Военный сборник. 1866. Т. 49. № 5–6. С. 57–68.
8. [*Khanikoff J.*] Orographical survey of the country of Orenburg: from Russian Mss. (communicated by the President) // The Journ. of the Royal Geograph. Soc. of London. 1843. Vol. 13. Part III. P. 278–324.
9. Карта земель киргизов Внутренней и Малой Орд (Из письма А. Гумбольдта от 2 марта 1845 г.) // Журн. мин-ва внутр. дел 1845. Ч. X. С. 95–104. – Совместно с Н.В. Ханыковым.
10. Очерк состояния Внутренней Киргизской Орды в 1841 г. // Зап. РГО. 1847. Кн. 2. С. 27–61; 2-е изд. 1849. С. 121–148.
11. Список мест в северо-западной части Средней Азии, положение которых определено астрономически. СПб., 1850. Совместно с Ю.В. Толстым.
12. Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740–1741 гг. поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным // Геогр. изв., изд. РГО / под ред. В.В. Григорьева. 1850. Вып. 3. С. 514–599.
13. О карте Миллерова маршрута от Орска до Зюнгорских владений и обратно // Геогр. изв., изд. РГО под ред. В.В. Григорьева. 1850. Вып. 3. С. 661–663.

14. Записка о карте северо-западной части Средней Азии от 14 мая 1850 г. // Архив РГО. Ф. 1–1850. Оп. 1. № 26, Л. 1–14.
15. Поездка Пospelова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г. // Вестник РГО. 1851. Ч. I. Отд. VI. С. 1–56.
16. Очерк истории медицинской полиции в России. СПб., 1851.
17. Дополнения и исправления списка мест в северо-западной части Средней Азии, положение которых определено астрономически. СПб., 1851.
18. Отзыв о корректурных листах Генеральной карты Азии Киперта, в масштабе 250 верст в дюйме // Вестник РГО. 1851. Ч. I. Кн. I. Отд. 1. С. 57–62.
19. О карте северо-западной части Средней Азии // Вестник РГО. 1851. Ч. III. Кн. V. Отд. 1. С. 19–20. Совместно с А.П. Болтовым.
20. Карта Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями. СПб., 1851.
21. Пояснительная записка о карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями // Зап. РГО. 1851. Кн. V. С. 268–358.
22. Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями. СПб., 1851.
23. [*Khanikoff J.*] *Karte de la mer d'Aral et du Khanat de Khiva*. Paris, 1851.
24. Письмо вице-президенту Русского географического общества от 15 декабря 1851 г. // Вестник РГО. 1852. Ч. IV. Отд. VII. С. 20–22.
25. Сведения о роде Тевкелевых и о службе генерал-майора Тевкелева, об Оренбургском крае и о Киргиз-кайсацких ордах // Временник Моск. об-ва истории и древностей российских. 1852. Кн. 13. Отд. 3. С. 15–21.
26. Географическая деятельность в Оренбургском крае (из письма к секретарю РГО) // Вестник РГО. 1852. Ч. VI. Кн. I. Отд. V. С. 18–19.
27. Письмо А.В. Суворова Г.А. Потемкину от 10 декабря 1784 г. // Оренбург. губ. ведомости. Часть неофиц. 1852. № 16.
28. Географические очерки Оренбургского края // Оренбург. губ. ведомости. Часть неофиц. 1853. № 1. С. 6–9.
29. Материалы для статистики народонаселения Оренбургской губернии: Вступление // Оренбург. губ. ведомости. Часть неофиц. 1853. № 1. С. 9–12.
30. Карта озера Иссык-Куль и сопредельных с ним стран. СПб., 1853.
31. Список мест в северо-западной части Средней Азии, положение которых определено астрономически // Зап. РГО. 1851. Кн. X. Совместно с Ю.В. Толстым.

Использованная литература

32. Аксаков И.С. Письма к родным. 1844–1849. М.: Наука, 1988.
33. Архипова Н.П., Ястребов Е.В. Как были открыты Уральские горы. Челябинск: Юж.-Ур. книжн. изд-во, 1982.
34. Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России // Академик В.В. Бартольд. Сочинения. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1977. Т. IX. С. 197–482.
35. Берг Л.С. Аральское море. СПб., 1908.
36. Благородный пансион Императорского Царскосельского лицея (1814–1829). СПб., 1869.
37. Блаرامберг И.Ф. Воспоминания. М.: Наука, 1978.
38. Блюмин Г.З. В дали неизведанной земли: Труды и жизнь Григория Карелина. Челябинск: Юж.-Ур. книжн. изд-во, 1982.
39. Богословский А. Записка о долине Зеравшана и горах, ее окружающих // Горн. журн. 1842. Ч. 2. Кн. X. С. 1–206.
40. Бутенев К.Ф. Минеральные богатства Бухарии // Горн. журн. 1842. Ч. IV. Кн. XI. С. 137–183.
41. Вальская Б.А. Путешествия Е.П. Ковалевского. М.: Географиздат, 1956.
42. Вальская Б.А. Яков Владимирович Ханыков // Отечественные экономико-географы / Под ред. Н.Н. Баранского и др. М.: Учпедгиз, 1957. С. 182–185.
43. Вальская Б.А. Вклад Русского географического общества в изучение стран Востока. М., 1960.
44. Вальская Б.А. Яков Владимирович Ханыков (1848–1862) // Страны и народы Востока. Вып. X. 1971. С. 218–240.
45. Веселовский Н.И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве. СПб., 1874.
46. Веселовский Н.И. Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. 1816–1881. СПб., 1887.
47. Галкин–Враский М.Н. Заметка на письма графа В.А. Перовского // Рус. архив. 1882. Кн. 1–3. С. 242–243.
48. Гептнер В.Г. Эдуард Александрович Эверсман. Зоолог и путешественник (1794–1860). М.: Изд-во МГУ, 1940.
49. Гнучева В.Ф. Материалы к истории экспедиций Академии наук XVIII–XIX вв. М. – Л., 1940.

50. *Гоголь Н.В.* Друзья Николая Васильевича Гоголя в их к нему письмах: Ю.Ф. Самарин, В.В. Чижов, М.П. Погодин, А.В. Никитенко (1836–1847) // Рус. старина. 1889. № 7. С. 163–176; № 8. С. 363–385.
51. *Гоголь Н.В.* Письма Н.В. Гоголя к Аркадию Осиповичу Россети. 1843–1847 // Рус. старина. 1884. № 1. С. 163–172.
52. *Гоголь Н.В.* Переписка. М.: Худ. лит., 1988. Т. 1–2.
53. *Гра А.П.* Оренбург 40-х гг. XIX в. по описанию Базинера // Тр. Орен. уч. арх. комиссии. 1903. Вып. XI.
54. *Григорьев В.В.* Разбор сочинения П.И. Небольсина “Очерки торговли России с Среднею Азией” // Отчеты о XXV-м присуждении демидовских наград. СПб., 1856. С. 109–182.
55. *Гудков Г.Ф., Гудкова З.И.* Из истории южно-уральских горных заводов XVIII–XIX вв. Уфа, 1985.
56. *Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. С.Т. Аксаков.* Семья и окружение. Краеведческие очерки. Уфа: Башк. книж. изд-во, 1991.
57. *Гумбольдт А.* Письмо Я. Ханыкову от 16 декабря 1851 г. // Вестник РГО. 1852. Ч. IV. Отд. VII. С. 17–18.
58. *Гумбольдт А.* Центральная Азия: Исследования о цепях гор и о сравнительной климатологии / Пер. с фр. П.И. Бородина. Под ред. Д.Н. Анучина. М., 1915. Т. I.
59. *Даль В.И.* Военное предприятие против Хивы // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1860. № 1. Отд. II. С. 147–166; Неизвестный В.И. Даль. Оренбург: Оренб. книжн. изд-во, 2002. С. 182–204.
60. *Даль В.И.* Письма к друзьям из похода на Хиву // Рус. архив. 1867. № 3.
61. *Даль В.И.* Неизвестный Владимир Иванович Даль. Оренбургский край в очерках и научных трудах писателя / Составители А.Г. Прокофьева, Г.П. Матвиевская, В.Ю. Прокофьева, И.К. Зубова. Оренбург: Оренб. книжн. изд-во, 2002.
62. *Даль Екатерина.* Хивинский поход // Гостиный двор (лит.-худ. и обществ.-полит. альманах). 1995. № 2. С. 168–173.
63. *Данилевский Г.И.* Описание Хивинского ханства // Зап. РГО. 1851. Кн. V. С. 62–155.
64. *Дебу И.Л.* Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем ее состоянии. М., 1837.
65. *Добросмыслов А.И.* Тургайская область: Исторический очерк // Изв. Оренбург. отд. РГО. Оренбург, 1900. Вып. 15.
66. *Дорофеев В.В.* Над Уралом-рекой. Оренбург, 1988.
67. *Дорофеев В.В.* Пушкинские места в Оренбурге. Оренбург, 1997.
68. *Дорофеев В.В.* Оренбург времен пребывания в нем В.И. Даля // Оренбургский край. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2003. Вып. 2. С. 7–17.
69. *Егоров А.Д.* Лицеи России. Опыт исторической хронологии в 5 книгах // Кн. 5. Императорский Александровский (бывший Царскосельский) лицей. Иваново, 1995.
70. *Егоров Б.Ф.* Петрашевцы. Л.: Наука, 1988.

71. *Есаков В.А., Соловьев А.И.* Русские географические исследования европейской России и Урала в XIX – начале XX в. М.: Наука, 1964.
72. *Жуковский И.В.* Краткое обозрение достопамятнейших событий Оренбургского края с 1746 по 1832 г. СПб., 1832.
73. *Жуковский С.В.* Сношения России с Хивой и Бухарой за последнее трехсотлетие. Прг., 1915.
74. *Завьялов В.В.* Успехи развития азиатской географии в последние пятнадцать лет // Оренбург. губ. вед. Часть неофиц. 1852. № 49.
75. *Завьялов В.В.* Об источниках и пособиях для изучения Оренбургского края и соседственных земель Средней Азии // Оренб. губ. вед. 1853. Часть неофиц. № 33–34.
76. *Залесов Н.Г.* Посольство в Хиву капитана Никифорова в 1841 г. // Воен. сб. 1861. № 11. С. 41–92.
77. *Залесов Н.Г.* Очерк дипломатических сношений России с Бухарою с 1836 по 1843 г. // Воен. сб. 1862. Т. 27 № 9–10. С. 3–46.
78. *Залесов Н.Г.* Посольство в Хиву подполковника Данилевского в 1842 г. // Воен. сб. 1866. Т. 49. № 5–6. С. 41–75.
79. *Захарьин И.Н.* Посольство в Хиву в 1842 г.: По рассказам и запискам очевидцев // Ист. вестн. 1894. Т. 58. № 11. С. 427–447.
80. *Захарьин (Якунин) И.Н.* Граф В.А. Перовский и его зимний поход в Хиву. СПб., 1901.
81. *Зобов Ю.С.* Историки Южного Урала. Вторая половина XIX – начало XX в. Оренбург, 1991.
82. *Зобов Ю.С.* Очерки оренбургской старины // Гостиный двор (лит.-худ. и обществ.-полит. альманах) Оренбург, 1995. № 1. С. 130–139.
83. *Зобов Ю.С.* К творческой биографии русского ученого-востоковеда Я.В. Ханыкова (1818–1862) // Историческая демография русских Башкортостана. Уфа, 2002. С. 49–55.
84. *Зубов В.П.* Историография естественных наук в России. М.: Изд-во АН СССР, 1956.
85. *Иванин М.И.* Описание зимнего похода в Хиву 1839–1840 гг. СПб., 1874.
86. *И.О.* Экспедиция Генерального штаба полковника Берга на Усть-Юрт 1825–1826 гг. (Эпизод из истории нашего ознакомления с Средней Азией) // Воен. сб. 1879. № 12. С. 195–204.
87. *Кобеко Д.* Императорский Царскосельский лицей. Наставники и питомцы. СПб. 1911.
88. *Кокшаров Н.И.* Воспоминания // Рус. архив. 1890. Т. 65. С. 601–608; Т. 66. С. 1–23.
89. *Крачковский И.Ю.* Очерки по истории русской арабистики // И.Ю. Крачковский. Избр. соч. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 5. С. 9–192.
- 89а. *Левшин А.И.* Описание Киргиз-казацких, или Киргиз-кайсацких, орд и степей. Ч. 1–3. СПб., 1832.
90. *Липский В.И.* Григорий Силыч Карелин. Жизнь и путешествия. СПб., 1905.
91. *Любина Г.В.* Россия и Франция. История научного сотрудничества. М.: Янус, 1996.

92. *Макшеев А.И.* Описание Аральского моря // Зап. РГО. СПб., 1851. Кн. V. С. 30–61.
93. *Макшеев А.И.* Описание низовьев Сыр-Дарьи. СПб., 1851.
94. *Макшеев А.И.* Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПб., 1891.
95. *Матвиевская Г.П. Я.В. Ханыков* в Оренбургском крае // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Тез. XX годичн. конфер. СПб. отд. Росс. Нац. комитета по ист. и филос. науки и техн. СПб., 1999. С. 28.
96. *Матвиевская Г.П.* Прекратить навсегда враждебные России действия... // Гостинный двор. 2000. № 8. С. 193–199.
97. *Матвиевская Г.П.* Рукопись, найденная в Оренбурге // Гостинный двор. Лит.-худ. и обществ.-полит. альманах. 2000. № 9. С. 74–81.
98. *Матвиевская Г.П.* Оренбург и отечественное востоковедение в первой половине XIX в. // История и философия науки. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2001. Вып. 2. С. 9–20.
99. *Матвиевская Г.П.* Первый музей Оренбурга // Оренбургский край: Архивные документы. Материалы исследования. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2001. Вып. 1. С. 7–29.
100. *Матвиевская Г.П. Э.А. Эверсман* и Оренбургский край // Э. Эверсман. Естественная история Оренбургского края. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2001. С. 13–50.
101. *Матвиевская Г.П.* Из истории библиотечного дела в Оренбурге (В.А. Перовский и В.В. Григорьев – основатели первой оренбургской библиотеки) // Матер. третьих Междунар. измайловских чтений, посв. 170-летию приезда в Оренбург А.С. Пушкина. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2003. Ч. 1. С. 322–327.
102. *Матвиевская Г.П.* А. Леман – исследователь оренбургского края // Немцы в России. Российско-немецкий диалог. СПб.: ДБ, 2001. С. 442–449.
103. *Матвиевская Г.П.* Оренбургские страницы жизни Г.С. Карелина // Оренбургский край. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2003. Вып. 2. С. 18–41.
- 103а. *Матвиевская Г.П.* Средняя Азия стала научной целью моей жизни. Н.А. Северцев в Оренбурге // История и философия науки. Вып. 4. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2003. Вып. 4. С. 5–16.
104. *Матвиевская Г.П., Зубова И.К.* Владимир Иванович Даль. 1801–1872 / Отв. ред. Э.Н. Мирзоян. М.: Наука, 2002.
105. *Матвиевский П.Е. Г.Ф. Генс* и его оренбургские записи о русско-индийских связях в XVIII – первой трети XIX вв. // Из истории Южного Урала и Зауралья. Челябинск, 1966. С. 49–69.
106. *Матвиевский П.Е.* русско-казахская экспедиция на Каратурсгай // Уч. зап. Оренбург. пед. ин-та. 1972. Вып. 18. С. 161–188.
107. *Матвиевский П.Е.* Александр Гумбольдт и Иван Виткевич.: К истории русского востоковедения и дипломатии 30-х годов XIX в. // Гостинный двор (лит.-худ. и обществ.-полит. альманах). 1977. № 4. С. 221–228.
108. *Матвиевский П.Е., Ефремов А.В.* Петр Иванович Рычков (1712–1777). М.: Наука, 1991.

109. *Мейендорф Е.К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару / Пер. с фр. Е.К. Бетгера / Ред. и вступ. ст. Н.А. Халфина. М.: Наука, 1975.
110. *Мейер Л.* Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865.
111. *Модестов Н.* Магистр философии Фома Карлович Зан в Оренбурге // Тр. Оренб. уч. арх. комиссии. Оренбург, 1917. Вып. XXXV.
112. *Мурчисон Р.И., Вернейль Э., Кейзерлинг А.А.* Геологическое описание Европейской России и хребта Уральского / Пер. А.Д. Озерского. СПб., 1849.
113. *Небольсин П.И.* Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский край // Вестн. Имп. РГО / Под ред. В.А. Милютина. 1852. Ч. IV. Отд. V. С. 1–34.
114. *Небольсин П.И.* Очерки торговли России со странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Коканом (со стороны Оренбургской линии). СПб., 1856.
115. *Никитин Н.П. К.И.* Арсеньев и его роль в развитии экономической географии в России // Вопр. географии. 1948. Сб. 10. С. 3–40.
116. *Никитин Н.П.* Исторический обзор развития отечественной экономической географии // Отечественные экономико-географы / Под ред. Н.Н. Никитина, Ю.Г. Саушкина. М.: Учпедгиз, 1957. С. 5–35.
117. *Никитина Ф.Г.* Письмо-приговор // Родина. 1996. № 5. С. 171–172.
118. *Новокишанова-Соколовская З.К.* Картографические и геодезические работы в России в XIX – нач. XX в. М.: Наука, 1967.
119. *Обручев В.А.* Александр фон Гумбольдт как путешественник и географ и в особенности как исследователь Азии // А. фон Гумбольдт. Центральная Азия. Пер. с франц. П.И. Бороздича. М., 1915. С. CXIII–CXVI.
120. Об издании “Оренбургских губернских ведомостей” в 1853 г. // Оренб. губ. вед. 1852. № 3 (6 сентября).
121. Объем и порядок обозрения народного богатства, составляющего предмет хозяйственной статистики // Журн. мин-ва внутр. дел. 1845. Ч. IX. С. 5–39.
122. О картографических и географических трудах Я.В. Ханькова // Географ. изв., изд. РГО / Под ред В.В. Григорьева. 1850. Вып. 3. С. 422–432.
123. О трудах Лемана в связи с работами других исследователей Оренбургского края и соседних с ним стран Азии // Географ. изв. изд. РГО / под ред. В.В. Григорьева. 1850. Вып. 3. С. 422–432.
124. Отчет Имп. Русского географического общества за 1845–1846 гг. // Зап. РГО. 1849. Кн. I–II.
125. Отчет Имп. Русского Географического общества за 1851 г. // Вестник РГО. 1852. Ч. IV. Кн. II. С. 15–84.
126. *Перовский В.А.* Отчет по управлению Оренбургским краем с 1833 по 1842 г. // Рос. нац. библиотека (СПб). Отд. рук. Ф. 571. № 13, Л. 50–50 об.
127. [*Перовский В.А.*] Оренбургский губернатор Василий Алексеевич Перовский. Документы. Письма. Воспоминания / Сост. Е.Г. Верто-

- усова, Г.П. Матвиевская, А.Г. Прокофьева. Оренбург: Оренбург. книжн. изд-во, 1999.
128. *Перцик Е.Н.* Константин Иванович Арсеньев (1789–1865) // Творцы отечественной науки. Географы. М.: Агар, 1996. С. 103–114.
129. *Плошко Б.Г., Елисеева И.И.* История статистики. М., 1990.
130. *Попов А.В.* Рукописи Генса // Тр. Оренб. уч. арх. комиссии. Оренбург, 1907. Вып. XIX. С. 168–182.
131. *Попов А.В.* Холера 1829–1833 годов в Оренбургском крае // Тр. Оренб. уч. арх. комиссии. Оренбург, 1910. Вып. XXI.
132. *Попов А.Н.* Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом // Записки РГО. 1853. Кн. IX. С. 237–319.
133. Протоколы заседаний совета Русского географического общества за 1850 г. // Геогр. изв., изд. РГО / Под ред. В.В. Григорьева. 1850. Вып. 4. С. 494–495.
134. *Птуха М.В.* Очерки по истории статистики в СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. I–II.
135. *Пушкин А.С.* Письма последних лет. 1834–1837 / Отв. ред. Н.В. Измайлов. Л.: Наука, 1969.
136. Рескрипт короля Прусского о пожаловании г-ну Ханькову ордена Красного Орла второй степени за географические его заслуги и преимущественно за составленную им карту Аральского моря // Вестник РГО. 1852. Ч. IV. Отд. VII. С. 1–2.
137. Рескрипт Великого князя Константина Николаевича Я.В. Ханькову // Вестник РГО. 1852. Ч. IV. Отд. VII. С. 55–56.
138. Рецензия на книгу: Ханьков Я.В., Толстой Ю.В. Список мест в северо-западной части Средней Азии, положение которых определено астрономически // Геогр. изв., изд. РГО под ред. В.В. Григорьева. 1850. Вып. 4. С. 671–672.
139. *Рубец А.А.* Наставникам, хранившим юность нашу: Памятная книжка чинов Императорского, бывшего Царскосельского, Лицея с 1811 по 1911 гг. СПб., 1911.
140. *Руденская М.П., Руденская С.Д.* С лицейского порога. Л.: Литиздат, 1984.
141. *Руденская М.П., Руденская С.Д.* Наставникам... за благо воздадим. Л.: Литиздат, 1984.
142. *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. Оренбург: Оренб. отд. РГО, 1887.
143. *Садовников Д.* Отзывы современников о Пушкине // Истор. вестн. 1883. № 12. С. 520–542.
144. *Самарин Ю.Ф.* Статьи. Воспоминания. Письма. 1840–1876. М.: Терра, 1997.
- 144а. *Самарин Ю.Д.* Письма 1840–1853. М., 1911. Т. XII. / Сочинения
145. *Севастьянов С.Н.* Григорий Федорович Генс // Тр. Орен. уч. арх. комиссии. 1903. Оренбург, 1907. Вып. XIX. С. 158–167.
146. *Селезнев И.Я.* Исторический очерк Императорского бывшего Царскосельского, ныне Александровского лицея за первые его 50-летие, с 1811 по 1861 гг. СПб., 1861 г.
- 146а. *Селиханович В.Г.* Алексей Павлович Болотов. М., 1958.

147. *Семевский В.И.* Петрашевцы: Кружок Кашкина // *Голос минувшего*. 1916. № 2, С. 41–61; № 3, С. 48–68; № 4. С. 174–192.
148. *Семенов П.П.* История полувековой деятельности Русского географического общества. 1845–1895. СПб., 1896. Т. 1.
149. *Семенов В.Г., Семенова В.П.* Губернаторы Оренбургского края. Оренбург: Оренбург. книжн. изд-во, 1999.
150. *Серебренников А.Г.* Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. Ташкент. 1908–1912. Т. I–IV.
151. [*Смирнова А.О.*] Из переписки А.О. Смирновой с Аксаковыми // *Рус. архив*. 1896. № 1. С. 142–160.
152. [*Смирнова А.О.*] Из писем А.О. Россета к А.О. Смирновой // *Рус. архив*. 1896. № 2. С. 279–310; № 3. С. 362–379.
153. *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. М.: Наука, 1989.
154. *Смольников И.Ф.* Путешествие Пушкина в Оренбургский край. М.: Мысль, 1991.
155. Собрание РГО 18 ноября 1850 г. // *Геогр. изв.*, изд. РГО / Под ред. В.В. Григорьева. 1850. Вып. 3. С. 467–468.
156. *Соловьев М.М.* Ученая экспедиция в Бухару в 1841–1842 гг. при участии натуралиста Александра Лемана. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936.
157. Справочная книжка Уфимской губернии. 1882–1883 гг. Уфа, 1883.
158. *Столпянский П.Н.* Город Оренбург: Материалы к истории и топографии города. Оренбург, 1908.
159. *Сухова Н.Г.* Карл Риттер и географическая наука в России. Л.: Наука, 1990.
160. *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. СПб., 1906.
161. *Толстой Ю.* Очерк жизни и службы Е.А. Головина // *Девятнадцатый век: Ист. сб.*, изд. П. Бартеневым. 1872. Кн. 1. С. 1–64.
162. *Толстой Ю.* О духовном братстве Е.Ф. Татариновой // *Девятнадцатый век: Ист. сб.*, изд. П. Бартеневым. 1872. Кн. 1. С. 220–234.
163. *Трубецкой В.В.* Н.В. Ханыков и его роль в развитии этнографии // *Н. Ханыков. Записки по этнографии Персии*. М.: Наука, 1977. С. 5–24.
164. *Федчина В.Н.* Как создавалась карта Средней Азии. М.: Наука, 1967.
165. *Фукс Ф.* Из истории мистицизма. Татаринова и Головин // *Рус. вестник*. 1892. Кн. 1. С. 3–31.
166. *Халфин Н.А.* Николай Владимирович Ханыков // *Н. Ханыков. Экспедиция в Хорасан*. М.: Наука, 1973. С. 5–23.
167. *Халфин Н.А.* Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1974.
168. *Халфин Н.А.* (ред.) *Записки о Бухарском ханстве: Отчеты Демезона и Виткевича*. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1983.
169. *Халфин Н.А., Рассадина Е.Ф.* Н.В. Ханыков – востоковед и дипломат. М.: Наука, 1973.
170. *Ханыков Н.В.* Описание Бухарского ханства. СПб., 1843.

171. *Ханыков Н.В.* О населении киргизских степей, занимаемых Внутреннею и Малою Ордами // Журн. мин-ва внутр. дел. 1844. Ч. VIII. № 10. С. 3–60.
172. *Ханыков Н.В.* Городское управление в Средней Азии. СПб., 1844.
173. *Ханыков Н.В.* Самарканд. Рассказы очевидца. СПб., 1868.
174. *Ханыков Н.В.* // Рус. биограф. словарь / Изд. под наблюд. А.А. Половцева. СПб., 1901. Т. 20. С. 277–279.
175. *Ханыков Н.В.* Экспедиция в Хорасан / Пер. с фр. Е.Ф. Рассадина / Вступ. ст. Н.А. Халфина. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1973.
176. *Ханыков Н.В.* Записки по этнографии Персии / Пер. с фр. Е.Ф. Рассадина / Отв. ред. В.В. Трубецкой. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1977.
177. *Ханыков Я.В.* // Рус. биограф. словарь / Изд. под наблюд. А.А. Половцева. СПб., 1901. Т. 20. С. 280.
178. *Ханыков Я.В.* // Биограф. словарь деятелей естествозн. и техн. / Отв. ред. А.А. Зворыкин. М.: БСЭ, 1959. Т. 2. С. 332.
179. *Ханыков Я.В.* Некролог: Отчет о действиях Имп. Русского географического общества за 1862 г. СПб., 1863. С. 4.
180. *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. 2.-е изд. Л.: Наука, 1989.
181. *Черемшанский В.М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении. Уфа, 1859.
182. *Чибилев А.А.* В глубь степей. Екатеринбург, 1993.
183. *Шафрановский И.И.* Николай Иванович Кокшаров. М. – Л.: Наука, 1964.
184. *Шенрок В.И.* А.О. Смирнова и Н.В.Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844–1851 // Рус. старина. 1888. № 4–10. С. 125–147.
185. *Шенрок В.И.*–Материалы для биографии Гоголя. М., 1898. Т. 4.
186. *Шуберт Ф.Ф.* История военно-топографического депо и геодезических работ Генерального штаба // Зап. военно-топографич. депо. СПб., 1837. Ч. I.
187. *Эверсман Э.А.* Естественная история Оренбургского края. Оренбург: Типогр. штаба Отд. оренб. корпуса, 1840. Ч. I.
188. *Эверсман Э.А.* Естественная история Оренбургского края. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2001. Ч. 1–2.
189. *Экштут С.* Обжалованию подлежит // Родина. 1996. № 5. С. 173–175.
190. *Юдин П.Л., Граф В.А.* Перовский в Оренбургском крае // Рус. старина. 1896. № 5. С. 409–429; № 6. С. 521–551.
191. *Юдин П.Л.* Григорий Федорович Генс, первый директор Неплюевского кадетского корпуса // Рус. старина. 1899. № 8. С. 363–373.
192. *Яхонтов А.Н.* Воспоминания Царскосельского лицеиста. 1832–1838 // Рус. старина. 1888. Т. 60. № 10. С. 101–124.
193. *Basiner T.F.J.* Naturwissenschaftliche Reise durch die Kirgisensteppes nach Chiva. St.-Pet., 1848.

194. *Helmersen G.* Alexander Lehmann's Reise nach Buchara und Samarkand in den Jahren 1841 und 1842. Nach den hinterlassenen Schriften desselben bearbeitet und mit Anmerkungen versehen // Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angränzenden Länder Asiens / Hrsg. von K.C. Baer und G. Helmersen. Bd. XII. St.-Pet., 1852. Bd. XII.
195. *Murchison R.J.* A few observations on the Ural mountains, to accompany a new map of Southern Portion of that chain // The Journal of the Royal Geographical Society of London. 1844. Vol. 1–13. Part II. P. 269–278.
196. *Rose G.* Mineralogisch-geognostische Reise nach dem Ural, dem Altai und dem Kaspischen Meere. Berlin, 1837–1842. Bd. 1–2.

Список сокращений

ГАОО	– Государственный архив Оренбургской области.
ИРЛИ	– Институт русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский дом).
РГИА СПб.	– Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).
РГО	– Русское географическое общество.
РГБ	– Российская государственная библиотека.
РНБ	– Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург).
ПФА РАН	– Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук.
ЦГАЛИ	– Центральный государственный архив литературы и искусства.

Указатель имен

- Аббот Джеймс 83
Абулхаир, хан Малой орды 17, 166
Айвазовский Иван Константинович 101
Аитов, поручик 73, 74
Аксаков Григорий Сергеевич 168
Аксаков Иван Сергеевич 102, 116, 118
Аксаков Сергей Тимофеевич 102, 118, 168
Александр Николаевич, великий князь, наследник престола (будущий император Александр II) 39
Александр I 110
Алла-кул, хивинский хан 81
Анна Иоанновна 17, 151
Анжу Петр Федорович 145
Арроусмит А. (Arrowsmith A.) 92
Арсеньев Константин Иванович 33, 34, 39, 97, 98, 131, 132
Артюхов Константин Демьянович 30

Ба́зинер Федор Иванович 81, 82
Балкашин Николай Васильевич 30, 88, 96, 172
Бартольд Василий Владимирович 76, 134
Беневини Флорио 157
Берг Федор Федорович 21, 131, 132
Бларамберг Иван Федорович 45, 75, 82, 88, 163
Богданов Модест Николаевич 139

Богословский А. 75, 76
Бодиско Леонтий Николаевич 66
Болотов Алексей Петрович 143, 155, 159, 178
Борнс А. (Burns A.) 157, 165
Брандт Федор Федорович 76
Букеев Джангер 141
Булгарин Фаддей Венедиктович 43
Бурнашев Алексей Степанович 153
Бутаков Алексей Иванович 148, 154
Буташевич-Петрашевский Михаил Васильевич 126, 127
Бутенев Константин Федорович 72, 74, 75, 95
Бэр Карл Максимович 131, 132

Вальская Блюма Абрамовна 6, 61, 168
Васильев Иван Осипович 88
Вельяминов-Зернов Владимир Владимирович 126, 163, 166, 171, 172, 176
Вельяминова-Зернова Анна Яковлевна, мать В.В. Вельяминова-Зернова, сестра В.Я. Ханькова 176
Вернейль Ф.-Э.П. (F.-E.P. Verneil) 86, 87, 89
Веселовский Константин Степанович 11, 170
Виткевич Иван (Ян) Викторович 30, 31, 179
Волженцов Павел 75

Вольховский Владимир Дмитриевич 10, 20, 22
 Врангель Федор Петрович 131, 132, 138
 Вронченко Михаил Павлович 131, 132
 Вяземский Петр Андреевич 102, 122
 Гельмерсен Григорий Петрович 76, 91, 93, 116, 131–134
 Генс Григорий Федорович 22, 23, 30, 44, 45, 135, 138
 Герман Карл Федорович 33
 Гирс Александр Карлович 143, 158
 Гоголь Николай Васильевич 6, 102, 103–105, 107–109, 112
 Гладышев Дмитрий Васильевич 153
 Головин Евгений Александрович 109–111, 113–115, 117
 Головин Павел Евгеньевич 111
 Головин Сергей Евгеньевич 111, 118, 168
 Головина Елизавета Павловна 110
 Головина (Ханыкова) Екатерина Евгеньевна 112, 113, 115, 116, 122
 Голубков Платон Васильевич 142, 155
 Гонзалес де Клавихо 76
 Григорьев Василий Васильевич 118, 126, 127, 137, 139, 143, 145, 171, 172, 176, 179, 180
 Грот Карл Карлович 174, 175
 Гумбольдт Александр (A. von Humboldt) 5, 22–24, 30, 91, 95, 98, 129, 130, 134, 136, 140, 145, 156, 157, 165, 166, 169
 Даль Владимир Иванович (Казак Луганский) 6, 11, 31, 40–49, 61, 64–69, 85, 86, 88, 95, 96, 98–100, 102, 106, 116, 131–133, 138, 179
 Даль Юлия Егоровна 46

Данилевский Григорий Иванович 81, 82, 108, 148, 154, 177
 Дебу Иосиф Львович 33–36, 38, 39
 Демезон Петр Иванович 26, 30, 31, 179
 Дубельт Леонтий Васильевич 127
 Дьяконов Александр Никифорович 30, 44, 45
 Дюрер Альбрехт 98
 Жемчужников Аполлон Аполлонович 30, 88, 94
 Жуковский Василий Андреевич 39, 43, 96, 102, 109
 Жуковский Иван Васильевич 34, 37, 38
 Заболицкий-Десятовский Андрей Парфенович 170
 Завьялов В.В. 164–166, 172
 Залесов Николай Гаврилович 75, 77
 Зан Фома Карлович 26, 30
 Захарьин (Якунины) Иван Николаевич 75
 Зеленины, топографы 81
 Зефилов М. 164
 Зобов Юрий Спиридонович 6
 Зубов Василий Павлович 122
 Иванин Михаил Игнатьевич 67, 68, 69
 Ивановский Игнатий Акинфиевич 15
 Иванов Александр Андреевич, художник 101, 104, 109
 Иванов Мартиниан Иванович 30, 44, 45
 Иванов Н.К., певец 100, 101
 Кайданов Иван Кузьмич 14
 Канкрин Егор Францевич 86, 87, 92
 Карамзины 102
 Карелин Григорий Силыч 6, 22, 24, 25, 30, 45, 82, 83, 163
 Карцов Яков Иванович 14

Катенин Александр Андреевич 179
 Кейзерлинг Александр Андреевич 86
 Кеппен Петр Иванович 131, 132
 Кетле Л.А.Ж. (Quételet L.A.J.) 97
 Кирилов Иван Кирилович 17, 88
 Ковалевский Егор Петрович 67, 72
 Кокшаров Николай Иванович 86, 88, 89
 Константин Николаевич, великий князь 130–132, 141, 161
 Константин Павлович, великий князь 8
 Корф Фердинанд Николаевич 108
 Краевский Андрей Александрович 44, 45
 Крузенштерн Иван Федорович 131
 Кукольник Нестор Васильевич 11

 Ламанский В.И. 140
 Леман Александр Иванович 66, 67, 75, 76, 83, 85, 86, 95
 Лемм Бурхардт Фридрихович 22, 145
 Ленц Эмилий Христианович 132
 Лепехин Иван Иванович 138
 Лермонтов Михаил Юрьевич 102
 Лёвшин Александр Ираклиевич 131, 132
 Литке Федорв Петрович 131, 132, 141
 Лосиевский В.С. 164
 Людовик XIII 14

 Макшеев Алексей Иванович 148
 Мандт Мартин, придворный врач 108, 124
 Мария Николаевна, великая княгиня 104, 108
 Мейендорф Егор Казимирович 20, 21
 Меньшиков Александр Сергеевич 174

Миллер К. 153
 Милютин Дмитрий Алексеевич 6, 133, 139, 153, 170
 Милютин Николай Алексеевич 6, 113–115, 118, 133, 139, 140
 Михаил Павлович, великий князь 8
 Морсони, певец 101
 Муравин Иван, геодезист 153
 Муравьев Михаил Николаевич 131–133, 141, 144, 158
 Мурчисон Р.И. (Murchison R.J.) 5, 86–93, 136, 145, 165
 Мясников И.С. 58

 Надеждин Николай Иванович 118, 139
 Наумова (Языкова) Наталья Алексеевна 42
 Негри Александр Федорович 19–21
 Неплюев Иван Иванович 17
 Нессельроде Карл Васильевич 70, 71, 75
 Никифоров Прокопий Андреевич 72, 74–77, 81, 82, 145
 Николай Павлович, великий князь; с 1825 г. – император Николай I 27, 65, 110, 111, 124, 126, 132, 172

 Ободовский Александр Григорьевич 33
 Обручев Владимир Афанасьевич 81, 95, 108, 138, 145
 Одоевский Владимир Федорович 131
 Озерский Александр Дмитриевич 143

 Паллас Петр Симон 54
 Пандер Христиан Иванович 20, 21
 Перовский Алексей 95, 96, 99, 103, 104, 106, 108, 109, 174
 Перовский Василий Алексеевич 26–32, 38–40, 59–62, 65, 66, 68, 70, 71, 73–77, 82–90, 92–99,

101–104, 106–109, 123–127, 132,
136, 140, 163, 171–177, 179, 180
Перовский Лев Алексеевич 84,
85, 95, 106, 118
Петр I 17, 91, 121, 151
Пилецкий Мартин Степанович
114
Попов Александр Николаевич
115
Поспелов Михайло 153
Потемкин Григорий Александр-
ович 162
Присниц В. 104, 105
Пугачев Емельян Иванович 48
Пушкин Александр Сергеевич 8,
10, 11, 20, 42, 43, 48, 102

Рассадина Екатерина Федоровна
5
Рахим-кул, хивинский хан 81
Рафаэль 105
Рикорд Петр Иванович 131
Риттер Карл 6, 129, 130, 132, 141,
143, 159, 168, 169, 178
Розе Густав 91
Рокасовский Платон Иванович
95, 124
Россет Аркадий Осипович 96,
103, 104, 112
Россини Джакомо 101
Росточина Евдокич Петровна
102
Рычков Петр Иванович 33, 138

Савельев Павел Степанович 139
Самарин Юрий Федорович 6, 102,
112, 113, 115, 117, 118, 122, 128,
128, 129, 171, 174, 176
Северцов Николай Алексеевич
30
Селезнев Иван Яковлевич 118,
119
Семенов Тянь-Шанский Петр
Петрович 5, 131, 132, 139, 143,
155, 158, 178
Сенковский Осип Иванович (ба-
рон Брамбеус) 21, 43, 64
Середа Аким Иванович 108, 125

Скорняков Андрей Иванович 75
Скотт Вальтер 10
Смирнова-Россет Александра
Осиповна 102, 103, 105, 107,
108, 109, 115, 118
Соловьев Михаил Михайлович
75
Столянский Петр Николаевич
162
Струве Василий Яковлевич 131,
132
Стодарт Чарльз 83
Суворов Александр Аркадьевич
117, 162
Суворов Александр Васильевич
162
Сухова Наталия Георгиевна 6,
143, 168
Сухтелен Павел Петрович 24–27,
30, 34, 110

Татаринова Екатерина Филип-
повна 110, 111
Татищев Василий Никитич 17, 62
Тафаев Капитон Макарович 30
Твердышев Иван Борисович 58,
62
Тимофеев Александр Козмич 88
Толстой Алексей Константино-
вич 179
Толстой Юрий Васильевич 152,
177
Тургенев Иван Сергеевич 43

Федоров Василий Федорович 157
Фомин Ф.Ф. 165

Халфин Нафтула Аронович 5, 153
Ханык 7
Ханыков Александр Владимиро-
вич 7, 126, 127
Ханыков Владимир, сын Я.В. Ха-
ныкова 116, 128
Ханыков Владимир Яковлевич 7
Ханыков Николай Владимиро-
вич 5, 7, 8, 64, 65, 67, 68, 75, 76,
95, 106, 108, 124, 133, 134, 136,
144, 153–155, 177, 179

Ханыков Павел, сын Я.В. Ханькова 116, 128, 176
Ханыков Яков Владимирович 5–8, 13–15, 32, 39–52, 54, 55, 58–66, 68–109, 112–129, 133–180
Харитонов А.А. 10, 11, 16
Хомяков Алексей Степанович 102, 116, 128
Хомякова Екатерина Михайловна 128

Циммерман К. 145

Черемшанский Василий Макарович 61, 164
Чихачев Платон Александрович 66, 67, 108, 131
Чоглоков П.П. 164

Шевырев Степан Петрович 43
Шекспир Ричмонд 83
Штенберг Василий Иванович 67
Шульгин Иван Петрович 14

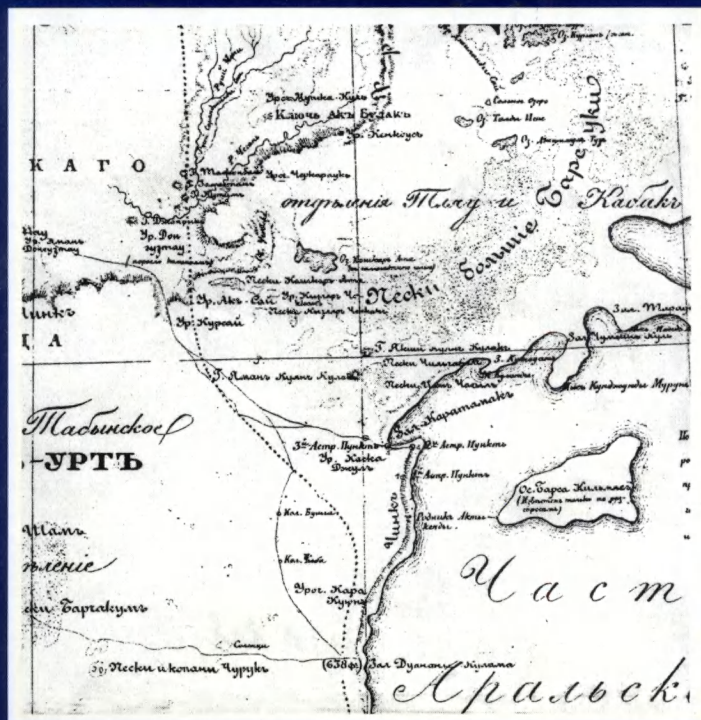
Эверсман Эдуард Александрович 20–22, 29, 66, 95
Эссен Петр Кириллович 20, 24, 33

Языков Александр Михайлович 41–43, 48
Языков Николай Михайлович 11, 41, 104
Яковлев Я.И. 75
Ястребов М.Н. 164
Яхонтов А.Н. 8–15

Содержание

От автора	5
Глава 1	
Детство и юность. Царскосельский лицей	7
Глава 2	
Служба в Оренбурге	17
Оренбург в 20–30-е годы XIX века	17
В.А. Перовский и изучение Оренбургского края	27
Начало статистических исследований в Оренбургском крае	32
Исследовательские поездки по Оренбургскому краю	40
Географическое обозрение Оренбургского края	49
Обозрение рудного производства частных оренбургских заводов в 1838 г.	58
Лето 1839 г. и Хивинский поход	64
Бухарская и хивинская миссии 1841–1842 гг.	70
Заботы лета 1841 г.	82
Встреча с Р.И. Мурчисоном	86
Глава 3	
Жизнь и труды 1842–1851 гг.	94
Поездка за границу	94
Служба в Риге. Женитьба	106
Работа в Русском географическом обществе.	129
Организация РГО	129
Первые исследования	133
“Землеведение Азии” К. Риттера	141
Картографические работы	143
Итоги работы	155
Глава 4	
Последние годы	162
Основные даты жизни и деятельности Я.В. Ханыкова	181
Труды Я.В. Ханыкова	183
Использованная литература	185
Список сокращений	194
Указатель имен	195

НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Г. П. Матвиевская

**Яков
Владимирович
Ханыков**

Г. П. Матвиевская

Яков Владимирович ХАНЫКОВ

НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Яков Владимирович Ханыков – известный в XIX веке востоковед, географ, картограф, активный сотрудник Русского географического общества. Его картографические работы получили высшую оценку у знаменитых географов А. Гумбольдта и Р.И. Мурчисона. В настоящее время он, к сожалению, оказался почти забытым.

Книга содержит очерк о его жизни и деятельности, основанный, главным образом, на архивных материалах.

ISBN 5-02-033232-1

